

Вадим Полищук

ЗЕНИТЧИК

Зенитчик

Гвардии зенитчик

Возвращенец

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Вадим Полищук

**Зенитчик: Зенитчик. Гвардии
зенитчик. Возвращенец**

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Полищук В.

Зенитчик: Зенитчик. Гвардии зенитчик. Возвращенец /
В. Полищук — «Издательство АСТ», 2012 — (Коллекция.
Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-152813-3

Вот он попал, причем в прошлое. А время на дворе самое развеселое – лето 1941 года. И закрутилось. Запасной полк-передовая-отступление-окружение... И оставаться в этой смертельной круговерти страшно, а соскочить еще страшнее. Но сумел, вывернулся, на теплое местечко пристроился, только не очень-то теплым оно оказалось. Если не пули, то осколки немецких бомб так и норовят в гроб вогнать. И непонятно, удастся ли вернуться обратно или навсегда придется устраиваться в этом неуютном мире. Поживем – увидим.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-152813-3

© Полищук В., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Зенитчик	6
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Вадим Полищук
Зенитчик: Зенитчик. Гвардии
зенитчик. Возвращенец (сборник)

© Вадим Полищук, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

ЗЕНИТЧИК

«Юнкерс» стремительно рос в визире-коллиматоре. Гах-гах-гах-гах! Гулко ударило орудие, в лоб самолета потянулись тусклые, почти невидимые в ярком солнечном свете, трассеры. С глухим стуком посыпались стреляные гильзы. И еще раз, гах-гах-гах-гах! Если бы не ватные затычки в ушах, уже бы совсем оглох. Еще одна порция еле видимых трассеров, глухой стук вылетевших гильз. И никакого результата – самолет несся к земле, вообще не обращая внимания на зенитный огонь. Получай, сволочь! Удар по педали... Гах-гах-гах-гах! Орудие содрогнулось от сильной отдачи и. Снова никакого эффекта. А почему молчат остальные? Концы крыльев «юнкерса» уже вылезли за пределы ракурсных колец визира. Это же считай в упор, промазать почти невозможно. Ну, давай! Гах-гах-гах-гах! Неужели мимо? Одно попадание и ему хана, такого снаряда ему с лихвой хватит и еще останется. Всё! Последняя попытка! Удар по педали. На этот раз пушка отозвалась только металлическим лязгом. От отчаяния попробовал еще раз, с тем же успехом. Вот теперь точно конец. Самолет заполнил уже весь прицел, захотелось увидеть свою смерть не через оптику, но откинуться назад и взглянуть поверх прицела помешало что-то мягкое, упершееся в затылок. Попытался еще раз и... проснулся.

Ту-дух – ту-дух, ту-дух – ту-дух, мерно постукивали на стыках колеса поезда. За окном солнце разгоняло предрассветные сумерки. Приснится же такое! Какие «юнкеры»?! Их уже лет семьдесят как отсюда вывели! Впрочем, нет, ровно семьдесят лет назад они здесь только появились. Точно, день в день, сегодня же двадцать второе июня, хорошо, что не воскресенье. Ф-фу-у-у, аж вспотел, надо бы умыться пойти.

Дотянулся до столика, нашарил часы, шесть пятнадцать. До прибытия на станцию Брест-Центральная еще больше двух часов, но спать уже не хотелось. Проклятый «юнкерс», весь сон прогнал. Никогда раньше такого не снилось. Десять лет, как последний раз из зенитной пушки стрелял, а во сне все было как наяву. И стрекот взводимого затвора, и лязг подаваемой обоймы, и приглушенный ватой в ушах звук выстрела, и глухой стук экстрагированных стальных гильз. Да-а-а, девять лет прошло с тех сентябрьских сборов. В конце сборов сдали экзамены и получили лейтенантов запаса, с тех пор вообще ни разу оружия в руки не брал. Интересная тогда сложилась ситуация: Союз почти год как распался, а в Российской армии еще дослуживали граждане уже независимых государств, как и россияне служили срочную в армиях этих самых государств.

Ту-дух – ту-дух, ту-дух – ту-дух. Соседи по купе дрыхнут, хорошо хоть не храпят, надо пойти умыться, пока весь вагон спит и туалеты свободны. Натянул штаны и футболку, защелкнул часы, на всякий случай сунул в карман спортивок паспорт и пухлый кошелек с двумя кило евро, а также кредитками. Надо было в эту чертову Европу самолетом лететь, но соблазнила возможность на двое суток отключиться от всей этой деловой суеты и расслабиться, жаль, СВ не было, пришлось брать купейный. Достал зубную щетку, пасту, мыло, прихватил неизменный атрибут всех железных дорог бывшего Союза – вафельное полотенце и осторожно, стараясь не хлопнуть дверью, выбрался в коридор. Как раз успел заметить, как захлопнулась дверь ближайшего туалета. Пришлось пилить в дальний, тот оказался свободен. Избавился от выпитого накануне, к счастью, вечер был безалкогольным, только чай, поэтому и голова не болела. Недолго поплескался в холодной воде из неудобного нажимного крана, почистил зубы и вытерся полотенцем.

На часах шесть двадцать четыре, до конца пути ровно два часа, надо придумать, чем заняться. Полотенце по старой привычке на шею, мыльницу в карман, паста и щетка зажаты в левой руке. Правой рукой открыл защелку и уже взялся за ручку, когда машинист врубил экстренное торможение. Не удержался на ногах, полетел вперед по ходу поезда и головой прило-

жился обо что-то твердое. Еще до того, как погасло сознание, успел услышать какой-то грохот, и в нос шибануло, казалось давно забытым запахом сгоревшего при взрыве тротила.

Глава 1

В себя пришел от истошного, раздирающего душу воя. Терракт! Первое, что пришло в голову. Выскочил из туалета и сразу пригнулся – коридор был заполнен дымом, где-то в глубине вагона полыхало пламя. От едкого дыма из глаз сразу хлынули слезы, из вагона выбирался на ощупь. Дверь рабочего тамбура была открыта, кто-то уже успел выскочить. Скатился по стальным ступенькам, и тут же ощущение опасности бросило меня в придорожную траву. Пулеметная очередь прошла буквально на расстоянии вытянутой руки. Жуткий вой стих, чтобы тут же возникнуть снова. Рискнул перекатиться на спину и замер от ужаса. Вот он! Ночной кошмар, с каждой секундой растущий в размерах. Широко раззявленная пасть воздухозаборника, характерный излом крыльев и «лапти» обтекателей шасси. И все это не во сне, а наяву. Даже ущипнул себя, но проснуться не получилось. И нет сейчас у тебя под задницей жесткого стального сиденья автоматической зенитной пушки. А лежишь ты на ровной полосе отчуждения железной дороги, вместе с остальными, кто успел выскочить из поезда, и ждешь. И надеешься, что повезет, что смерть пройдет мимо. Пересилив желание закрыть глаза, досмотрел все до конца, как замигали в консолях крыла пулеметные огоньки, как хлестнули по вагонам пули, и мелькнуло хвостовое оперение выходящего из пологого пикирования «юнкера».

А потом все закончилось. Прекратился вой сирен и затих звук мотора, остались только треск горящих вагонов, крики ужаса и боли тех, кто выжил. И пришло удивление. Казалось, что попал на огромную съемочную площадку, на которой снимают фильм о начале войны. Вот только никаких камер и режиссера под зонтиком, окруженного кучей ассистентов, не наблюдалось. Зато сам поезд существенно отличался от того, в который я сел вчера на Витебском вокзале Санкт-Петербурга. Локомотив был разворочен прямым попаданием бомбы, но в том, что это паровоз, не было никаких сомнений. И вагоны мало походили на привычные – с обеих сторон виднелись наружные черные лестницы, по которым сейчас спускались те, кто не успел покинуть их во время штурмовки. Кроме паровоза, от бомб пострадали еще два вагона, остальные были прошиты пулеметным огнем. Огонь постепенно расплзался по составу, и погасить его было нечем, да никто и не пытался.

Страхнув с себя оцепенение, поднялся на ноги. С удивлением обнаружил по-прежнему зажатые в левой руке зубную щетку и тюбик пасты. Торопливо, пока никто не заметил ярких иностранных надписей, засунул их в карман к мыльнице и побежал к соседнему вагону, который уже занимался пламенем с одного конца. Нижняя ступенька стальной лестницы оказалась на высоте моего лица, а рост у меня выше среднего. Поэтому спуск на железнодорожную насыпь оказался труднопреодолимым препятствием для многих, и совсем непреодолимым для детей и раненых. Тут мой рост и габариты пригодились кстати. Оттеснив от лестницы старшего лейтенанта в гимнастерке без ремня, который выбрал себе задачу явно не по росту, я начал подхватывать становившихся на нижнюю ступеньку детей и передавать их дальше, у земли их подхватывали другие и спускали вниз по насыпи. Поразило поведение некоторых малышей – в то время как их ровесники размазывали по лицу слезы или орали в полный голос, эти оставались молчаливы и не по-детски серьезны.

Впрочем, детей оказалось немного, дальше пошли раненые. Кто-то в вагоне догадался завернуть тяжелораненых в простыни, и теперь мы со старлеем принимали их из вагона и передавали дальше. Разворачиваться с ранеными в узком проходе было неудобно, дело двигалось медленно, а огонь подбирался все ближе. К счастью, тяжелых оказалось всего трое, дальше пошли легкие, потом четверо оставшихся в вагоне женщин. Последними, без нашей помощи, посыпались на насыпь подгоняемые жаром мужчины.

Я уже заметил, что значительную часть пассажиров составляют военные, одни из них были в форме, видимо ехали в не пострадавших вагонах, некоторые даже с личным оружием. Другие щеголяли измазанными в грязи и копоты белыми нательными рубашками, зелеными или темно-синими бриджами и сапогами. Было много молодых парней лет двадцати, видимо, лейтенанты, направляющиеся в Брест после училищ. Организовались они довольно быстро, главный определился очень просто, у кого выше звание, тот и командует. Самым старшим оказался военный лет тридцати пяти, одетый почти по форме, но без фуражки. В черных петлицах с красной окантовкой три шпалы и какая-то эмблема – подполковник. Он быстро организовал помощь раненым, направил трех командиров в ближайшую деревню за подводами для них. Матери разобрали своих детей, но быстро выяснилось, что не у всех детей есть родители, а некоторые из родителей тщетно искали своих детей.

За этой человеческой трагедией я наблюдал несколько отстраненно. Умом я уже понимал, что это все наяву, но до конца поверить в это еще не получалось. Несколько раз ущипнул себя, но ничего не изменилось: светило солнце, потрескивали горящие вагоны, плакали дети, голосил кто-то из женщин, стонали раненые. Так я просидел минут десять, никто на меня не обращал внимания. Наконец решился, подошел к догорающему вагону, оглянулся, никто вроде не смотрит. Вытащил из кармана орластый паспорт и сунул его в краснеющие угли, проследил, чтобы он сгорел без остатка, туда же вытряхнул несуществующие здесь деньги и пластиковые карточки, туда же сунул и сам кошелек. Теперь ревизия одежды. Футболка белая, без каких-либо надписей, изнутри, конечно, есть ярлыки с надписями на импортных языках, но спороть их нечем, да и проделывать подобную операцию лучше подальше от посторонних глаз. Штаны черные спортивные с тремя полосками и надписью «adidas». Никуда не годится, но авось пронесет, надпись довольно мелкая, да и перемазаны штаны изрядно, а по надписи еще и дополнительно сажай пройдемся. Туфли известной фирмы никаких надписей, по крайней мере, снаружи, не несут, а через десяток километров по местной дороге и вовсе от местных изделий фабрики «Скороход» не отличишь. Зубную пасту и щетку пожалел, где их здесь найдешь? Отличные кварцевые часы швейцарской фирмы прячу в карман, где был паспорт.

Какая все-таки удивительная тварь – человек, к любым условиям приспособится. Еще час назад вполне успешный и обеспеченный человек ехал в Европу, а сейчас он сидит в одних штанах и футболке, без денег, без документов, да еще и перед накатывающимся валом немецкого вторжения. В том, что это 22 июня 1941 года, никаких сомнений не было, если только я не стал жертвой теракта или железнодорожной катастрофы и сейчас лежу в реанимации какой-нибудь белорусской больницы с лошадиной дозой наркоты в организме. Ладно, будем действовать исходя из того, что все это не наркотические глюки, а реально происходящие события.

Присмотревшись и несколько разобравшись в происходящем, с удивлением понял, что подполковник собирается направить уцелевших на юго-запад в сторону Бреста. Ну да, это ты такой умный и все знаешь, а у него свои резоны. Ох, не стоит лезть не в свое дело, но смотреть на отправляемых прямо в объятия вермахта женщин и детей было выше моих сил. Поднялся с насыпи и пошел к подполковнику.

– Извините, товарищ подполковник...

По крайней мере, с обращением «товарищ» проблем нет, сказывается советская закалка.

– Военинженер первого ранга, – поправил меня «подполковник».

Пробежал по мне глазами, распознал штатского и добавил.

– Что вы хотели?

– Почему вы направляете людей в сторону Бреста, ведь совсем недавно мы проехали достаточно крупную станцию, там нам могут оказать помощь.

Командир снизошел до объяснений.

– Недавно, это на поезде, а так до Ивацевичей километров пятнадцать. С таким табором раньше чем через шесть часов вы туда не доберетесь. А в сторону Бреста следующая станция совсем рядом.

– Мы совсем недавно пересекли дорогу, ведущую в Минск. Идти по ней легче, чем вдоль насыпи и есть возможность поймать попутный автотранспорт. К тому же из Ивацевичей можно уехать по железной дороге, а с той станции в ближайшее время поезда ходить не будут.

Киваю на уничтоженный взрывом паровоз, искореженные рельсы и воронку в насыпи. Военинженер находит контраргумент.

– Оттуда можно добраться до Бреста.

– Это вам надо в Брест. Нас бомбили немецкие самолеты и не исключено, что сейчас на границе идет бой. А вы хотите тащить женщин и детей в зону боевых действий? Навстречу новым налетам?

Кажется, дошло, после секундного размышления военный инженер первого ранга кивает и отдает команду:

– Всем гражданским идти в сторону Минска!

Несколько голосов дублируют команду, начинается шевеление, первые пешеходы потянулись на северо-восток. Мне тоже пора.

– Ни пуха, ни пера вам, товарищ военинженер.

– И вам...

– Инженер я, – представляюсь военному, – в командировку ехал.

– Понятно, – кивает военный, – и вам удачи.

Впереди меня идет женщина в летнем платье с двумя детьми, из вещей только женская сумка. Мальчику лет пять, и он идет сам, второго ребенка, похоже, девочку, женщина несет на руках. Вижу, как ей тяжело, поэтому догоняю и предлагаю помочь. Вижу внутреннюю борьбу в глазах женщины, но ребенка она мне отдает, это действительно девочка, ей около двух лет. Понимаю, я бы и сам засомневался, отдавать ли ребенка лысому, грязному громиле, возвышающемуся над ней на целую голову. Девочка весит килограммов десять, но длительное отсутствие серьезных физических нагрузок начинает быстро сказываться. Да и мальчик вскоре устает. Останавливаемся отдохнуть, мимо нас проезжают четыре телеги, сопровождаемые тремя командирами. У всех троих наганы в кобуре, знал инженер, кого посылать к местным куркулям.

– Скоро выйдем на дорогу, там легче будет, – пытаюсь ободрить ее.

– Пойдемте, – поднимается женщина.

Несмотря на сложившиеся обстоятельства, держится она хорошо. Вскоре действительно выходим на дорогу, ведущую в Ивацевичи, скорость немного возрастает, убаюканная девочка засыпает у меня на руках. Постепенно разговорились. Женщина представилась Верой Мефодьевной, землячкой из Ленинграда. Ехала с детьми к мужу, которого недавно перевели в Брест, к новому месту службы. Мальчика зовут Сашей, девочку Людмилой. Придерживаюсь своей легенды инженера, ехавшего в командировку. Опасаюсь засыпаться на незнании тогдашних реалий, но женщина больше озабочена судьбой мужа. На вопрос, уж не в гарнизоне ли Брестской крепости служит ее любимый капитан, получаю положительный ответ. Вряд ли она когда-либо вновь его увидит, но я стараюсь ободрить будущую, а может уже настоящую вдову, и плету, что все будет хорошо.

В первой же деревне беженцы – пока только я знаю, кто они такие – собираются около колодца. Здесь удастся напиться и умыться, спрятанное в карман мыло оказывается очень кстати.

– Какое душистое! – удивляется Вера Мефодьевна.

Делаю зарубку на память, что даже мыло светить опасно. До Ивацевичей еще девять километров, это расстояние преодолеваем за четыре часа. По дороге нас обгоняют телеги с ране-

ными, нас никто больше не бомбит. Попутных машин не было, навстречу попались три телеги и военная полуторка. Водитель и красноармейцы в кузове смотрели с любопытством, но проскочили мимо, торопились. Впечатление такое, будто и нет никакой войны, до фронта километров восемьдесят, поэтому канонады не слышно. Но скоро немцы перемелют приграничные дивизии и стремительно рванут вперед. Минск они взяли на пятый день. Мы сейчас между Минском и Брестом, ближе к Бресту. Значит, завтра вечером или послезавтра утром немцы вполне могут быть здесь.

До Ивацевичей добираемся к трем часам после полудня. Поселок уже знает о начале войны из выступления Молотова. Толпа штурмует магазины, еще не громит, но с прилавков сметают все, что можно. Пока я прикидываю, что можно добыть в этой толпе, женщина вспоминает, что в местном вокзале должен быть буфет.

– А как у вас с деньгами? У меня совсем ничего.

Вера Мефодьевна успокоительно машет рукой. Мы, подхватив Сашеньку и Людочку, мчимся к железнодорожной станции, торопясь успеть раньше остальных. Успеем, цены в станционном буфете кусаются. По моему совету она покупает три буханки ржаного хлеба, на ближайшее время это наша единственная пища. Один кирпич приговариваем сразу. Советские дети сорок первого не избалованы даже до начала войны, черный хлеб у них пошел без капризов. Оставив женщину с детьми в крохотном зале ожидания, пошел к начальнику станции выяснить возможность добраться до Минска. Первый попавшийся железнодорожник указал в сторону запасных путей. Там и нашелся коренастый дядька лет пятидесяти в фуражке с красным верхом. В момент появления он как раз гонял сцепщиков и маневровый паровоз, формируя эшелон на Минск. Узнав о появлении на станции двух с лишним сотен беженцев, дядька на секунду впал в уныние, но тут же нашел выход.

– Есть три порожних вагона. Подцепим их сейчас к эшелону. Пусть грузятся в них.

На русском он говорил чисто, видно не из местных, прислали с востока.

– Все не влезут, – возразил я.

Дядька пожал плечами, дескать, больше ничего придумать не могу.

– А на тормозные площадки остальных вагонов, на крыши, в конце концов?

– Не положено.

– А людей под бомбами оставлять положено? Там женщины и дети. А если немцы прорвутся?

Дядька посмотрел мне в глаза и согласился.

– Няхай. Иди в вокзал, скажи, пусть грузятся. Минут через сорок отправим.

Узнав об эшелоне на Минск, толпа ломанулась на запасные пути, чуть друг друга не передавили в дверях. Когда мы добрались до вагонов, двухосные теплушки уже были забиты. С трудом пристроил Веру с детьми на тормозную площадку одного из вагонов.

– Вера Мефодьевна, в Минске не задерживайтесь, сразу уезжайте в Москву или Ленинград, лучше в Москву.

– Но у меня мама в Ленинграде.

– Тогда как можно быстрее доберитесь до Ленинграда и... У вас есть родственники еще где-нибудь?

– В Архангельске. Родители мужа.

– Вот туда и уезжайте. Берите маму и уезжайте. Как можно скорее.

Из глаз женщины вдруг потекли слезы.

– Вы думаете? Неужели? Не может быть, нам же обещали...

– Я ничего не думаю, я беспокоюсь о вас и ваших детях. Сделайте, как я сказал. Обещаете?

Она часто закивала головой, вытирая с лица слезы.

– И помните, в Минске – ни одной лишней минуты. Первым же эшелонем на восток, куда угодно.

– А вы? – опомнилась женщина. – Разве вы не с нами?

– Я остаюсь, да и с местами уже туго.

Как я успел заметить, в эшелон набились не только беженцы из разбомбленного поезда, но и довольно много местных. То ли бегут, то ли используют возможность бесплатно прокатиться до столицы. Кому война, а кому... Ну ничего, фрицы выпишут вам обратный билет. А в мои планы столица Белорусской Советской Социалистической республики не входила. На минском вокзале такую подозрительную личность, как я, милиция мимо не пропустит. Не расстреляют, конечно, но «до выяснения» запрут точно, а там и «ролики» немецкие подспеют. Поэтому остаюсь, в мутной прифронтовой водичке намного проще поймать чьи-нибудь документы для легализации, но и пулю можно поймать запросто, как от тех, так и от других. Сейчас я чужой, для всех.

– Спасибо вам за все. Вот, возьмите.

Вера протягивает мне одну из буханок.

– У вас же дети!

– Через несколько часов мы будем в Минске. А у вас нет ничего, вам нужнее. Берите, берите.

Я взял. Засвистел паровоз, дернулись вагоны и медленно покатались прочь от заката. Некоторое время я шел рядом, но вот эшелон ускорился, и я отстал. Помахал на прощание рукой. Больше я их никогда не видел. Надеюсь, Вера воспользовалась моим советом, и когда-нибудь мне это зачтется. Переночевать решил в опустевшем зале ожидания. Страшновато было идти куда-то на ночь глядя, да и вымотался сильно. Тем более что до следующего вечера немцы здесь вряд ли появятся. Расположился на пустой лавке не снимая обуви, вдруг сопрут, прижал хлеб к груди и мгновенно уснул. И снился мне горячий песок иностранного пляжа с зонтиками и шезлонгами, в запотевшем стакане холодный коктейль, тоже с зонтиком, а в соседнем шезлонге улыбается мне стройная загорелая девушка в бикини.

Ну не поминал я черта! Ей-богу не поминал! А он появился. В лице молоденького милицкого сержанта. Цинично растолкал меня, пока я глазами хлопал.

– Ваши документы!

Продрал я глаза, разогнал остатки столь приятного сна и с лавки поднялся. Вот тут сержант и осознал свою ошибку. Стоит перед ним небритый лысый громила, сантиметров на пятнадцать выше и килограммов на тридцать, а то и все сорок тяжелее, и, несмотря на появившийся животик, следы борцовской юности исчезли далеко не все. А он один, и наган в закрытой кобуре, и приемы самбо, что показывал им инструктор в школе милиции, уже как-то подзабылись. Да и не справиться ему со мной даже с помощью приемов, хоть и давненько я не тренировался, а просто массой задавлю. Про себя решаю, как только к кобуре потянется – начну.

– Нет у меня документов. В поезде сегодня все сгорело, и вещи, и документы.

– Тогда пройдемте...

Начинает сержант, но тут его перебивает подошедший железнодорожник с пропитанными маслом руками.

– Не чапай яго. Ен с цягніка разбомбленнаго, я бачыв.

– Извините, – милиционер даже честь отдал, прежде чем уйти.

– Племяш мой, – поясняет железнодорожник, – яшчэ малады да дурны.

Воспользовавшись моментом, выпросил у заступника чистую тряпицу, в которой он носил на работу свой тормозок. Я в нее завернул хлеб. Железнодорожник еще хотел отсыпать мне махорки, но я отказался, не курю.

До утра меня больше не тревожили, а утром, умывшись водой из-под крана, я двинул на юго-восток, в Беловежскую пуцу. Соревноваться в скорости с немецкими танками глупо, еще

глупее встать у них на пути с голыми руками. Но мне проще, у меня есть выбор, в отличие от тех, кого скоро начнут кидать под эти танки с одной винтовкой на троих. И я ухожу в сторону, туда, где не только танки, но и пехота застрянет – в белорусское полесье. А я в летних туфельках авось пройду. В этих лесах начнут искать убежище десятки тысяч избежавших смерти и плена окруженцев и просто беженцев. Там таких «бездокументных» будет много, к ним привыкнут и будут мало обращать внимания. Попутно прикидываю, под кого из моих ныне живущих родственников можно закосить, но выходит, что не под кого. Нет подходящего по возрасту и полу.

С этими мыслями выхожу к шоссе Брест-Минск-Москва. Шоссе проходит южнее железной дороги, в километре от Ивацевичей. Движение по шоссе довольно интенсивное. По меркам начала сороковых. Для того, кто толкался в пробках на шоссе у Петербурга, такой трафик выглядит просто смешным. Мимо проходит батарея УСВ на конной тяге, ее обгоняет колонна из четырех полуторок, в кузовах какие-то зеленые ящики, а вдалеке уже видна голова пехотной колонны. Встречная полоса пока абсолютно пустая. После прохождения батареи перехожу шоссе и углубляюсь в лесной массив вместе с грунтовой дорогой. До пуши отсюда километров тридцать, надеюсь к вечеру до нее добраться. А с этой стороны Ивацевичей сплошные болота, не местному лучше с дороги не сворачивать. Я и не сворачиваю, я иду, иду и иду...

...Иду я уже третий день, в пушу углубился километров на сорок. На второй день пересек шоссе и железную дороги, идущие с севера на юг, дороги никем не охранялись. О том, где нахожусь, имею весьма смутное представление, дороги постоянно петляют, стараюсь держать общее направление на восток. Постоянно мучают голод и жажда. Ночью к ним добавляется холод, несмотря на дневную жару, ночи довольно прохладные. Как ни странно, в этом краю болот найти проточную воду, которую можно пить, не так просто. Ручьи с приличной водой попадаются редко, сделать запас не в чем, вот и мучаюсь. Хлеб закончился к середине второго дня – как ни пытался растянуть удовольствие, а голод оказался сильнее. Из людей видел только местных пейзажистов, и то издалека. Очень надеюсь, что они меня не заметили. В деревни я не захожу, к хуторам не приближаюсь. Население здесь смешанное, польско-украинско-белорусское. Первых меньше, последних больше, но чужаков никто не жалуется. Один раз видел немецкие самолеты, еще три раза только слышал, чьи – не знаю. Может, наши, может, немецкие. Если бы не эти самолеты, то, кажется, что войны и вовсе нет, сплошной пикник.

А между тем война есть. Ты ее не видишь, не слышишь, но она есть. И рано или поздно она до тебя доберется. Вот и сегодня она о себе напомнила. Напомнила гнусно, мерзко, но очень действенно напомнила, что никуда не исчезла и расслабляться нельзя. Почувствовав приближение очередного хутора, я решил проявить к нему интерес, точнее проявить интерес к хуторскому огороду. Понимаю, рановато еще, но вдруг. Выйдя на окраину хутора, я сразу понял, что просто так отсюда не уйду. Ожидание еще одной холодной ночи в лесу быстро заглушило и страх попасться на банальной краже, и голос совести. Потому что на заборе висела она – телогрейка, она же фуфайка, она же ватник, классического черного цвета, как раз под мои штанишки. Ползу, попутно дернул несколько морковных стеблей. На то, что находилось под землей, не позарился даже мой оголодавший организм. Забор уже рядом.

Вот сука! Ну, может, конечно, и не сука, а кобель. Но твякать начал в самый неподходящий момент, как настоящая сука, к тому же еще и мелкая. Я уже почти дотянулся до вожделенного предмета одежды. После первого твяка срываю телогрейку с забора и несусь к лесу. Выбираю просвет между деревьями и ныряю в него. Выстрел бухает, когда я уже проскочил первые деревья, пуля с треском входит в ствол дерева, что только добавляет мне прыти. Несусь как лось, спотыкаюсь и падаю, по лицу хлещут ветки куста. Падение смягчила прижатая к груди добыча, ушиб только локоть правой руки. Подскакиваю на четвереньки и вижу, обо что ударился локтем – винтовка. Да не какая-нибудь образца 1891/30, а блестящая воронением новенькая СВТ. В это время сзади бухает второй выстрел, но пули я не слышу. Подхватываю

винтовку с телогрейкой и бегу дальше. При каждом шаге в левом кармане стучит мыльница, а в груди часто бухает сердце. Через полсотни метров просвет. Чуть в стороне от тропинки на спине лежит человек, точнее труп в красноармейской форме без пилотки, ремня и сапог. Гимнастерка на груди залита кровью в ней несколько дырок, на трупе и над ним туча мух.

Несусь дальше, но недалеко. Дыхалки хватило метров на пятьсот, опять падаю, уже сознательно, и жадно хватаю ртом воздух. Килограммов пять я за эти дни потерял, но еще десяток явно лишний. Минуты через три начинаю соображать. Погони вроде не слышно, уже хорошо. Бежал я по тропинке, так легче. А куда здесь может вести тропинка? Либо к другому хутору, либо в деревню. Поэтому сворачиваю с нее, ориентируюсь по солнцу и иду на восток. Еще через километр устраиваю привал, надо отдохнуть и осмотреть трофеи. Телогрейка чуть влажная, ее и повесили сушиться после стирки. Подозрительно осматриваю ткань, есть пара дыр, но явно не от пуль или штыка, похоже прежний хозяин просто за что-то зацепился.

Откладываю ватник и перехожу к винтовке. Видно, что совсем новая. Над казенной частью ствола выступ, сверху выбиты звезда и год – 1941. На том же выступе слева номер – СГ737. На ум приходит неуместная ассоциация с «Боингом». И тут я понимаю, как погиб тот красноармеец. Зашелка магазина, как и положено, располагается за ним. Через десять секунд справляюсь с ней, и магазин оказывается у меня в руке. Так и есть – пустой. Тяну назад рукоятку затворной рамы, поддается, в казеннике тоже ничего нет. Силу приходится прикладывать чуть больше, чем в изделиях товарища Калашникова, который здесь даже еще не старший сержант. А может, просто показалось, давно оружие в руках не держал. Принимаю, нос едва улавливает запах сгоревшего пороха, стреляли как минимум сутки назад, а скорее даже больше, чем сутки. Парень, как и я, оголодал, потому и вышел к хутору с целью подкормиться. Но чем-то не понравился хозяевам, и пришлось ему бежать. За ним погнались. Он нырнул в тот же промежуток между деревьями, что и я, и также побегал по тропинке. Споткнулся о тот же корень. Падая, инстинктивно вытянул руки вперед, выпустив винтовку, которую держал в правой. Из-за падения дистанция между ним и преследователем сократилась, и как только он попал на открытое место, его подстрелили в спину. Потом перевернули и добились, может из винтовки, а может штыком. Ремень со штык-ножом и подсумками, а также сапоги забрали, в хозяйстве пригодятся. Труп бросили там же, мелким падальщикам тоже надо чем-то питаться. Недели через две-три от трупа ничего не останется, даже кости растащит зверье. А винтовку убийца не нашел, она отлетела в густую траву, сверху ее прикрыли ветки куста. Я бы рядом прошел и тоже не заметил. Даже если бы упал и не ударился об нее, то вскочил и побегал дальше, а она так и осталась лежать в траве под кустом.

Отпускаю рукоятку, и затвор послушно идет вперед. По вбитой во время срочной службы привычке нажимаю на спуск, но крючок не поддается. За спусковым крючком обнаруживается какая-то пимпа с дыркой. Инженерная мысль подсказывает, что это и есть предохранитель. Поворачиваю, жму – щелчок. Теперь более или менее понятно, предохранитель здесь блокирует только спуск, а затвор получается сам по себе. Размышляю, что делать с винтовкой. Гражданский без оружия, это одно, а такой же человек, но с винтовкой, уже совсем другое. Могут просто пристрелить, так, на всякий случай. Если немцы поймают, то шлангом уже не прикинешься. Со всех точек зрения от этой находки проблем много, а польза совсем неочевидна. Ну хоть бы патроны были, а так... Чего зря таскать эту железяку? Уговаривая себя, в глубине души прекрасно понимаю – раз уж эта игрушка попала в мои ручки загребушие, то хрен я ее из них выпущу. Хватит отдыхать, винтовку на правое плечо, телогрейку на левое. Генеральный курс – ост.

Первую ночь не стучал зубами от холода. Ватник, правда, довольно куций, руки едва не по локоть торчат и на животе едва сходится, но мне он сейчас дороже костюма от Хуго Босса. Обошел по самому краю очередное болото и вышел к узкой дороге, накатанной тележными колесами. Вот тут вчерашняя находка мне и пригодилась. Услышав поскрипывание тележ-

ных колес, прячусь в придорожных кустах. Низкорослая, но упитанная лошадка бодро тащит пустую телегу, возница один и уже в возрасте. Не понравился мне этот дедок, но у него может быть еда. Не может такого быть, чтобы из деревни своей уехал, а пожрать не взял. Пропускаю телегу мимо и выхожу на дорогу, для всех она лесная и узкая, а для меня ой какая большая.

– Тормози, диду!

Дед не торопясь оборачивается, правая рука ложится на сено, подстеленное на дне телеги. Не нравится мне этот жест.

– Тормози, сказал! – добавляю в голос металла. – И руки держи на виду!

Ствол СВТ смотрит деду в грудь. Сам я сильно оброс за последние дни и в черном ватнике сильно похож на беглого зека.

– Стий, худоба!

Дед дергает вожжи, и лошадка послушно замирает.

– Жратвой поделись.

Дед сопит, вытягивает из-под доски, на которой сидит, узелок и подталкивает его на край телеги. Чтобы его взять, мне надо подойти вплотную. Делаю два шага и замечаю справа от возницы рукоять топора.

– Положи на землю.

Дед бросает взгляд исподлобья, но подчиняется. И все молча.

– Ехай давай.

– Цоб цобе!

Дед хлещет ни в чем не повинную лошаденку батоном, и та резво берет с места. Едва дождавшись исчезновения телеги за поворотом, бросаюсь к белой тряпице. Негусто, но и то хлеб, точнее четвертина домашнего каравая, очень небольшой кусок сала, луковица, щепотка соли в бумажке. Еще бутылка домашнего кваса, будет в чем хранить воду. Не удержавшись, тут же на дороге съедаю большую часть, остальное завязываю в узелок и иду дальше. Генеральный курс тот же.

Дебют в жанре гоп-стопа удался на славу. По крайней мере, завтрак себе я добыл. Но как стремительно вы катитесь вниз, господин, до недавнего времени законопослушный инженер, вчера была кража, сегодня – разбой. А завтра что? Мокрое дело? В таком темпе через неделю можно будет в расстрельную команду записываться. Впрочем, полный желудок остался глух к мукам совести.

К вечеру начал обходить по лесу довольно большую, по местным меркам, деревню. Пока обходил, начало темнеть, пора устраиваться на ночлег. Внезапно нос мой уловил запах дыма, и не просто дыма, а еще и с запахом... Интересно, это у меня на все нюх обострился или только на еду? Кто-то готовил себе ужин на костре. А кто может в такое время прятаться в лесу? Только окруженцы. Осторожно крадусь навстречу усиливающемуся запаху, уже видны сполохи огня. Однако красться по белорусскому лесу и дефилировать по Невскому – две большие разницы. Предательски трещит под ногой ветка, и тут же впереди защелкали затворы.

– Стой, кто идет!

Падаю за ближайшую кочку и отвечаю фразой из старого анекдота:

– Уже никто никуда не идет.

Они меня не видят, мешает наступившая темнота и слепящее пламя костра. Но стволы винтовок направлены в мою сторону, могут сдуру и пальнуть.

– Выходи с поднятыми руками, – командуют от костра.

– Иду, иду, только сразу не стреляйте.

СВТ оставляю за кочкой, сам, подняв руки, выхожу на освещенное место. Над костром висит большой котелок, явно не армейского вида. В нем, булькая, развариваются какие-то зерна. Окруженцев шестеро. Один продолжает лежать, видимо ранен. Из оставшейся пятерки один выглядит чуть постарше, похоже, он здесь главный. Остальная четверка коротко стрижена

и по большей части лопуха, не исключено, что весенний призыв этого года. В бою побывать уже успели, на это указывает и раненый, и вид красноармейцев. Но ремни и подсумки у всех на месте, без пилотки только один, оружие не бросили. Кстати, об оружии. Неприятно, оказывается, стоять перед пятью стволами, зная, что твоя жизнь сейчас измеряется холостым ходом любого из пяти спусковых крючков.

– Один я, – пробую успокоить красноармейцев.

Тот, что постарше, приближается ко мне, приглядывается и спрашивает:

– А ты, часом, не беглый?

Небритый, грязный, в черном ватнике, ночью по лесу шляется, кто такой? Правильный ответ – столичный инженер, техническая, так сказать, интеллигенция.

– Я не беглый, я беженец. С брестского поезда.

– А не врешь? – сомневается красноармеец.

– Документы в поезде сгорели, а насчет беглого...

Снимаю ватник и задираю футболку.

– Наколки видишь?

– Не вижу. В лагере, значит, не был. А в Брест зачем ехал?

Сейчас моя легенда должна пройти первую проверку. Рассказываю о своих приключениях, кивают и даже сочувствуют. Оружие опустили, один даже занялся кашей. Дует на ложку, пробует степень готовности. Не удержавшись, сожалеет:

– Еще бы соли сюда.

– Есть у меня соль! – прерываю свое повествование. – Я сейчас.

Возвращаюсь к кочке, за которой прятался, беру СВТ и дедов узелок. Винтовку держу за цевье, так, чтобы не спровоцировать окруженцев на стрельбу. При виде оружия меня снова берут на прицел.

– Да без патронов она.

Кладу СВТ на землю и отдаю кашевару соль, народ сразу веселеет.

– Откуда? – интересуется старший.

Рассказываю. Пока я говорю, он подносит СВТ к огню и оттягивает затвор. Убедившись в моих словах, кладет винтовку обратно. Когда я заканчиваю, он представляется:

– Федор. А на хуторах тут одни куркули сидят, запросто убить могут.

Разговор наш прерывается окончательной готовностью ужина. Его делят на семерых, всем поровну. Красноармейцы раскладывают свои порции, а мне отдают большой и закопченный котелок, но у меня даже ложки нет.

– Подожди, – предлагает Федор, – я тебе свою отдам.

Жду. Едва получив ложку, быстро расправляюсь с разваренной пшеницей. Соли мало, зато попадаются кусочки сала, где они его добыли, не спрашиваю. Наевшись, иду мыть посуду к ручью. Получив назад чистую ложку, Федор одобрительно кивает и начинает свой рассказ.

До войны их полк стоял в Селище. После начала войны полк пешим маршем выступил в направлении Барановичей. В поход вышли с указками и досками для занятий, но почти без патронов, без мин, без снарядов. 24 июня около 16 часов главные силы их дивизии, частично уже прошедшие Слоним, попали под фланговый удар немецких танков. В бою дивизия понесла большие потери и начала отступление на восток. Потрепанная дивизия, в том числе и их стрелковый полк, пыталась организовать оборону на рубеже реки Щара, но без боеприпасов удержаться не смогла. Немцы пошли дальше на Минск, а остатки дивизии рассеялись в окрестных лесах. Поначалу в их группе было больше сотни командиров и красноармейцев. Но за полтора дня она растаяла, как поздний снег под майским солнцем. Первыми начали исчезать призывники из западных областей, потом пропали капитан, младший политрук и два лейтенанта с двумя десятками красноармейцев, и пошло – поехало. Народ разбрелся кто куда, в основном в поисках продовольствия.

Вокруг старослужащего Федора собрались земляки-новобранцы. Все они были из одного района Псковской области, или как ее называли сейчас Псковского округа. Подвижность группы сковывал раненый, хоть и легко зацепило парня, а долго идти он не мог. Зерно и сало добыли в одной из деревень, хозяин не посмел отказать группе вооруженных людей. Но взяли по-божески, солдатский сидор пшеницы и добрый шмат сала. Теперь ждут, пока восстановится раненый земляк, и думают, куда податься дальше. Заполучив источник информации с высшим образованием, Федор намеревается использовать его по полной программе.

– Как ты думаешь, инженер, наши победят или немец верх возьмет?

– Думаю, наши.

– Ага, – тянет Федор. – А скоро?

– Думаю, что нет. Прошлую войну тоже хотели за полгода закончить, а она четыре года тянулась. Эта будет не меньше.

– Четыре года?!

Я и сам только начал осознавать всю серьезность этой цифры.

– Ладно, садитесь ближе, – обращаюсь к остальным, – я хоть и не цыганка, а судьбу дальнейшую вам нагадаю, точнее несколько судеб. А по какой дорожке идти, вы уже сами выберете.

– Ну, давай, гадай, – соглашается Федор.

Народ подтягивается ближе, даже раненый проявляет интерес.

– Первая дорога ведет на восток, к нашим. Только голову на ней сложить легче легкого. Пока здесь сплошного фронта нет, пройти до Днепра не проблема. Но там вас снова в строй и на передовую, а у пехотинца дожить до конца войны шанс невелик, а точнее считайте, что нет его.

Народ погружается в раздумья.

– Вторая дорожка ведет на запад, в немецкий плен. А плен для вас это смерть. От холода, от голода, от петли, от немецкой пули.

– Выходит, и там смерть, и там смерть. Так в чем же разница? – вклинивается один из красноармейцев.

– Разница в том, что на востоке смерть почетная, в бою, а на западе позорная, конечно, если сам сдался. На войне всякое бывает, только если доведется в плен попасть – сразу бегите. Пока силы есть – бегите. Иначе в лагере вас немцы все равно уморят.

– Да нешто они такие звери? – удивляется один из лопухих. – Мамка рассказывала, что люди как люди. В восемнадцатом году у нас были, и ничего.

– Так это у вас другие немцы были.

– Какие другие? – удивляется лопухий.

– У вас тогда были Вильгельмовы немцы, а сейчас к нам лезут Адольфовы. За двадцать лет многое поменяться успело. Вот их нынешняя политика. Немцам – гут, евреям – капут, русским тоже, а украинцам позже. Что такое гут и капут, переводить надо?

Молчат, немудреный стишок, ухвативший всю суть немецкой политики на оккупированных территориях, они приняли на веру без всяких сомнений.

– А еще дороги у нас есть? – спрашивает Федор.

– Есть, как не быть. Третья ведет вас на север. Только сейчас она закрыта, на ней бои идут и немцев много, не пройти. Но через месяц-полтора она откроется. А в родных краях у вас тоже два пути. Один в полицаи...

– Куда?

– В полицаи, немецкой власти прислуживать. Партизан ловить, односельчан своих грабить, немцам зад лизать.

– Тьфу, – плюется Федор.

– Не нравится? А некоторые пойдут, еще и с радостью. Только на этой дороге все равно смерть, наши придут – повесят. Но есть другая дорога – в партизаны. В землянке жить, мерзнуть, голодать, от немцев с полицаями бегать.

– А дома остаться можно? – опять влезает лопухий.

– Можно, на некоторое время можно. Только потом все равно выбирать придется. Придут к тебе в дом полицаи и предложат: или к ним пойти, или к стенке встать.

– За что к стенке-то? – удивляется второй лопухий.

– За службу в Красной армии.

Притихли, переваривают информацию.

– Четвертая дорога...

– На юг ведет, – перебивает Федор.

– Никуда не ведет. Нечего вам на юге делать, там вы чужие, впрочем, и здесь тоже. В партизаны или полицаи можно и здесь пойти. Лучше в партизаны, только чуть дальше на восток, за линию старой границы. Места там глухие, немцы сильно соваться не станут, а как достанут они народ по-настоящему, он в эти леса валом поперет. Только случится это не раньше чем через полгода. А как вы эти полгода продержитесь, я не знаю. Долго грабить хутора вам не позволят, да так и в банду превратиться недолго. Зато в партизанах шансов выжить больше, по крайней мере, в атаку на немецкие пулеметы ходить не придется. А наши придут – ты с немцами воевал, а не на печи сидел. Правда, потом тебя обратно в пехоту заберут, но до конца войны времени меньше останется, а шансов выжить – больше.

– По-твоему выходит – везде плохо будет. А хорошая дорога у тебя есть, инженер?

– Нет, – отвечаю, – и у меня нет, и у вас нет. Это война. На войне хороших дорог не бывает, все плохие, разве что в тылу сидеть и на продовольственном складе поджидаться, но вам это не грозит, и мне тоже.

– И что же ты нам посоветуешь?

Федор серьезен и напряжен, остальные притихли, ждут ответа.

– Ничего. У вас свои головы на плечах, ими и решайте.

После паузы слово берет Федор.

– Странный ты какой-то. Начальство, оно обычно все за тебя решить норовит, все посылает куда-то, а само не идет. А ты – сами решайте. Но за гадание твое – спасибо, прояснил кое-что. Ладно, земляки, давайте спать, утром еще помаракуем. Степан – ты первым на посту стоишь, дальше Ваня, Егор, Петр. Я – последним.

Оказывается, у них и караульная служба налажена, не ожидал. И обращаются друг к другу по именам. Городские бы кличек повешали, на них бы и реагировали, а эти деревенские – по именам, хотя в родной деревне у каждого свое прозвище есть. С этими мыслями я засыпаю и первую, за все время здесь, ночь сплю спокойно.

Утро начинается с поддержания гигиены. Выясняется, что зубная щетка есть только у меня. Пока окруженцы готовят завтрак – ту же пшеницу с салом, но уже без соли, и обсуждают свою дальнейшую судьбу, решаю разобраться со своей находкой. Выпрашиваю у Федора шомпол с ершиком и масленку. Магазин снимаю быстро, а дальше дело не идет, не могу снять крышку ствольной коробки. Минут пять пытался, не получается. Аж злоба взяла, кандидатскую защитил, а с этой железякой не справлюсь? И ведь разобрался! Вперед, вперед ее надо двигать! Вперед до упора и вверх. Дальше пошло быстрее. Возвратный механизм снял без проблем, он похож на калашниковский, но только разборный. Раму с затвором назад и вверх. Готово. Теперь ствол можно почистить. Надраиваю его до зеркального блеска, Федор неодобрительно наблюдает за сверхнормативным расходом масла, но молчит. К газовому механизму подлезть не рискую, для этого надо снимать ствольные накладки. Ударно-спусковой механизм снять тоже не смог, а сверху к нему подбираться неудобно, но смазал как смог.

Только теперь, разглядывая разложенные на тряпице детали СВТ, я смог хоть немного оценить технический гений Михаила Тимофеевича. Мы, выросшие в эпоху АК и его потомков, не очень понимаем те дифирамбы, которые поют его создателю. Мы привыкли к нему, для нас «калаш» естественен, как воздух. Он был, когда мы пришли в этот мир, и останется после нашего ухода. И только те, кто успел послужить и повоевать с изделиями Мосина, Дегтярева, Токарева, Шпагина, Судаева, могут дать настоящую оценку автомату Калашникова. Понимаю, как непросто было Токареву – сделать полуавтоматическое оружие под мощный винтовочный патрон. Намного сложнее, чем под промежуточный. Получилось оно намного тяжелее, сложнее в изготовлении и эксплуатации, менее надежным, а тут еще и возможность заряжания из обойм трехлинейки. Собираю винтовку, вроде получилось, лишних деталей не осталось. Передернул затвор – работает, теперь бы попробовать зарядить.

– Федор, а Федор, – отвлекаю старшего от обсуждения.

– Чего?

– Патронами не богат?

Федор лезет в подсумок и достает две обоймы, я понимаю, что последние. Одну он протягивает мне, вторую кладет обратно.

– Спасибо, друг.

– Да ладно.

Вырезы под обойму в крышке ствольной коробки можно не искать, но с затвором пришлось повозиться. Я-то искал затворную задержку снаружи ствольной коробки, а она оказалась внутри! И на задержку затвор становится только при вставленном в винтовку пустом магазине! После того, как затвор остался, наконец, в заднем положении, вставил обойму в пазы. Нажал на патроны сверху, тр-р-р-р, и патроны оказались в магазине. Лихо! Пока запасных магазинов нет, придется пользоваться таким способом, где бы еще патроны взять. Пустую обойму теперь можно выбросить. Магазин долой, чтобы первый патрон из магазина не оказался в стволе, стрелять в ближайшее время не придется. А как вернуть затвор в переднее положение? Оказалось просто, оттянуть чуть назад и отпустить. Щелчок курка, магазин на место. Готово!

А тут и завтрак подоспел. Без соли невкусно, и пшеница на дне котелка подгорела, но выскребаю все до дна. Может, это вся моя еда на сегодня, а то и на завтра, привередничать не приходится. Когда я собираюсь идти мыть посуду, меня останавливает Федор.

– Оставь, я сам помою. Ты с нами или...

– Или. Я на восток. Человек я гражданский, и по возрасту в первую цепь меня уже не пошлют. А вы что решили?

– Мы тоже на восток, только до старой границы.

– В партизаны.

Он кивает.

– Тогда идем вместе.

Даже при наличии раненого в группе, скорость движения увеличивается. Теперь не надо обходить хутора и деревни, прятаться в лесу и избегать людей. И в местных деревнях, оказывается, живут нормальные люди. Точнее люди в них живут разные, есть, конечно, и всякая сволочь, но, как и везде, нормальных большинство. В одной из деревень нас кормят, всех семерых, еду приносят из трех разных домов. Приносят не под угрозой оружия, сами. Надо только знать, в какой дом обратиться. В богатом не дадут, если только не припугнуть оружием, в бедном и дали бы, но нечего. Надо обращаться к середнякам, но как определить их дома? Для меня они все достаточно убогие, но мои попутчики, выросшие в деревне, ориентируются безошибочно. В дорогу нам дают несколько караваев домашнего хлеба с изрядной примесью картофеля, а мне предлагают серую полотняную торбу. Беру с большой благодарностью, теперь не придется тащить свой скарб в узелке. Хозяин дома дарит мне деревянную ложку, невероятно ценный

предмет в моем положении. Замечаю, что на шестой день пребывания здесь уже успел обрести имуществом, эдак к Днепру на танке приеду.

Еще одно подтверждение преобладания хороших людей получаем несколько часов спустя. После полудня мы вышли на приличное шоссе, идущее с юга на север. Дорога, ведущая на восток от этого перекрестка, накатана только телегами, в одну колею. Пока обсуждаем, стоит ли попробовать свернуть на юг или на север, с севера приближается телега. В телеге две женщины, трое детей, узлы, возница идет рядом. Переговоры берет на себя Федор.

– Здорово, отец!

– Привитанне, сынку! – отзывается возница.

По возрасту Федор вполне годится ему в сыновья.

– Скажи, куда это шоссе ведет?

– Туды, – мужик показывает в ту сторону, откуда приехал, – Слуцк будзе. Тольки вы туды не хадзице, у Старобине немцы. З учорашняга дня. Пакуль тольки курэй ловяць, на нас уваги ниякага не звяртаюць. Я вырашыв, ад граху, сямью у веску павезци.

– Спасибо, отец!

– Бывай здаровы, сынку.

Телега катит дальше, мы провожаем ее взглядом. Мало ли на Руси хороших людей, а вот встреча с ними всегда в радость. Сколько немцев в Старобине, мы даже не спросили, нам все равно. Сейчас для нас и одно отделение – много.

– Туда?

Указываю я на узкую грунтовку напротив нас, но, прежде чем Федор успевае ответить, кто-то из его земляков восклицает:

– Танки!

– Тихо! – рявкает Федор.

Все замирают. Лязг гусениц слышен уже довольно отчетливо. Нас буквально сдувает в лес на противоположную сторону шоссе.

– Стой! – останавливаюсь я. – А вдруг наши? Надо будет предупредить, удрать всегда успеем.

Прячемся в придорожных кустах. По мере приближения неведомой гусеничной техники у меня зарождаются сомнения не только в том, что это танки, но и в их множественном числе. Конечно, звук местной бронетехники мне незнаком, но уж больно напоминает обычный трактор. С той же дороги, по которой пришли мы, на перекресток действительно выезжает трактор, но не совсем обычный. Короткий, узкий и высокий, закрытая кабина сдвинута вперед до уровня радиаторной решетки, сзади прилеплен короткий кузовок, а на прицепе... Только когда глаза протер, заметил отличия. Закрытая брезентом пушка явно выше и не такая массивная, отсутствует щитовое прикрытие, а четырехколесная повозка имеет пружинную подвеску. Я такие только в Артиллерийском музее видел – полуавтоматическая зенитка восемьдесят пять мэмэ.

Окруженцы, радостные такие, на дорогу рванули. И чего обрадовались? Подумаешь, трактор с пушкой. Сцепка встала поперек шоссе, из кабины выбрались лейтенант-артиллерист и механик-водитель. Все сбежали, стоят руками машут, того и гляди, еще обниматься начнут, а раненому кто поможет? Только я. Эх, молодежь, молодежь. Когда наша парочка доковыляла до шоссе, там уже все решили.

– Лейтенант согласился нас подвезти! – радуется Федор.

Тут же выясняется, что посадке в транспортное средство никто их не учил. Погрузили раненого и полезли всей толпой вместе с винтовками. Здесь в моде больше пешие марши, передвижение на технике – роскошь. Дожидаюсь, пока все окажутся в кузове. Протягиваю Федору СВТ.

– Держи!

Без помех забираюсь сам, забираю винтовку обратно. В кузове кроме нас находятся четыре зеленых ящика. Поехали. Трактор ныряет на узкую дорогу, по кабине хлещут ветки. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти, а едем плохо, скорость не больше десяти километров в час и трясет неимоверно. Тракторные тележки лишены всякой амортизации. Амортизатор он ведь денег стоит, да еще и сломаться может. Километров через пять раненому становится хуже. Федор стучит по кабине, трактор останавливается.

– Дальше мы пешком, товарищ лейтенант.

Хотя они и так уже почти пришли. Насколько я помню, в эту лесисто-болотистую местность немцы сунулись только один раз, весной сорок второго. Но как только армейские части были отправлены на фронт, здесь опять появился партизанский район, куда немцам и их прихвостням вход был заказан. А лейтенант мне нравится, с понятием, хоть на вид совсем пацан. Другой бы на его месте попытался построить окруженцев и аля-улю. А этот слова не сказал, понял, что дороги у них разные. За секунду принимаю решение.

– Товарищ, лейтенант! Разрешите обратиться.

Лейтенант оборачивается ко мне. Пересматриваю свою оценку, не «пацан», год, а то и два успел после училища прослужить.

– А вы кто?

О как? Вы! Объясняю, коротко не получается.

– И что вы хотите?

– Возьмите меня с собой.

Лейтенант бросает взгляд на надульник СВТ, торчащий над моим плечом, и задает только один вопрос:

– Патроны есть?

– Пять штук.

У лейтенанта наган в кобуре, водитель без оружия. Неожиданно лейтенант улыбается.

– Я лейтенант Костромитин, Сергей. Поехали.

Прощаюсь с окруженцами, пожимаю руки и лезу в кузов. Трактор дергает пушку и медленно набирает скорость, по кабине хлещут ветки. Поехали.

Глава 2

Пока трясусь в кузове, изучаю надписи на ящиках. Первая строчка: 85-52К оск. Здесь все понятно, восемьдесят пять – калибр в миллиметрах, с ним я угадал. Пятьдесят два ка – индекс орудия. Оск – осколочный, самый массовый снаряд для зенитной артиллерии среднего калибра. Вторая строка: 4 шт + +. Четыре штуки и два таинственных плюса. Всего, стало быть, шестнадцать. Снарядов к пушке у нас больше, чем патронов у всех троих, вместе взятых. В той же строке ближе к краю: 23-40-24. Совсем непонятно, могу только предположить, что сорок – это год выпуска. Третья строка: брутто 82 кг. Хренасе ящичек! На торце еще набор цифр: 46-23-40.

Видимо, сорок это действительно год, а остальные цифры – номер партии. И еще одна надпись АТ/80. Аммотол? Возможно. Надписи на всех ящиках совпадают, выходит, все они из одной партии, это хорошо, а вот то, что бронебойных нет, – плохо. Впрочем, в нашем положении количество снарядов роли не играет, пушка сама по себе не стреляет, ей расчет нужен, причем обученный. А нас только трое, и пока мы будем переводить пушку в боевое положение, нас самих несколько раз на ноль помножат.

Трактор проезжает несколько небольших деревень. Все дороги здесь проложены по деревенским улицам. Похоже, война пришла сюда вместе с нами. Люди провожают наш тягач взглядом, понимая, что не просто так занесло в их края такую технику. Между тем на самом большом доме в каждой деревне висит красный флаг. Отвык я уже от них, но придется привыкать

заново и язык держать на привязи. Если в западных областях население привыкло к смене власти и особым эмоциям от этого не испытывает, то здесь к советской власти привыкли и перемен не хотят.

В сумерках добираемся до деревни Новоселки. Деревня с таким названием есть практически в каждой области, а зачастую и не одна. Останавливаемся у дома с красным флагом. Лейтенант идет искать председателя сельсовета. Я тем временем знакомлюсь с водителем трактора.

– Петрович, – представляется он. – Вообще-то я Иван Петрович Семяхин, но все меня Петровичем зовут, даже товарищ лейтенант.

Петровичу двадцать четыре года, он закончил семилетку, что по меркам этого времени звучит гордо, и курсы трактористов. В армии служит третий год, все время механиком-водителем транспортного трактора СТЗ-5. Полк их входил в Барановичский бригадный район ПВО. Когда немецкие танки вышли на подступы к Барановичам, полк получил приказ передислоцироваться в Минск. Советский устав этого времени не предусматривал использование зенитной артиллерии среднего калибра для организации противотанковой обороны. Уходили в большой спешке, взяв минимум боеприпасов. Трактору Петровича не повезло – забарахлило магнето. С отставшим тягачом остался и командир огневого взвода лейтенант Костромитин. Поломка, в общем-то, пустяковая, на полчаса всех дел, но эти полчаса оказались роковыми. СТЗ уже почти готов был продолжить движение, когда на дороге появилась немецкая разведка. Расчет бросился к лесу. Немцы выпустили по бегущим не очень прицельную очередь и покатали дальше на Минск.

Стоящий на обочине тягач внимания немцев не привлек, на брошенную технику они уже насмотрелись, а движению по шоссе он не мешал. На это и обратил внимание лейтенант, правда, к тому времени около него остался один Петрович. Остальные стремительно растворились в зеленом массиве, и найти их не удалось. С наступлением темноты движение по шоссе прекратилось, и они рискнули вернуться к оставленной технике. Ремонт Петрович закончил на ощупь, буквально за минуту. СТЗ, не включая фар, добрался до первого поворота и свернул с шоссе вправо. Можно было поискать счастья на двух дорогах, ведущих на восток. Одна шла через Несвиж на Осиповичи, вторая через Слуцк к Бобруйску. Однако обе они шли по открытой местности, и неторопливый тягач мог стать легкой добычей для немецкой авиации. К тому же он не мог соперничать в скорости с немецкими танками. Поэтому и решил Костромитин проскочить теми дорогами, где танки не догонят и авиация не достанет. Так они оказались на том перекрестке, где мы их и встретили.

Петрович сильно горевал об утраченном карабине. Когда расчет драпанул в лес, карабин оставался в кабине. А когда вернулись, его уже не было. Все было на месте, а карабин таинственным образом исчез. Кто и когда прибрал его к рукам, ни Петрович, ни лейтенант не заметили. Повествование водителя было прервано появлением лейтенанта вместе с местным мужичком – председателем сельсовета. Тот сразу предложил.

– Хадзем да мяне. Хата у мяне вялікая, месца на усих хопіць.

– А тягач? – забеспокоился Петрович.

– Свае не крануты, а чужых у весцы няма, – успокоил его председатель.

Много ли нужно человеку для счастья? Крышу над головой, сытый живот и ощущение безопасности. Это для начала. Потом возможны варианты. Кому-то захочется зрелищ, кому-то выпить, а кому-то ба... пардон, женщину. Или мужика, если смотреть с точки зрения лучшей половины человечества. Ну и так далее. Постепенно список растет, и лишь немногие могут позволить себе иметь из этого списка все, или почти все. Вот тут-то эти почти все имеющие и обнаруживают, что обладание этим почти всем счастья отнюдь не гарантирует. Очень быстро наступает пресыщение, и они опять начинают искать радость жизни в самых простых вещах. Круг замыкается. Вот только подавляющее большинство так никогда его и не проходит, жизнь

их обрывается, когда они еще пытаются найти свое счастье. А есть те, кто счастье находит и сходит с этого круга вечного поиска. Мы же сейчас находимся на самой нижней ступени, мы живые, сытые и довольные сидим за столом в председательской хате и добиваем большую миску картофельных драников, макая их в сметану.

После завтрака лейтенант делает мне замечание:

– Приведите себя в порядок. Вы же образованный человек, инженер. А вид у вас...

– Есть привести себя в порядок!

Попросил у Петровича опасную бритву, взбил в горячей воде мыльную пену и приступил. Сонные артерии мне удалось сохранить целыми, но остальная площадь покрылась изрядным количеством порезов. После бритья вид у меня, будто я подрался с котом или приставал к женщине с очень острыми ногтями, а она отчаянно сопротивлялась. Что вы хотите, первый раз имею дело с этим инструментом. Лучше бы не брился. Здесь никто понятия не имеет, что такое крем после бритья. Как они живут? Вместо крема делаю холодный компресс, чистая тряпка покрывается бурыми пятнами, но из некоторых порезов кровь продолжает идти. Петрович дает мне цилиндрик, именуемый квасцами. Замазываю порезы и присоединяюсь к Петровичу, копающемуся в потрохах своего СТЗ.

Тракторный двигатель производит на меня впечатление. Тяжелый, малооборотный, мощностью чуть больше полусотни дохленьких лошадок. Зато жрет все, вплоть до керосина и лигроина. У него даже баков два. Один, маленький, для бензина, на нем он заводится, а потом переходит на тяжелое топливо из большого бака. Всеядность двигатель компенсирует прожорливостью. С прицепленной пушкой расход запросто переваливает за двенадцать литров. Нет, не на привычные сто километров, а в час. Вот на этом расходе мы и погорели. Сунувшись в бак, Петрович вдруг заявил, что вчера при петлянии по полесским дорогам трактор сожрал слишком много и теперь топлива хватит еще километров на пятнадцать, от силы на двадцать. Лейтенант побежал к председателю, назад возвратились уже вдвоем.

– Няма у мяне газы, – разводит руками председатель. – Прайду па весцы, у людзей спытаю, можа и дасць хто.

Не перестает удивлять меня наш народ. То за копейку удавиться готовы, то последнюю рубаху снимают. Причем гадать, как поступят в конкретном случае, бесполезно, все равно ошибешься. Ведь немцы их керосином снабжать не будут, и они это прекрасно знают. Тем не менее несут. Несут в бидонах, в стеклянных бутылках, заткнутых пробками из старых газет, кто литр, кто пол-литра. Для нас каждый литр это еще один пройденный километр, а для них две-три недели освещенной по вечерам жизни. Потом они перейдут на лучину. И все ради спасения одной-единственной пушки. Причем десятки, если не сотни, таких же пушек стоят сейчас на обочинах дорог и брошенных огневых позициях, и никто не думает их спасти. А эту вот готовы спасти всем миром. Почему так происходит? Не понимаю. Всего набирается около пятнадцати литров.

– Праедзыце да Карпилавки, – советует председатель. – Да яе киламетрав трыццаць. Там есць МТС.

Тридцать километров это на грани, однако другого выхода нет. Благодарим людей за помощь и прощаемся с гостеприимными Новоселками. Теперь все наши дороги ведут в Карпиловку. До цели не дотянули километра три. Двигатель чихает и глохнет прямо посреди дороги, приехали. Оставляем Петровича с техникой и идем добывать горючее. Карпиловка это местный районный центр с атрибутами советской власти, положенными глубокой провинции. Нам приходится пройти пару бюрократических кругов, прежде чем мы становимся обладателями двух бидонов: десятилитрового, с керосином, и пятилитрового, с бензином. Даже не рискую предположить, какое октановое число у этой жидкости, но Петрович заливает все в СТЗ без колебаний. Похоже, этот двигатель будет работать и на флотском мазуте. В местной МТС нам доливают еще тридцать литров керосина. На большее щедрости райисполкома не хватает. Нас

отправляют в Паричи, до которых еще тридцать километров, военная техника заправляется там из фондов тамошнего военкомата.

В Паричи добираемся уже вечером, расспросив местных жителей, находим военкомат. В военкомате у нас первым делом проверили документы. Точнее проверили у Костромитина с Петровичем, а мою бездокументную личность задержали и отвели на допрос. Винтовку я оставил Петровичу. Допрашивал старший лейтенант, местный военком. Прежде чем приступить к допросу, он спросил:

- Что у тебя с лицом?
- Это я побрился неудачно.

Дальше посыпались стандартные вопросы. Фамилия, имя, отчество? Год и место рождения? Партийность? Происхождение? В ответах стараюсь не врать, чтобы на мелочах не засыпаться. Наконец формальности закончены, начинаются вопросы по существу.

- Где твои документы?
- Сгорели вместе с вещами в поезде, двадцать второго июня.
- В каком поезде?
- Ленинград – Брест.

Стараюсь отвечать как можно короче.

- Цель поездки в Брест?
- Командировка.
- В какую организацию?
- Брестский энергокомбинат.

В какой форме работают местные энергетические организации, я уже выяснил.

- Цель командировки?
- Техническая помощь местным товарищам.
- Почему послали именно тебя?
- Это вопрос не ко мне. Пришла разрядка из наркомата, начальство выбрало меня.

Если спросит, из какого наркомата – засыплюсь. Надо уводить допрос от этой скользкой темы.

– Я понимаю, товарищ старший лейтенант, что выгляжу подозрительно, и документов у меня нет, но поверьте...

– Да верю я тебе, верю, – неожиданно прерывает меня военком. – Вот потому, что выглядишь подозрительно, а документов у тебя нет, я тебе и верю.

Оказывается, сегодня утром в Паричах появилась полуторка. В кабине водитель и командир, в кузове несколько красноармейцев. В военкомате они получили продовольствие и заправили машину. Потом переправились на левый берег. Переправившись, напали на паромщика. Тот прыгнул в воду и сумел от них уйти. Тогда они попытались поджечь паром, закатив на него бочку с бензином, но горел тот плохо и пожар быстро потушили, переправа продолжила свою работу.

– Так вот у них все документы были в порядке. В полном порядке, не придерешься. Я сам проверял. Они, кстати, сейчас на левом берегу, там же, куда и вы собираетесь, поэтому осторожнее там.

– А нам всегда надо быть осторожными, товарищ старший лейтенант. У нас на троих два ствола и двенадцать патронов.

– Зато у вас пушка есть, – парирует военком, – с патронами туго, но что-нибудь найдем. И тут мне в голову приходит гениальная мысль.

– Товарищ военком, а можно меня в Красную армию призвать?

– Тебя? – удивляется старший лейтенант. – Нельзя. Ты не житель нашего района, документов у тебя нет и возраст не призывной.

Минут десять уговариваю военкома, взывая к его чести, совести, долгу Родине и так далее. И ведь уломал. Главным фактором стало то, что сегодня начались бои за Бобруйск, а значит, в любой момент немцы могут прийти сюда, где никаких войск нет. Военком вызвал Костромитина.

– Ну что, лейтенант? Возьмешь к себе пополнение? – кивает на меня военком.

– Возьму, товарищ старший лейтенант.

– Ну, добро, ты пока иди, мы его сейчас оформим.

Решаю отжать ситуацию по максимуму.

– Товарищ старший лейтенант, если я уже боец Красной армии, то нельзя ли мне найти хоть какую-нибудь обувь.

Мои летние туфли с честью выдержали многокилометровый марш по лесным дорогам и бездорожью, но сейчас уже близки к развалу. Войдя в мое положение, военком отправляет на вещевой склад сержанта с приказом найти самые большие сапоги. Пока сержант ходит, я становлюсь обладателем шикарной справки о призыве меня в Красную армию. Фотографии на справке нет, зато стоит настоящая печать Паричского военкомата. В графе «Место назначения» значится «в распоряжение лейтенанта Костромитина». Теперь я с лейтенанта должен пылинки сдувать, он моя единственная легальная зацепка в этом времени. Сержант приносит отличные яловые сапоги, явно предназначенные для комсостава. Своего владельца они не нашли только благодаря своему размеру, не заносило в Паричи большеногих командиров.

– Сапоги принес? – интересуется военком у сержанта.

– Принес, товарищ старший лейтенант.

– А портянки где?

Сержант срывается с места, видно грозный военком в Паричах. Выйдя во двор, застаю там только закрытую брезентом пушку и лейтенанта с моей СВТ.

– А Петрович куда исчез?

– В МТС поехал. Что-то у него с коробкой, там обещали помочь с ремонтом.

Пока я переобуваюсь, меня находит военкоматовский сержант и передает мне караульную норму – пятнадцать патронов в трех обоймах. Костромитин расписывается в журнале. В Паричах мы задерживаемся еще на один день – ремонт нашего трактора затягивается. Хорошо, что сделан он на базе обычного сталинградского трактора, никаких проблем с ремонтом и запчастями можно найти даже в сельских МТС.

Пока наше орудие стоит во дворе военкомата, к нам то и дело подходят местные жители и спрашивают, чего это мы, зенитчики, не стреляем по немецким самолетам, изредка пролетающим над поселком. Лейтенант объясняет им, что у нас только два человека, а нужен полный расчет, что без ПУАЗО и дальномера стрельба одним орудием – бесполезный расход боеприпасов, а снарядов у нас всего шестнадцать штук. Наивный ты человек, лейтенант. Когда к нам с ехидным вопросом подкатывает очередной дедок, объяснения я беру на себя.

– Если мы стрелять начнем, то немцы нас обозначат как цель для своей авиации, и будут бомбить. Ты, дед, этого хочешь?

Не хочет. Паричи бомбили в первый же день войны. Точнее, бомбили это громко сказано. Видимо, паромная переправа в Паричах значилась у немцев резервной целью, и два самолета, не отбомбившихся по основной цели, сбросили бомбы на нее. В паром, естественно, не попали. Первая бомба полностью разрушила дом и убила всю проживавшую в нем семью, вторая взорвалась на улице, около пристани. Поселок получил наглядное представление о бомбежке с воздуха.

Переправляемся через Березину в последний день июня. Переправляемся в два приема, трактор вместе с пушкой для местного парома слишком тяжел. Сначала Петрович задним ходом загоняет пушку на паром, на левом берегу мы скатываем ее с парома вручную при помощи местных жителей. Вторым рейсом переправляем трактор и цепляем к нему орудие.

Там же на переправе впервые встретились с беженцами. Некоторые просили Костромитина взять их с собой, лейтенант, добрая душа, согласился. Так моими соседями в кузове становится молодая еврейская семья. Пока тряслись по дороге на железнодорожную станцию Красный берег, разговорились.

Ефим Соломонович, сотрудник минской конторы, ведавшей государственными резервами, был командирован в Пинск. С собой он взял молодую жену, студентку минского медицинского института. Добраться до Пинска он решил через Брест, так было быстрее. Поезд Минск-Брест попал под удар немецкой авиации гораздо ближе к Бресту, чем мой, и люди, сумевшие покинуть поезд, уже через несколько часов оказались на оккупированной территории. Ефим и его жена стояли на обочине шоссе Брест-Минск, а мимо них шла колонна танков и мотопехоты. Там же, около шоссе, они спрятали два паспорта с еврейскими фамилиями и карточку кандидата в члены ВКП(б). За любой из этих документов немцы к стенке поставят без разговоров. А дальше начались скитания по дорогам белорусского полесья. Ефим Соломонович был уверен, что их путешествие скоро закончится. Ему только надо перебраться на левый берег Днепра, пристроить жену к дальним родственникам и явиться в районный военкомат для отправки на фронт. Утрата документов его не смущала, по роду своей деятельности он объездил практически всю Белоруссию и многих военкомов знал лично. В том, что немцев за Днепр не пустят, он был свято уверен. Переубеждать его я не стал, правоверный еврей-коммунист мог запросто стукануть куда надо о распространителе пораженческих настроений.

Немцев он ненавидел люто и по поводу их отношения к своему народу никаких иллюзий не испытывал. В Белоруссию успело перебраться некоторое количество польских евреев, и бесчинства, творимые немцами в отношении еврейского населения Польши, секретом для их белорусских соплеменников не являлись. Другое дело, что в отличие от моего собеседника, большая часть еврейского населения, особенно проживающего в глухой провинции, информации этой не верила. Они еще помнили немецкую оккупацию 1917-18 годов, когда никаких особых притеснений евреи не испытывали. Польская оккупация 1919-20 годов была для них гораздо более жесткой. Вот и сейчас они надеялись, что все обойдется, и все страшилки окажутся только слухами. Соломона и его жену изумлял и возмущал добровольный отказ соплеменников от эвакуации. Кстати, сами они внешне от местных жителей почти не отличались. Не сказал бы Ефим о своей национальности, я бы вовек не догадался. Одеты они были как местные жители, на голове у женщины была белая косынка, скрывающая курчавые волосы. У немцев были большие проблемы с выявлением лиц еврейской национальности. Для этого они использовали местных опознавателей, те хоть в паспорт и не смотрели, но никогда не ошибались.

До Красного берега добираемся к двум часам после полудня. В километре за станцией проходит дорога Бобруйск-Жлобин. Костромитин предлагает повернуть направо к Жлобину, я агитирую его продолжить движение прямо, на Рогачев. В качестве основного аргумента выдвигаю наличие хорошего шоссе, ведущего от Рогачева на восток, с небольшим уклоном к северу. Дескать, наличие такого шоссе позволит нам быстрее добраться до своих и дальше получить направление в зенитно-артиллерийскую часть. Лейтенант, в конце концов, не выдерживает и срывается:

– И далеко вы драпать собрались, товарищ инженер? До самого Урала? Или еще дальше?

Подобного рода заявления безнаказанными оставлять нельзя. Я тоже перехожу на повышенный тон:

– А какого ж тогда хрена, товарищ лейтенант, вы притащили сюда эту железяку аж из-под самых Барановичей? Надо было еще тогда, на Минском шоссе, дать немцам последний и решительный, у местных хотя бы керосин остался. Да и сейчас еще не поздно, поворачиваем налево, и на Бобруйск, там сейчас фрицев как грязи. Вот и врежем по ним всеми шестнадцатью. Вот только сомневаюсь, что хотя бы половину выпустить успеем.

Пока Костромитин ищет ответную аргументацию, усиливаю натиск:

– Уж если вы взялись спасать материальную часть, то спасайте ее до конца. В героев сыграть мы все еще успеем.

– Хорошо, – соглашается лейтенант, – черт с тобой, идем на Рогачев.

На самом деле, я помню, что Рогачев наши оставили без боя в самом начале июля, поэтому у нас есть шанс проскочить на левый берег, не ввязываясь в драку. Жлобин немцы взяли дней на десять позже, после серьезных боев. Попасть в Жлобинскую мясорубку мне вовсе не улыбается. А потом Днепр форсирует корпус Петровского и у нас появляется шанс остаться там надолго. К тому же, если застрянем в Жлобине, гарантированно попадаем в окружение, после знаменитого поворота Гудериана от Смоленска на юг во второй половине августа. А окружения мне категорически противопоказаны, я и так насквозь весь подозрительный. Но до этого времени у нас есть еще месяц, чтобы успеть проскочить за Рославль.

Едва наша сцепка свернула на Рогачевское шоссе и еще не успела проехать через железнодорожный переезд, как стало ясно – застряли мы тут надолго. По крайней мере, до завтрашнего утра точно. Проезд по мосту через Друть был перекрыт бдительным постом, проверяющим документы и досматривающим проходящую технику и подводы. Среди проверяющих мелькали зеленые фуражки. Перед постом скопилось огромное количество людей, подвод, запряженных лошадьми, гражданских и военных машин, тракторов. Если прилетят немцы, то... Но у немецких асов, видимо, хватало других целей, а мосты они пока не бомбили, наоборот пытались сохранить. Мосты были нужны их наступающим танкам. Этот район Рогачева был полностью отстроен уже после войны. Ни одного знакомого здания я, естественно, не увидел. Хорошо знакомое здание молочно-консервного комбината, слева от шоссе, также отсутствовало. Да и сам деревянный мост ничуть не напоминал виденное раньше железобетонное сооружение.

Через мост тек тоненький ручеек прошедших проверку. Я постарался прикинуть время прохождения и убедился, что преодолеть нам его сегодня явно не светит. Никогда не понимал задач подобных постов. Диверсантов и шпионов ловить? Не смешно. Сказочку про нержавеющую проволоку для скрепок мы слышали многократно. Но сами же и говорят, что на документах сыпался только один из десяти. Так что нормального шпиона этим бдительным товарищам поймать вряд ли удастся. Мост охранять? Ну, так охраняли бы, чего к людям зря цепляться. Тем более что оба моста скоро достанутся немцам абсолютно целыми. Может, они тут дезертиров выявляют? Но дезертир сюда точно не попрется, только если совсем тупой. А тот, кто поумнее, этот пост обойдет. Хотя я сильно сомневаюсь, что поимка десятка дезертиров стоит таких проблем для всех остальных. Но нам, с нашей сцепкой полной массой под десять тонн, другого пути нет, остается только ждать своей очереди.

СТЗ сворачивает на обочину, и Петрович глушит двигатель. Из кабины выбирается лейтенант.

– Говорил же, что на Жлобин нужно было идти!

Это уже в мой огород.

– А вы думаете, товарищ лейтенант, что там народа меньше будет?

Костромитин аж сплюнул с досады.

– Ну его к черту этот мост, пока до него ползти будем, все горячее спалим. Ждем до утра, авось утром народа меньше будет.

Предложение лейтенанта не лишено смысла, притока новых беженцев со стороны Бобрыйского шоссе не наблюдается, а ночью кто-то вряд ли подтянется. За ночь толпа сильно уменьшится и к мосту мы должны проехать существенно быстрее. Вот только, насколько мне помнится, немцы заняли Рогачев в самых первых числах июля. Надеюсь, что действительно в первых числах, а не в самый первый день. Наши попутчики ждать не хотят, и мы расстаемся с ними.

С утра проскочить мост не удастся – подводит техника. Из-за дрянного топлива засорился карбюратор, и Петрович, разобрав, чистит его. Я работаю на подхвате, подаю ключи, инструмент, держу какую-нибудь деталь, если надо. Наконец жиклер продут, мусор из поплавковой камеры убран, сам поплавок отрегулирован. СТЗ плюется сизым выхлопом, скрежещет включаемой передачей и, лязгая гусеницами, влезает в очередь, ведущую на мост. Наблюдаю за работой «зеленых фуражек», документы проверяют тщательно, неторопливо. Вот отогнали в сторону гражданскую полуторку, а пассажиров отправили дальше пешком. Машина остается у поста, видимо, мобилизовали в армию явочным порядком. Еще двоих отвели в ближайший от моста дом, видимо на дополнительную проверку. Один из них вернулся минут через десять, отдал пограничнику какую-то бумажку и продолжил путь, второй так и остался в доме.

Подходит и наша очередь, меня охватывает сильное беспокойство, прокатит ли моя справка из военкомата и хватит ли поручительства Костромитина, что я не шпион. Эти ребята на таких, как я, карьере делают, чем больше подозрительных задержал, тем лучше показатели, начальство с благоволением смотрит. А мне сидеть «до выяснения». А что выяснится, еще неизвестно. Точнее известно, что ничего не выяснится. Нет меня в этом времени, точнее физически я есть, а по бумагам меня нет, нигде не числюсь. А без бумаги... И к стенке могут запросто поставить, так, на всякий случай, как сильно подозрительного. Мне даже штрафная рота не светит, да и нет их еще, почти через год появятся. И танки немецкие могут появиться здесь уже завтра, а вот с ними мне встречаться совсем уже не хочется.

СТЗ продвигается еще на десять метров. Теперь перед нами трехтонный ЗиС, телега, запряженная парой лошадей и забитая какими-то узлами, дальше мы. Справа и слева хлипкие ограждения, еще правее пропускают пешеходов. За нами набирается здоровенный хвост, от Бобруйска подходит новая техника, подводы, люди. Неожиданно по этой реке проходит продольная волна, и в ее колыхании я отчетливо различаю два слова «немцы» и «танки». Ошибся! Сегодня! Сегодня, в первый день июля! Я подскакиваю с ящика, стучу по кабине и воплю во всю глотку:

– Петрович! Гони!

Костромитин высовывается из дверцы, оценивает обстановку и принимает решение.

– Газуй влево!

Петрович дергает рычаги фрикционов, СТЗ прыгает вперед, дергая пушку и подминая под гусеницы задок телеги. Дико ржут кони, вопит возница, трещит дерево. Тягач, едва не намотав на гусеницы лошадей, ломает хлипкий барьер и вываливается на встречную полосу. Бросившиеся навстречу пограничники отскакивают в стороны, кто-то рвет с плеча винтовки. ЗиС сбивает самодельный шлагбаум из тонкой жердины и едва успевает проскочить на мост перед нами. СТЗ плюется выхлопом, ревет движком, со скрежетом включается повышенная передача, и наша скорость увеличивается километров до пятнадцати в час. Я оглядываюсь назад, толпа смела все заслоны, смяла охрану моста и бежит за нами. Какой-то красноармеец успел запрыгнуть на повозку и едет, держась за ствол пушки. Допроверялись. Страшно подумать, сколько народа передавят в этой охваченной паникой толпе.

Дамба, по которой идет дорога, ненамного шире моста, но Петрович выжимает из СТЗ все, что можно. Основную толпу мы обогнали, а те, кто проскочил раньше, освобождают дорогу, едва услышав лязг тракторных гусениц. До ближайших домов, за которыми можно укрыться, где-то около километра. Трактор проходит почти половину этого расстояния, когда на правом берегу Друти появляются немецкие танки, и не только они. Всего две «двойки» или даже «единицы», один гробообразный бронетранспортер, ну и мотоциклы там должны быть, хоть я их и не вижу. Немцы притормаживают на берегу, то ли хотят осмотреть мост на предмет наличия взрывчатки, то ли просто не торопятся врезаться в толпу, не успевшую проскочить через мост. Да и вообще, куда им торопиться? Никакого организованного сопротивления им здесь не окажут. Предупреждаю Костромитина:

– Товарищ лейтенант, немцы! Два танка!

Лейтенант высовывается из кабины, рассматривает правый берег и, убравшись обратно, что-то говорит Петровичу. Что именно, я не слышу, мешает рев двигателя и лязг гусениц. Мы уже почти добрались до крайних домов, когда трактор сворачивает вправо. Лучше бы влево, но там сразу за дорогой дамба круто обрывается, а справа есть ровная площадка. Позиция не самая удачная. Противник частично закрыт растущими на дамбе деревьями, а стрелять придется над самой дорогой. Людской поток течет буквально в десятке метров от дульного тормоза зенитки. Как только трактор останавливается, хватаюсь за снарядный ящик. Уй-е! Восемьдесят два килограмма! Ташу ящик волоком к заднему борту.

– Куда?! Стоять!

Лейтенант за шиворот ловит спрыгнувшего с пушки красноармейца и пинком придает ему ускорение к заднему борту СТЗ.

– Разгружай!

Двоем откидываем задний борт и начинаем снимать с кузова ящик. Костромитин и Петрович убирают стопоры, и пушка плюхается на грунт. Потом они стаскивают с пушки брезент. Подскакиваю к прицелу, несколько секунд рассматриваю конструкцию и проверяю его установки: боковое упреждение – ноль, устанавливаю прицел на дальность восемьсот метров. Плюхаюсь в кресло наводчика и заглядываю в окуляр оптической трубы. Темно как... Сдергиваю с прицела крышку и еще раз заглядываю в окуляр. Четыре нити, и стрелка снизу, усиление оцениваю как пятикратное. Никаких ракурсных колец, это же не АЗП. Поворачиваю маховики вертикальной и горизонтальной наводки, по горизонтали все в порядке, а с вертикальной что-то не то, усилие на маховике уж больно маленькое. Опять кручу маховик, картинка в поле зрения оптической трубы поднимается. Смотрю на ствол, а он на месте стоит. Оборачиваюсь. Лейтенант специальным ключом меняет установку взрывателей. Сами взрыватели уже вкручены на место, а ведь положено перевозить их отдельно.

– Петрович, открой затвор! – командует лейтенант.

Однако с затвором у Петровича выходит заминка. Вместо положенной по нормативу минуты возмись уже три как минимум. Лейтенант заканчивает со снарядами и сам открывает затвор. Мельком бросает взгляд на прицел и досылает первый снаряд в казенник. Звон гильзы и лязг закрытого затвора.

– Готово!

Лучше бы Костромитину самому встать к прицелу, но работа заряжающего требует известной сноровки и опыта. Если поставить заряжающим меня или Петровича, то из-за неправильного досылания мы запросто можем заклинить затвор, да и установок взрывателя никто из нас не знает.

– Товарищ лейтенант, ствол не поднимается!

Лейтенант толкает механика к левой стороне орудия.

– Совмещай стрелки!

– Какие стрелки? – не понимает, чего от него хотят, Петрович.

– Вот эти.

Костромитин крутит маховик, и ствол идет вверх. Оказывается, здесь отдельные приводы наведения, что хорошо для зенитки и плохо для противотанковой пушки. Очень многое зависит от согласованности действий наводчиков. Лейтенант спрыгивает на землю. Кручу маховик, поле зрения в прицеле начинает поворачиваться, стрелка доходит до силуэта одного из танков, второй закрывает дерево. По нам никто не стреляет, похоже, просто не видят или не обращают внимания. Опускаю стрелку до нижнего обреза силуэта.

– Петрович, ты как?

– Готово.

– Огонь!

Выстрел! Г-гах! Мы все сразу гложнем, из окружающего мира исчезают все звуки. Тусклый трассер под острым углом пересекает дамбу и исчезает в яркой вспышке чуть ниже силуэта. Мимо! Надо было на тысячу прицел установить! Людей с дороги просто сдувает, хорошо, что основная масса успела проскочить, пока мы переводили пушку в боевое положение. Скорее чувствую, чем слышу, как лязгает затвор.

– Готово!

Подгоняю стрелку под верхний обрез силуэта.

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Звенит выброшенная гильза. Мимо! Немецкий танк спасают маленькие размеры.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Мимо! Да что ж за невезуха. Немцы уже обнаружили нашу позицию, даже вижу, как вспыхивает дульное пламя на башне танка. Четвертая попытка.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блямс!

– Е-есть! – ору не сдерживаясь.

Попали! Яркая вспышка – дульное пламя уже не вспыхивает на сером силуэте. В стрельбе наступает перерыв. Костромитин скручивает колпачки и устанавливает взрыватели в следующем ящике.

– Готово!

Оборачиваюсь к лейтенанту.

– Добьем?

Лейтенант кивает, и пятый снаряд мы всаживаем в уже подбитый танк. Хватит двух гранат этому фрицевскому недотанку.

– Пулемет! Десять метров от правого угла первой хаты.

И как лейтенант успел обнаружить? Я пулемет не вижу, но на всякий случай беру чуть выше уровня берега, помня о недостаточной дальности, установленной на прицеле.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Попали, не попали, но пулемет вроде затыкается.

– По мосту! – командует лейтенант.

Но я встаю с сиденья и выпрямляюсь.

– Ты что? – орет лейтенант, хватаясь за кобуру.

– Тебе надо, ты и стреляй, а я не могу!

Во-первых, мост виден плохо и попасть мы можем только в его настил под очень острым углом и при большом везении. Во-вторых, через мост продолжают перебираться отдельные беженцы, и стрелять в них я не могу. В-третьих, мост этот немцам не поможет. Через несколько дней, во время наступления корпуса Петровского, они сами его взорвут, как и мост через Днепр. Я просто беру и отворачиваюсь, стрелять в спину Костромитин не будет, не тот он человек. И по беженцам на мосту тоже не станет. Это он в горячке боя на такие «подвиги» был готов, а отойдет, самому стыдно будет. Лейтенант остыл, но стволом нагана в кобуру попал не сразу.

– Все! Сворачиваемся и уходим. А этот где?

Пока мы по танкам стреляли, прокатившийся на нашей пушке красноармеец успел слиться. Из боевого в походное положение пушку переводили минут пять, чтобы поднять пять тонн на высоту полуметра, пришлось попотеть, качая рукоятки механизмов. Закрепили ствол по-походному, брезент и ящик с двумя снарядами положили обратно в кузов. Забираясь в

кузов, я увидел в заднем борту свеженькую дырку от пули, стало быть, пулемет все-таки был. И был он достаточно близок к цели. Тронулись. Немцы, получив по зубам, на берег не высовывались. А то! Восемьдесят пять миллиметров, это тебе не в углу навалено. Сила! СТЗ выбирается на дорогу, точнее уже на городскую улицу, и медленно торопится к мосту через Днепр.

На днепровском мосту основная масса людей уже проскочила на левый берег. На месте стальных коробчатых ферм и железобетонных опор, памятных по восьмидесятым, стоит деревянное сооружение. Днепр в районе Рогачева не широк, но быстр и полноводен. Вся дорога была усыпана следами поспешного бегства. Ну, хоть трупы на дороге не валяются. Стоп, накаркал. Два лежат у самого въезда на мост, толпа прошла по ним и сейчас они напоминают тряпичных кукол, больших и грязных. Чуть дальше лежит еще один, девочки или маленькой женщины, не понять. Мы с лейтенантом оттаскиваем трупы в сторону, СТЗ осторожно пробирается по деревянному настилу, пушка переваливается на брошенных вещах.

За мостом через пойму Днепра дорога больше километра тянется по узкой дамбе. Далее дорога на Довск проходит по густому смешанному лесу. СТЗ ползет по дамбе, а я смотрю на удаляющийся Рогачев. После войны в нем останется, по-моему, единственное довоенное здание – краснокирпичный католический собор. Все остальное будет разрушено, а население почти полностью уничтожено. Большая часть городского населения – евреи. В восьмидесятые они исчезнут почти полностью. Те, кто пережил войну, уедут в Израиль.

Левобережный лес понемногу приближается, и мои мысли принимают другое направление. На следующий день после захвата Рогачева немецкая разведка попытается продвинуться по дороге на Довск, но получит отпор. А я как-то пока не вижу никого, кто, согласно исторической правде, будет этот отпор давать. И тут у меня рождается мысль. А что, если это и есть моя миссия. Точнее МИССИЯ, именно так, крупными буквами. Может, меня ради этого сюда и занесло. Остановлю фрицев, и сразу обратно, в квартиру с теплыми полами и модным унитазом, к машине, интернету, кредитным карточкам и прочим благам цивилизации. Можно и обратно в туалет скорого поезда, я согласен, даже без денег и паспорта, но лучше с ними.

Ерунда все это. Похоже, нет никакой миссии. Если здесь мне оторвут башку, то больше она не вырастет. Гейм, как говорится, овер. Но руки после Друти и моста через Днепр чешутся.

– Петрович, стой!

Из кабины высовывается Костромитин.

– Чего ты орешь?

– Вы посмотрите, товарищ лейтенант, какая шикарная позиция. Ну просто грех не воспользоваться.

Лейтенант достает бинокль и минуту рассматривает правый берег. Думает.

– Накроют нас здесь.

– Не успеют, товарищ лейтенант. Мы по-быстрому фрицев на дамбе гасим, пушку на колеса и ходу. А позицию справа от дороги устроим, туда трактор можно незаметно подогнать.

Лейтенант нацеливает бинокль на предлагаемую позицию.

– Не пойму я тебя, инженер, то ты до Урала бежать собирался, а сейчас вдруг решил в героя сыграть?

– А может, я и есть герой, товарищ лейтенант. Только старый, толстый и лысый.

– Вот это мы сейчас и проверим. Давай направо, Петрович.

Миссия моя проваливается, не успев начаться. Едва наша сцепка вползает на опушку леса, как мы замечаем нескольких красноармейцев, копающих стрелковые ячейки. Костромитин идет узнать, что это за часть. Возвращается очень быстро.

– Сто шестьдесят седьмая стрелковая дивизия, – сообщает лейтенант. – Дивизия свежая, в боях еще не бывала.

То, что дивизия кадровая и в боях еще не бывала, видно по внешнему виду красноармейцев и их экипировке. А еще я вижу, что красноармейцев здесь очень мало для прочной

обороны. Стрелковые ячейки еще только начали копать, никаких инженерных заграждений нет, минные поля наверняка отсутствуют. Судя по всему, дивизия тонким слоем размазана по левому берегу Днепра и сосредоточенного удара немцев не выдержит, а прочность обороны в этом месте немцы обязательно проверят, я точно знаю. Костромитин выбирает позицию для зенитки, и мы начинаем копать. Правильная огневая позиция для 52-К это котлован пятиметрового диаметра и метровой глубины, плюс укрытие для расчета и ровик для ящиков со снарядами. Нам втроем, при наличии одной лопаты, за всю ночь с таким объемом не справимся. Поэтому укрытие и ровик упраздняем, размеры котлована ограничиваем длиной повозки и размахом боковых станин. Песчаная почва поддается легко, но одна лопата ограничивает скорость. Закончили, когда уже стемнело. Вижу, что к пехотинцам прибыла полевая кухня.

– Товарищ лейтенант, вот завтра мы будем все опасности предстоящего боя с пехотой делить. Так?

– Ну, так, – соглашается лейтенант. – Ты это к чему?

– К тому, что неплохо бы пехоте радости сегодняшнего ужина с нами разделить. А то как-то несправедливо получается. Вы им скажите, что завтра с голодухи у нас заряжающий снаряд не поднимет, и у наводчиков будут руки дрожать.

Пока лейтенант решает продовольственные проблемы, СТЗ спихивает оружие в котлован, я отцепляю тягач, и Петрович отгоняет его к дороге. Вдвоем откидываем боковые упоры, опускаем пушку на грунт и забиваем колья. В песок они входят легко, звонкие удары далеко разносятся в темной тишине днепровской поймы. Теперь начинаем горизонтирование. Петрович крутит домкраты, а я слежу за уровнями. Дело это несложное, но есть пара тонкостей. Во-первых, надо хорошо выровнять площадку, во-вторых, домкратами надо орудовать аккуратно, а то запросто можно пушку от грунта оторвать. В принципе, для стрельбы прямой наводкой можно и не горизонтировать, но я помню, как мы мазали на берегу Друти и предпочитаю перестраховаться.

Лейтенант приносит три котелка с перловой кашей. Терпеть не могу перловку, зато каша с мясом и соли в самый раз. Быстро наворачиваем перловку, и я несу котелки обратно на кухню. Когда возвращаюсь, Костромитин ползает по упорам, проверяя уровни, Петрович блаженно курит, сидя на повозке.

– Петрович, подъем. Щель копать будем.

– Какую щель? – удивляется Петрович.

– Половую, блин.

–?!

Мой тонкий юмор пролетает мимо головы водителя, для него половая щель это щель в полу между досками, и никак иначе. А при чем здесь блины, он вообще не понял. Приходится объяснить, что такое щель и для чего она нужна на огневой позиции. Опять копаем.

Как только заканчиваем копать, Костромитин отзывает меня в сторону.

– Думаешь, завтра сунутся?

– Непременно, товарищ лейтенант.

– Я тоже так думаю, – говорит лейтенант и тут же подкидывает очередной вопрос: – А почему ты немцев фрицами называл?

– Одно из наиболее распространенных у них имен. Да какая разница, фрицы, гансы, иоганны или адольфы. Один черт.

– Тоже правильно, – соглашается Костромитин. – А в армии, говоришь, не служил?

– Не служил, товарищ лейтенант.

– И из пушки раньше не стрелял?

– Не стрелял.

– И документы у тебя сгорели.

– Сгорели.

Лейтенант держит паузу, видимо, ждет, что я продолжу, но я молчу. Наконец, он не выдерживает.

– Орудие отгоризонтировать штука нехитрая. Я даже готов поверить, что с механизмами наводки и установками прицела ты за десять секунд разобрался, все-таки человек с высшим образованием. Но из пушки ты раньше стрелял или, по крайней мере, на огневой позиции раньше был. Новобранцы первого выстрела всегда боятся, а ты даже ухом не повел. По этому поводу ничего сказать не хочешь?

– Не хочу, товарищ лейтенант.

Я упираюсь в свою версию и отступать от нее не намерен. Костромитин это понимает.

– Ну ладно. Кстати, ты на барабане углов какую дальность выставял?

– Восемьсот.

– Восемьсот это дальность прямого выстрела, на восемьсот метров и меньше стрельба ведется с постоянной установкой прицела – шесть. А вообще ставится дальность до цели в гектометрах минус единица.

– Значит, фактически прицел стоял на девятьсот метров, а танк был еще дальше.

– Нет, просто стреляли снизу вверх, поэтому первый снаряд лег с недолетом.

– Спасибо за науку, товарищ лейтенант.

– Пожалуйста. Завтра посмотрим, пошла ли она тебе впрок.

Интересно, что он себе нафантазировал. Что я у белых в артиллерии служил? Или в лагере по пятьдесят восьмой сидел, а после начала войны сбежал? Отсюда и отсутствие блатных наколок, и отсутствие документов. А с артиллерией я мог и раньше познакомиться. Ладно, сейчас это не важно. Важно, сдаст меня лейтенант куда надо или нет.

Утром нас разбудила винтовочная стрельба. Солнце только начало разгонять ночную тьму. Стреляли где-то севернее, в районе Зборова. К винтовкам присоединился пулемет, потом затыкали пушки, скорее всего сорокапятимиллиметровые. А вот это они зря. Похоже, наши ущучили немецкую разведку в пойме Днестра и начали ее давить. Но зачем выдали позиции ПТО? Немцы ведь только этого и ждут. Вскоре все перекрыли взрывы снарядов и мин. Это уже фрицы с правого берега, своих вытаскивают и наши позиции давят. Позиции здесь, кстати, так себе, нормальные траншеи нынешним уставом не предусмотрены, понарыли отдельных ячеек и сидят в них как кроты. Стоп! А где танки? Согласно исторической правде мне обещаны были танки. И еще мотоциклы. Где они?

Когда сквозь притихшую канонаду донесся треск мотоциклетных двигателей и лязг танковых гусениц, я даже обрадовался. Не врет история, не врет! Точнее не во всем врет. Орудие заранее было наведено на дамбу, но пока в серой мути рассветных сумерек вижу только нечеткий размытый силуэт переднего танка. Над ухом лязгает затвор.

– Готово! – докладывает лейтенант, и тут же интересуется: – Какой прицел?

– Девять для начала. Но давай ближе подпустим.

В этих чертовых сумерках дистанцию правильно определить трудно, саму цель видно нечетко, я даже тип танка определить не могу. Но не «двойка», что-то более крупное.

– Давай, – соглашается Костромитин, – только я взрыватель на гранате уже выставил.

В этот момент у наших не выдерживают нервы, и слева по дамбе начинает стрелять противотанковый взвод. Подгоняю стрелку под середину силуэта. Чертовы сумерки! Как там наш второй наводчик?

– Петрович?

– Готово.

– Огонь!

Г-гах! Бьет пушка. Недолет. Лязг затвора.

– Готово!

– Прицел десять!

Лейтенант поворачивает маховичок.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Попадание! Мне кажется, что танк споткнулся и вроде начал пятиться назад.

– Готово!

Не уйдешь, сволочь!

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Попадание! С дамбы плюются огнем немецкие пулеметы, но, оглушенные выстрелами зенитки, мы не слышим цвирканья пуль.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Еще одно попадание. Танк уже замер. Противотанкисты тоже пристрелялись по нему, но их снарядики большого впечатления на танк не производят, особенно после наших попаданий. Мне кажется, что я вижу на дамбе темное пятно мотоцикла с пульсирующим огоньком дульного пламени.

– Готово!

Ловлю в прицел это пятно.

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Снаряд пролетает над дамбой и взрывается где-то за ней. Ниже надо брать, чертовы сумерки!

– Готово!

Мотоциклисты уже убираются на свой берег, в запале ловлю в прицел еще одно уходящее пятно.

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Мимо. И тут я слышу звук. Я никогда не слышал его раньше, но сразу понял, что это такое.

– Ложи-и-ись!!!

Я одним прыжком достигаю щели, но первым туда попадает Петрович. Я падаю на него, сверху валится Костромитин. Бах! Бах! Бах! Бах! Сверху сыпется земля, ветки и листья. Точно бьют, гады. И как только они нашу позицию засекли в этих сумерках. Небольшой перерыв и снова. Бах! Бах! Бах! Бах! Минометный обстрел длился всего минуты две. Точнее целых две минуты. Две самых долгих минуты в моей жизни. Кажется, Петрович внизу бормочет молитву. Я бы тоже бормотал, если бы знал. Единственное, что помню: спаси и сохрани.

Когда все заканчивается, мы еще минуты три лежим неподвижно. Лежим и слушаем, но бой уже затихает. Или мы окончательно оглохли. Наконец, я не выдерживаю и пихаю лейтенанта.

– Слезай с меня, лейтенант, а то Петрович внизу задохнется.

Выбираюсь из щели вслед за Костромитиным, последним вылезает Петрович.

– В следующий раз щель в два раза глубже вырою, – обещает тракторист, – ей-богу. Нет, две щели. Одну себе, другую – вам.

– Все, отстрелялись.

Я поворачиваюсь к пушке. Лейтенант рассматривает пробитый осколком мины накатник, из него капает, стекая на землю, маслянистая жидкость. Действительно отстрелялись, противооткатные устройства можно отремонтировать только на заводе, либо найти артиллерийскую мастерскую, где есть новый накатник.

– Я за трактором, – оживляется Петрович.

– Давай, – соглашается лейтенант, – а мы пока пушку в походное переведем.

Вдвоем ставим пушку на колеса, закрепляем ствол и складываем упоры, я закрываю крышкой оптику. Чехол остался в кузовке СТЗ, надеюсь, его не сперли. Трактор задним ходом подкатывает к огневой. Цепляем пушку к СТЗ, лейтенант командует:

– Давай!

Трактор дергается, еле успеваю отскочить, а с другой стороны слышу вопль Костромитина:

– Стой!

Трактор замирает, и я перепрыгиваю через сцепку. Лейтенант лежит на боку между передним и задним колесными ходами. С виду цел, но если пятитонная пушка проехала ему по ноге, то он без этой ноги вполне может остаться. Вытягиваю лейтенанта из-под пушки.

– Где болит, лейтенант?

Тот слабо отбивается:

– Да нигде не болит, это я с перепуга вопил.

Оказывается, не успев убрать ногу из-под колеса, Сергей упал на бок, и переднее колесо частично вдавило жесткую подошву сапога в мягкий песчаный грунт, частично просто перескочило через нее, и сама нога не пострадала, как и сапог. Да, крепкие сапоги шьют для красных командиров.

– Поехали.

Лейтенант совсем не хромяя бежит к трактору. Я лезу в кузов и плюхаюсь на брезент. Не сперли, и торба моя на месте. СТЗ выбирается на шоссе, разгоняется и через пару сотен метров тормозит. На шоссе стоит «эмка», возле нее начальство, не поймешь, в каких чинах. Но большое начальство, маленькому «эмки» не дают.

– Построились, – бросает Костромитин, выпрыгивая из кабины.

Мы с Петровичем, как можем, изображаем строй. Получается не очень. По лицу начальства вижу – не довольно. Лейтенант вытягивается, вскидывает руку к пилотке и начинает доклад.

– Товарищ дивизионный комиссар...

Это же считай почти генерал, нехреновое звание. Для такого звания комиссар, пожалуй, слишком молод. Доклад закончен. Комиссар недовольно морщится.

– Почему оставили позицию?

– Орудие было повреждено в результате минометного обстрела. Дальнейшая стрельба невозможна, нужен заводской ремонт.

Когда мы поспешно убирались с позиции, не до чехла было и дырка в накатнике видна во всей красе. Большое человеческое спасибо немецкому осколку, спас от неприятностей. С заводским ремонтом лейтенант, конечно, приврал, в любой мастерской накатник за пару часов поменяют.

– А это что за чучело?

Чучело это я. В куцем ватнике, яловых командирских сапогах и СВТ на правом плече. Однако чучелом меня уже лет тридцать не называли или еще тридцать лет вперед не назовут. Короче, отвык я от таких названий.

– Я не чучело, товарищ дивизионный комиссар, а инженер. В данный момент – красноармеец.

– Он два танка подбил, – вступает за меня лейтенант.

– Я видел только один.

– Первый был вчера, на переправе через Друть.

– Подбил?

Это вопрос ко мне.

– Так точно, товарищ дивизионный комиссар. Только не один я подбивал, весь расчет работал.

Начальство меняет гнев на милость.

– Молодец! Все вы молодцы. Если каждая наша пушка уничтожит по два немецких танка...

Пошло, поехало, комиссар оказался в своей стихии. Почтительно дослушиваем до конца. Почтительно, так сказать, внимаем.

– От лица командования объявляю вам благодарность!

– Служим трудовому народу!

Нестройно гаркаем мы, простите, не до строевой было. Комиссар жмет нам руки и направляется к своей «эмке».

– Пронесло, – шепчет Костромитин.

– Предписание, – шиплю я.

– Что? – не понимает лейтенант.

– Предписание у него возьми, на переформирование.

Наконец-то дошло.

– Товарищ дивизионный комиссар!

Костромин бросается вслед не успевшему далеко отойти начальству. Догоняет, вытягивается, излагает. Молодец, правильно излагает. Комиссар благосклонно кивает головой, потом достает блокнот и что-то пишет, долго пишет. Наконец, вырывает из блокнота листок и отдает лейтенанту. Тот опять тянется, козыряет, поворачивается кругом и рубит строевым. Артист!

Глава 3

Пушка – оружие коллективное. В этом мы убеждаемся, когда чистим ее ствол. Эту процедуру должен делать весь расчет, а нас только трое. Штатным банником для чистки никто не пользуется, для этого вокруг полно дерева. Выпиливаем чурбак подходящего размера, из березы диаметром чуть меньше калибра ствола, обматываем его промасленными тряпками и пропихиваем в ствол. Через казенную часть чурбак проходит легко, а потом...

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

А все Костромитин. Не может он, видите ли, в армейский штаб с грязной пушкой соваться. У него дырка в накатнике, точнее у пушки в накатнике, а он ее от грязи отмывает. Она же все равно под брезентом будет, а мы ее надраиваем как перед Парадом Победы. Да хрен бы с ним снаружи, так еще и изнутри. Как будто кто-то в ствол к нему заглядывать будет, точнее в пушечный ствол. Еще бы СТЗ гусеницы помыл. Кстати, был такой генерал, на стоянках заставлял танкистов гусеницы соляжкой протирать, а чистоту лично пальчиком проверял. Аккуратист долбаный.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

Подумаешь, штаб армии. Этот штаб вторые сутки без войск сидит, его не сегодня, так завтра расформируют, а мы тут корячимся. Да мы же там на хрен никому не нужны, у штабных сейчас своих забот полные штаны, на кого цыкнут, а кого и чикнут. Целую армию про... потеряли.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

Да когда же он закончится, чертов ствол. Можно подумать, там генералы толпами ходят. А на комиссара я зря окрысился, подумаешь, речугу толкнул минут на десять. Работа у него такая. Это для меня штампы избитые, а лейтенант вроде даже проникся. Мы с пехотинцами у Днепра почти сутки простояли, а даже батальонного их не видели. А комиссар, как стрельба началась, примчался. В двухстах метрах от передовых ячеек находился.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

Наконец мы выбиваем чурбак из ствола. Лейтенант лезет рукой в ствол и находит его недостаточно чистым. Нашелся чистоплюй на мою лысую голову. Все по новой, обматываем чурбак тряпками, запикиваем в ствол.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

До штаба добираемся только к двум часам дня, зато с чистым орудийным стволом. А сами уже десять дней не мылись, несет от нас сейчас... Штаб расположился километрах в пяти от Днепра. Если фрицы узнают, артиллерией накроют запросто. Но у них сейчас другие заботы, к Днепру вышли передовые танковые части, а пехота и все снабжение отстало на неделю минимум. Поэтому с боеприпасами у них негусто. На въезде в деревню нас проверяют, но комиссарская бумажка открывает нам дорогу. СТЗ ставим подальше от глаз начальства, и лейтенант убегает за предписанием. Петрович курит, а я просто греюсь на солнышке. И тут мне в голову приходит мысль, точнее мыслища.

– Петрович, у тебя белая краска есть?

– Нет, вообще никакой нет. А зачем тебе?

– Звездочки хочу нарисовать, по числу подбитых танков.

– Здорово, – оживает механик, – а где рисовать будем.

– На стволе, естественно. Слева танки, справа самолеты. Только краски-то все равно нет.

– Для такого дела найдем, – обещает Петрович. – При штабе всякой шоферни хватает, у кого-нибудь одолжим.

Минут через десять механик возвращается с литровой банкой белой масляной краски. Теперь встает проблема бумаги, Петрович бежит за ней. Когда появляется бумага, то оказывается, что нет ножниц. Добро пожаловать в мир тотального дефицита, усугубленного войной. В конце концов, вдохновленный идеей механик жертвует своей бритвой, и я вырезаю из бумаги трафарет. Ничего получилось, терпимо. Аккуратно, тампончиком рисуем звездочки, Петрович даже дыхание затаил. Осторожно снимаю трафарет со второй звездочки. Механик в восторге.

– Здорово, – выдыхает он, – теперь сразу видно – едет героический расчет.

Дай ему волю, он бы и накатник пробитый не менял, тоже наглядное свидетельство опасностей ратного труда, перенесенного Петровичем.

– Слушай, а может, на тягаче тоже нарисуем?

– Обязательно нарисуем, как только ты своим трактором немецкий танк раздавишь, так сразу и нарисуем.

– Это что вы тут рисовать собрались?

Сзади незаметно подошел Костромитин.

– А это что за художества на боевом орудии?

– Звездочки, товарищ лейтенант, по числу подбитых танков. Пусть все видят.

– А вы от скромности не умрете, товарищ инженер.

– Так ведь сам себя не похвалишь, другие не заметят. Да вы на грудь мою посмотрите, товарищ лейтенант.

– И что такого особенного на твоей груди?

– Размеры. Представляете, сколько орденов на ней поместится.

Такой незатейливый юмор находит понимание, оба от души смеются. Да и вообще нравы здесь намного проще, чем в наше время.

– Пусть остаются, – соглашается лейтенант, – но вообще-то не положено. Я тут, кстати, у штабных справочку взял, насчет подбитых танков.

– Но комиссар только один видел, – удивляюсь я.

– Штаб без войск остался, трясутся все как заячьи хвосты, они мне не два, а целую танковую роту могли вписать, сейчас им все равно.

– А куда нас направили, товарищ лейтенант? – интересуется Петрович.

– Я хотел обратно в наш полк, но никто не знает, где он находится. Хотели в армейский озад...

– В чей зад? – удивленно переспрашиваю я.

– Не в зад, а в Озад, – поправляет меня Костромитин и поясняет: – Отдельный зенитный артиллерийский дивизион армейского подчинения. Но там только тридцатисемимиллиметровые зенитки остались, и ремонтной базы нет.

Тут и так в дерьме по уши, а тебя еще в какой-то зад послать пытаются. Между тем лейтенант продолжил:

– Поэтому нас направили в штаб фронта, оттуда направят в запасной полк.

А вот это уже не зад, это даже не полная задница, а просто необъятная.

– Товарищ лейтенант, а нельзя ли нас послать куда-нибудь в другое место.

– Во-первых, нас не посылают, направляют. Во-вторых, в какое такое место вы собрались? И, в-третьих, отсюда идет только одна дорога, и идет она через Довск, где и находится штаб Западного фронта.

А то я не знаю, где находится этот чертов штаб. Я даже знаю, что сделают с некоторыми обитателями этого штаба буквально через пару дней. Поэтому мне очень не хочется попадать туда, особенно в ближайшие дни. Но, видимо, после подаренной улыбки продажная девка Фортуна окончательно повернулась ко мне задом.

– В машину!

Командует лейтенант, и мы трясемся на свидание к своей судьбе. Точной даты ареста Павлова я не помню. То ли третьего, то ли четвертого. А может пятого? Один раз я уже не угадал. Для расправы над руководством Западного фронта товарищ Сталин пришлет своего личного контролера – Льва Захаровича Мехлиса, стукача всесоюзного масштаба. Пожалуй, единственное, что хорошо получалось у Левы Мехлиса, так это слепить расстрельный донос на пустом месте. Как только он начинал действовать самостоятельно, дело заканчивалось такой кровью и такими провалами, что после сорок второго хозяин своей шестерке воли уже не давал. Впрочем, думаю, что в данном случае возмездие было все-таки справедливым, хотя и слишком уж избирательным. Кирпоносу «повезло», а Павлову и его помощникам пришлось ответить за разгром вверенных ему войск. Надо было пойти дальше и Жукова с Тимошенко привлечь, но, видимо, товарищ Сталин не был уверен, что пришедшие им на смену наломают меньше дров. Ему виднее, свой генералитет он знает лучше меня.

А между тем зарождается мыслишка: а может, это и есть твой шанс, твоя миссия? Мехлис это кратчайший путь наверх, возможность донести до хозяйских ушей предупреждение о страшной катастрофе. До нее еще полтора месяца, еще можно все переиграть и спасти сотни тысяч. Трактор скачет на какой-то колдобине, и я больно бьюсь локтем о борт. Руку как будто пронзает электрическим током, а в голове наступает прояснение. К кому бежать собрался? К Лева? К Мехлису? Он же типичный сталинский чиновник, самое страшное для него – вызвать неудовольствие хозяина. Итак, моделируем ситуацию. Предположим, что я добрался до Мехлиса, что маловероятно. Допустим, он даже согласился меня выслушать, что уже совсем невероятно. И скажем, он мне поверил, что звучит как полный абсурд. Что дальше сделает Мехлис? Доложит Сталину? Как бы не так. С непроверенной информацией он к нему не сунется, начнет проверять. А что ему скажут «эксперты» в лице красных генералов? Они скажут, что их героическими усилиями вторая танковая группа обескровлена, ее материальная часть изношена и ни к каким наступательным действиям она решительно не способна. А скоро они подлеца Гудериана вообще за Неман выкинут. И что будет, когда Гудериан повернет на юг? Шлепнут меня, чтобы не болтал много. Если Сталин узнает, что было предупреждение, а они его проигнорировали – по головке не погладит, главным образом за недонесение ценной информации до своих ушей.

А то, думаете, их не предупреждали? Были умные люди, видели, как нависает танковая группа немцев над флангом Киевской группировки. И не просто видели, они писали. Только генералы наши все проигнорировали, самыми умными себя считали. И даже если каким-то чудом удастся Киевскую катастрофу предотвратить, то они тут же устроят новую. И будет вместо Киевской какая-нибудь Харьковская или Днепропетровская катастрофа. И про них я уже ничего сказать не смогу. Да мало ли их было и еще будет, пусть и не в таких масштабах. А им на все наплевать, они еще только «учатся» воевать. Интересно, чем они до этого занимались. Таким образом, уговариваю я свою совесть. Будем надеяться, что такая мелочь, как мы, не привлечет внимания нового командования фронта.

Как оказалось, где находится штаб фронта, я не знал, и никто не знал. В Довске находился только бывший командующий фронтом, отстраненный от должности два дня назад, еще тридцатого июня. Куда двигаться дальше, неясно. Пока к своим добирались, все было понятно, а в собственном тылу неисправная зенитка с неполным расчетом никому оказалась не нужна. В конце концов, кто-то подсказал Костромитину, что всех зенитчиков, отставших от своих частей, направляют в Брянск. Мною эта идея оказалась горячо поддержана, до Брянска немцы доберутся нескоро, есть время оглядеться и возможность легализоваться.

До Брянска около двухсот пятидесяти километров, если ехать через Рославль. Это расстояние мы прошли почти за пять суток, дважды подводила техника. С топливом проблем не было, как и с продовольствием. Документы проверяли несколько раз, но только у лейтенанта. Как оказалось, таких как я бездокументных призывников в тылах Западного фронта болталось немало. Когда Минск уже был захвачен, туда продолжали направлять эшелоны с призывным контингентом, согласно довоенным планам.

Брянск оказался довольно крупным городом, промышленным центром и узлом железных дорог. В комендатуре нас направляют в запасной зенитный артиллерийский полк. В первый раз за две недели мы получаем возможность помыться. Я уже стал думать, что горячая вода в СССР существует только в виде кипятка на железнодорожных станциях. Оказывается, нет, есть еще бани. Народа в бане мало, и я моюсь сразу в трех шайках. Какое счастье, что можно набрать целую шайку воды из двух кранов и опрокинуть ее на себя. А потом сделать это еще раз и еще. На этом прелести жизни заканчиваются. Мы получаем новое обмундирование. Давно забытые кальсоны на завязках, нательные рубахи, гимнастерки с шароварами и пилотки. Материал гимнастерки по шершавости может соперничать с наждачной бумагой.

– Ничего, – утешает меня Петрович, – обомнется, да и привыкнешь. Все привыкают.

– Ага, – соглашаюсь я, – как к чесотке.

Теперь надо пришить черные петлицы с красной окантовкой, прикрепить к ним эмблемы рода войск. Сами артиллерийские эмблемы за последующие полвека практически не изменились. Прикалываю к пилотке звездочку, затягиваю ремень и возвращаюсь на вещевой склад.

– Ну нет у меня подсумков, – клянется вещевого старшина.

Но я ему почему-то не верю.

– Так что же мне патроны в карманах таскать. Вот попадусь командиру полка и объясню ему, что один куркуль на складе подсумки зажал.

После короткой дискуссии один подсумок все-таки находится, и я опять иду в баню. Здесь меня уже ждут.

– Пошли быстрее.

– Куда?

– В строевой отдел, – отвечает лейтенант.

– Стоп.

Я притормаживаю остальных и оглядываюсь по сторонам, вроде никто не может нас слышать.

– Значит, так, в разговоре с кадровиками таких слов, как «окружение» и «оккупированная территория», употреблять нельзя.

– Так мы и не были в окружении, – удивляется Петрович.

– Правильно, – подтверждаю я, – не были. Мы все время двигались по не оккупированной территории и немцев в глаза не видели.

– А на Минском шоссе? – опять удивляется механик.

– Не было там никаких немцев, не было и все. Вы закончили ремонт и, понимая, что от танков все равно не уйти, свернули с шоссе еще до их появления. И на этом стойте насмерть.

Костромитин смотрит на меня очень пристально, смотрит и молчит. Ну хоть кивни, лейтенант. Петрович смотрит на командира и ждет, что скажет он.

– Ты думаешь, так будет лучше? – наконец спрашивает он.

– Я не думаю, я знаю. Ляпнете про немцев – потом не отмоетесь, всю оставшуюся жизнь будете на подозрении. И я вместе с вами.

– А расчет?

– Не было никакого расчета. Вы пушку из ремонта везли, без расчета.

– Завремся, – сомневается лейтенант.

– Ничего, пытаться вас никто не будет, и проверить ничего не смогут. А в крайнем случае у нас справка о подбитых танках есть, причем из армейского штаба.

– Хорошо, – соглашается Костромитин, – давай так и сделаем.

Беседовал со мной старший лейтенант из штабных. Назвать это допросом язык не повернется, хотя кое-что старшой записывал. У меня создалось впечатление, что ему все по барабану, подобные истории за день он выслушивал не один раз, а может, и не один десяток раз. Только справка из Паричского военкомата вызвала у него удивление.

– Вы же не подлежите призыву.

– А куда мне было деваться? Считайте меня добровольцем.

Когда дошли до первого боя, лейтенант удивился еще раз:

– Вот так просто встали к прицелу и сразу попали?

– Ну не сразу, а только четвертым снарядом. Да и пушка ваша не бог весть какая техническая задача, а у меня восемнадцать лет стажа на инженерных должностях. На зрение не жалуюсь. Механик тоже в первый раз стрелки совмещал, и ничего, справился.

– А кто, кроме вас троих, может подтвердить уничтожение немецкого танка?

– У лейтенанта справка есть из штаба армии, только танков там два, второй мы на переправе через Днепр подбили.

Старшой вышел, оставив меня одного. Вернулся через несколько минут.

– Даже не знаю, что с вами делать. Хотите, мы вас демобилизуем, и даже проездные документы в Ленинград оформим?

– Не хочу. Я еще с немецкими стервятниками не поквитался за эшелон разбомбленный, за женщин, за детишек убитых. В истребители меня точно не возьмут, так я их с земли достану. Вы только от прицела меня не убирайте, товарищ старший лейтенант.

– Это уже ваш новый комбат будет решать. А хотите, мы вас при штабе полка оставим, должность подходящую подберем, а там придет из Ленинграда подтверждение, звание среднего командира получите.

Ага, придет подтверждение, щас-с! И не только потому, что нечего подтверждать, но и потому, что не до подтверждений будет в ближайшее время в Ленинграде. Да и этот полк скоро в очередном котле свариться может.

– Спасибо за предложение, товарищ старший лейтенант, но я все-таки хочу на фрицев через оптическую трубу еще раз взглянуть.

– Как вы сказали? На фрицев?

– На фрицев. Это одно из наиболее распространенных у них имен. Да какая разница, как их называть. Фрицы, гансы, адольфы. Один черт.

– Ладно, идите, – машет рукой лейтенант.

Когда я оказываюсь в коридоре, Костромитин с Петровичем уже ждут меня там.

– Ну как?

– Нормально. А у вас.

– Да вроде все гладко прошло.

– Вот и хорошо, – подвожу я итог, – пошли столовую искать.

У нас на троих только один котелок, поэтому раздающий валит в него тройную порцию. Мы едим пшеничную кашу с «машинным» маслом, по очереди черпая ее из котелка Петровича. Впрочем, мы не одни такие, кто-то утратил свое имущество при отступлении, кто-то и вовсе его не успел получить. На вкус каша весьма мерзкая, а порция маленькая. На таком питании, без приварка, можно только медленно загнаться. Выход один – отправка в действующую армию. Видимо, на этом и строится расчет, чтобы в тылу надолго не засиживались. После ужина мы идем устраиваться в казарму.

Казарма этого полка от привычной советской казармы, в которой я провел далеко не лучшие годы своей жизни, отличалась, как студенческая общага от четырехзвездочной гостиницы. Длинное помещение с деревянными нарами в три уровня и «взлетной полосой» посередине. Постельное белье в принципе отсутствует, дощатый пол изрядно загажен красноармейскими и командирскими сапогами, но у меня уже руки заняты и спина в предчувствии ближайшего паркохозяйственного дня. Ох, чую, сдохнем мы все на этом полу, ну кроме лейтенанта, разумеется. Сунул нос в уборную. Ужас.

Что удивило, так это отношение к личному оружию. Винтовки стоят в пирамидах прямо в центральном проходе. Оружие самое разное: трехлинейные образца 1891/30, СВТ образца 1938 и 1940 годов, короткие карабины Тульского оружейного завода, явно дореволюционного выпуска. И никаких цепочек через скобы спусковых крючков. Патроны тут же в пирамидах, доверяют, однако личному составу отцы-командиры. У нас же была оружейная комната под семью замками и со звуковой сигнализацией. Патроны в отдельном сейфе хранились. И все закрыто, опечатано и недоступно. Пристраиваю свою СВТ в ряду других, магазин забираю с собой.

Находим усатого старшину, который выдает нам по тощему матрасу, еще более тощей подушке и старому до дыр протертому одеялу.

– Средний комсостав располагается на другом этаже, – сообщает старшина Костромитину.

Но тот выражает желание остаться с нами. Старшина, пожав плечами, выделяет нам место для ночевки. А вот и преемственность традиций – некрашенные деревянные табуреты, стоящие в проходах между нарами. Сажусь на один из них и стягиваю сапоги. Двадцать два года прошло, а руки сами все сделали. Портянки на перекладины табурета, сапоги под него. На сиденье ложатся ремень, гимнастерка, шаровары, пилотка. Готово. Обернувшись, натываюсь на взгляд Костромитина, у него все уложено так же, только вместо пилотки сверху лежит командирская фуражка.

– Значит, в армии, говоришь, не служил, – не то спрашивает, не то утверждает лейтенант.

– Не служил, – подтверждаю я.

Команду «подъем» мы пытались проигнорировать, но нас поднимает на зарядку усатый старшина, оказывается, военно-бюрократическая машина уже сработала, и мы находимся в его списке. Костромитин он не трогает, но тот встает вместе с нами. На зарядку с голым торсом и пять кругов по плацу строим. С непривычки тяжело. Машем руками, отжимаемся и, наконец, возвращаемся в казарму. Утренний туалет прошел почти полностью на задержке дыхания, вонь жуткая и загажен он изрядно, а я себя не самым брезгливым человеком считаю. На завтрак

перловка с тем же маслом и кусок черного хлеба. Хлеб, кстати, весьма приличный, в отличие от всего остального. Предчувствую, что постоянное полуголодное состояние мне гарантировано. Недоедают здесь все, но почти все они и размерами помельче, а для меня это становится серьезной проблемой.

После завтрака следует утренний развод. Нас троих отправляют в полковые мастерские вместе с пушкой. В мастерских нас встречает командир с одной шпалой в петлице, как оказалось, военинженер третьего ранга. Первым делом обращает внимание не на пробитый накатник, а на ствол.

– Это что за художества?

Костромитин поясняет.

– Убрать!

И только после этого приступает к осмотру орудия. Если не считать накатника, то в остальном пушка исправна, а его нам меняют за три часа. Работают местные ремонтники не торопясь, от нашей помощи отказываются, видимо, работы у них не много. СТЗ тащит орудие обратно в парк, а там и обед подоспел. После посещения столовой чувство голода несколько притупляется, но не исчезает совсем. После обеда еще один развод, и мы отправляемся в парк. Проверка контрольного уровня, проверка уровней на платформах, проверка согласованности углов возвышения, проверка нулевых установок прицела, проверка нулевой линии прицеливания. Работа не сложная, но муторная, требует тщательности и внимания. Заканчиваем к вечернему построению, потом ужин и свободное время до отбоя.

Попав в казарму задолго до отбоя, начинаю приглядываться к ее порядкам и нахожу для себя немало интересного. Здесь нет дедовщины в нашем понимании этого слова. Нет, деление на новобранцев и старослужащих сохраняется, но оно не столь явно выражено, по крайней мере внешне. В бытовом отношении каждый обслуживает себя сам, молодые не стирают дедам портянки и не подшивают подворотнички. Скорее наоборот, это старослужащие берут шефство над молодыми, разясняя премудрости службы, не прибегая к подзатыльникам и зуботычинам. Сержанты не используют унижительных наказаний, а если и наказывают, то всех одинаково, и старых, и молодых. Может, открытый доступ к оружию и отсутствие дедовщины это вещи тесно взаимосвязанные. В такой казарме пресловутая дедовщина не приживается, точнее ее носители долго не живут.

Конечно, не все так благостно, если почти тысячу мужиков согнать в тесное, неустроенное помещение с большими бытовыми проблемами в рамки армейской дисциплины, кормить не досыта и заставлять выполнять грязную работу, к которой некоторые не привыкли, то конфликты между ними неизбежны. Но конфликты эти быстро гасятся либо младшими командирами, либо неформальными лидерами, которых выдвигает сама солдатская среда. Причем, в отличие от моего времени, лидеры это не пацаны с уголовными замашками, а красноармейцы старших возрастов, имеющие какое-никакое образование и жизненный опыт, к которым можно прийти за советом и которые могут решить вопрос «по совести», не доводя его до мордобоя. К тому же, как оказалось, Костромитин не единственный лейтенант, живущий на этом этаже. Я заметил еще двоих, старшего лейтенанта и лейтенанта, точнее воентехника, постепенно учусь замечать различия. А присутствие средних командиров всегда дисциплинирует, тем более что последний аргумент висит у них на поясе, а время-то военное и законы соответствующие.

Утром все повторяется: подъем, зарядка, умывание, завтрак, развод. Постепенно втягиваемся, даже голод как-то притупляется. Весь день лейтенант гоняет нас в качестве номеров расчета. Петрович тренируется в качестве заряжающего, досылая в пушку учебный снаряд, а потом вручную открывая замок. У лейтенанта эта операция получается легко и даже как-то небрежно. Подошел, хлопнул слегка по рукоятке, а затвор и открылся. Петрович синяк на правой руке набил, но все равно не получается у него так же. Я не выдерживаю.

– Петрович, брось дурью маяться. Это с виду легко, а на самом деле тут не однодневная тренировка нужна. Тебе сейчас надо затвор научиться открывать быстро и без выпендрежа. А этим фокусам потом научишься.

Меня лейтенант обучает установкам прицела, разъясняет, как устанавливать взрыватель осколочной гранаты для разных видов стрельбы. Тоже оказывается не так просто, спасибо за науку, лейтенант. Два дня все шло по накатанной колее, а на третий Костромитина вызвали в штаб полка. Вернулся он часа через два и сразу выдал новость:

– Будет формироваться новая батарея. Меня назначили командиром.

Я сориентировался первым.

– Поздравляю, товарищ лейтенант!

С этого момента все закрутилось. Будущей батарее выделяют свой пролет в казарме и каптерку, она же батарейная канцелярия. Начинает прибывать личный состав. Первыми появляются три лейтенанта – командиры взводов, все лейтенанты абсолютно новенькие – выпускники военных училищ этого года. Буквально через час к ним добавляется политрук, а еще через час старшина. Остальной личный состав пока представлен мной и Петровичем. Но уже на следующий день появляются сразу шесть сержантов – выпускники полковой школы. А затем в батарею начинают прибывать красноармейцы. Основных источников три: призванные из запаса, направленные из разбитых частей и выпускники полковой школы. Эти в основном идут в расчет ПУАЗО и дальномерщики.

Наконец боевое расписание батареи составлено, я официально становлюсь первым номером второго орудия второго огневого взвода. Командир взвода – лейтенант Дудок, какой-то он никакой, бесцветный. Посмотрим на него дальше. А вот с командиром орудия сержантом Филимоном Гмырей все стало ясно с самого начала. Природа отыгралась на нем за все сто лет алкоголизма его предков. Ростиком он едва перевалил за метр шестьдесят, плечики узкие, именно про таких говорят – соплей перешибить можно. Уши Филимона оттопырены, глаза близко посажены, кожа угреватая. С первого взгляда он мне не понравился, а я ему. И уже на следующий день Филимона иначе как Чмырей никто и не называл. О том, что такое чмо, здесь никто не знает, но сам негативный смысл такого прозвища поняли моментально. Чмыря свою кличку оправдывает на все сто, он оказывается туп как пробка и при этом хитер. Мое удивление, как он смог окончить полковую школу, разъясняют красноармейцы, учившиеся вместе с Чмырей. Все оказалось просто – он постукивал школьному политруку, а тот в свою очередь следил, чтобы школьные командиры не «обижали» его с отметками. Политрук хотел оставить Филимона при полковой школе, видимо, штатным стукачом. Но тут школьные командиры встали на дыбы, и это сокровище спихнули в нашу батарею.

В тот же день я отловил Костромитина в безлюдном месте.

– Лейтенант, ты на кой хрен этого уroda взял, да еще и командиром орудия поставил?

– А у меня выбор был? Мне его вместе со всеми сверху спустили. И куда мне его девать прикажете? Я его специально в твой расчет направил. При таком командире хоть наводчик должен быть нормальным, иначе орудие небоеспособно.

Значит, теперь я должен Чмырины ошибки исправлять и золотце это от залетов спасать? Вот уж попал так попал. А куда деваться? Сам свою дорогу выбрал. А документов я так и не получил. Оказывается, красноармейские книжки нам не положены. Выдали только смертный медальон, который я по понятным причинам заполнять не стал.

Еще я убедился, что старшина – хохол и политрук – еврей это не только стереотип позднего времени. Интересно, это черты национального характера соответствуют определенным профессиональным требованиям или выбранная профессия так формирует характер, что он становится типичным для национальности человека. Старшина Пилипец в двух словах – жмот и жлоб, у него летом прошлого года снега не выпросишь. Нет, то, что положено каждому, он выдал, не мог не выдать. Я, наконец, обзавелся нормальным солдатским котелком, алюминии-

евой ложкой и вещмешком, а вот бритва у нас с Петровичем пока одна на двоих. Бытовые же мелочи, такие как мыло, зубной порошок, иголки, нитки, подшивочный материал, у него хрен получишь. Экономим нитки и стираем подшиву, по понятиям Советской армии – позор, а здесь в порядке вещей. Хотел было я по поводу запасных магазинов к СВТ заикнуться, но не стал, понял – бесполезно.

Младший политрук Семен Лившиц – правоверный кандидат в члены ВКП(б). До войны успел окончить строительный техникум в Витебске и поработать строителем дорог и мостов. Причем не в конторе сидел, а именно работал непосредственно на объектах. Проникнувшись важностью своей профессии, хотел поступить в строительный институт, но его вызвали в военкомат и направили на годичные курсы политруков запаса. То есть готового воентехника отправили учиться на политрука, не иначе опять национальный стереотип сработал. Еще один интересный момент, звания курсантам присвоили авансом, в самом начале обучения. А потом гоняли новоиспеченных младших политруков с двумя кубарями в петлицах почище новобранцев. После курсов Семен собирался поехать в Ленинград и поступить-таки в институт, но оказался в Брянске на должности политрука батареи. Несмотря на наши поражения, он уверен, что война закончится еще до весны следующего года и через год он все-таки станет студентом. Политрук сразу проникся ко мне доверием, я ведь был воплощением его мечты – дипломированным инженером. Вот только вопросы его о ленинградской жизни и вступительных экзаменах в вузы мне были абсолютно ни к чему. Отговорился тем, что институт закончил давно и о современной системе вступительных экзаменов почти ничего не знаю.

Положение на Западном фронте мы отслеживаем по частям, прибывающим в наш полк. Вчера, например, прибыла часть прожекторного батальона из Витебска, те, кто успел уйти на юг. А пока мы получаем технику и приступаем к слаживанию расчетов. Окончательно становится ясно, что Чмыря ни на что, кроме ретрансляции команд взводного, не способен. Причем ретрансляция эта напоминает испорченный телефон, поэтому приходится постоянно контролировать команды Дудка, исправляя то, что ляпнул Чмыря. А тот злится, понимая, что командирский авторитет потерял напрочь, хотя он его никогда и не имел. Пытался Филимон отыгаться на расчете, но и тут его ожидал облом. Из полковой школы он вынес одно четкое правило: приказ командира – закон для подчиненного. Но в школе сержанты требовали в рамках устава, а об уставе Чмыря имеет весьма смутное представление. Точнее он знает, как выглядит устав, но о содержимом этой книги даже не догадывается. Поэтому взаимоотношения с подчиненными пытался построить в единственно знакомой ему системе: барин – крепостные. Знаю, что крепостное право отменили за шестьдесят лет до печальной даты рождения продолжателя рода Чмырей, но видимо, такая система уже намертво въелась в генетический код его предков и проявляется при первой же возможности. Поскольку взводный старательно не замечал складывающейся ситуации, то я пообщался с остальными сержантами батареи, и те сами провели с зарвавшимся Чмырей разъяснительную работу. Похоже, не обошлось без рукоприкладства, поскольку при целой морде общий вид у него был весьма помятый. После беседы наш командир притих, но я чувствую – затаился и ждет. Он бы и стуканул, но некому. Сема Лившиц стукачей вообще и Чмырю в частности на дух не переносит, взводному – бесполезно, Костромитину даже опасно, а до полкового комиссара ему не добраться.

Когда батарея начинает тренироваться в стрельбе с ПУАЗО, то выясняется, что этот прибор нагло врет. Боковое упреждение он выдает абсолютно правильное по величине, но противоположное по знаку. Расчет ПУАЗО обнаружил это случайно, и тут же встал вопрос: что делать? ПУАЗО – это прибор управления артиллерийским зенитным огнем, здоровенный зеленый ящик, набитый тонкой механикой и очень сложной электротехникой. С ним работает расчет аж из десяти человек. Этот прибор считывает данные со стереоскопического дальномера и двух визиров, а еще в него вводится куча всяких поправок, начиная от направления и скорости ветра, и до отклонения плотности воздуха от расчетной. ПУАЗО решает задачу встречи

снаряда с целью и выдает на орудия азимут, угол возвышения ствола и установку взрывателя. Стрелять без него, конечно, можно, но эффективность стрельбы в разы падает.

Костромитин побежал в штаб, но вернулся с пустыми руками, другого прибора на складе нет, и когда он поступит, было неизвестно. Командиры походили вокруг, но вскрыть прибор не рискнули, все опломбировано. В соответствии с теорией ошибок, если ошибка противоположная по знаку, то, скорее всего, где-то перепутали «плюс» и «минус». Одна маленькая ошибка – и целая батарея, считай, небоеспособна. На следующий день я подошел к командиру взвода управления, тот как раз стоял возле лживого ящика.

– Товарищ лейтенант, давайте вместе неисправность поищем.

Тот посмотрел на меня, сделал шаг вперед и решительно сорвал первую пломбу, я дернул за вторую. Целый день мы ползали по проводам этой смеси нескольких часовых механизмов с творением сумасшедшего электрика. Трижды все электрические цепи проверили, а прибор цинично продолжал врать. В запале я отошел от чертова ящика, так как опасался, что нервы сдадут и я просто тресну по нему кулаком посильнее, лейтенант продолжал ковыряться в схеме. Когда я вернулся к потрохам ПУАЗО, меня словно током ударило.

– Вот он!

Мой палец уперся в хитрый ролик, связанный со шкалой бокового упреждения. Его можно поставить так, как он стоит сейчас, а можно... Через десять минут прибор заработал, как надо, а я заработал репутацию человека, способного разобраться даже в ПУАЗО.

Прибор был выпущен в июне этого года, видимо, уже после начала войны. Рабочие, собиравшие его, поспешили, а военная приемка проморгала, и вот результат. Наконец-то приступаем к тренировкам по основному способу стрельбы. Моя задача – совмещать стрелки на принимающем приборе, сначала грубой наводки, потом точной. Дело, в принципе, не сложное, главное не обращать внимания на кратковременные броски стрелок и плавно вращать маховик горизонтальной наводки, быстро переключая скорости, если есть необходимость.

С левой стороны орудия тем же самым занимается четвертый номер – Паша Акишев, белобрысый архангелогородец. Перед ним такой же прибор, только он совмещает угол подъема ствола. Пятый номер вставляет снаряд в устройство, похожее на мясорубку, нажимает на кнопку и на два оборота поворачивает рукоятку привода. Готово. Патрон передают второму номеру – заряжающему, и он с лязгом досылает его в казенник орудия. После этого орудие разряжают, и все повторяется сначала. Вся система большого ума не требует, только тренировки, что соответствует уровню образования большинства советских граждан. У нас в расчете больше семилетки ни у кого нет, а заряжающий с установщиком только начальную школу закончили. В расчете ПУАЗО и дальномера народ, конечно, более грамотный, даже студенты недоучившиеся есть, но и работа у них более умственная. Но все это работает только при основном способе стрельбы. Когда дело доходит до стрельбы по танкам или приближающейся пехоте, то здесь особые требования предъявляются к командиру орудия и наводчику. Все данные для стрельбы определяют они, и работать они должны в тесной связке. А какая связка у нас с Чмырей? Не дай бог до прямой наводки дойдет. Только теперь я понимаю, как нам повезло на Днепре. С неполным и абсолютно неподготовленным расчетом, без бронебойных снарядов... Мало нам фрицы всыпали, одним пробитым накатником отделались. Допустим, я – дилетант, но Костромитин-то кадровый командир, а туда же полез.

Ладно, что-то я отвлекся.

– По самолету над первым!

– Темп десять!

– Огонь!

Это тренируются расчеты ПУАЗО и дальномера, только в воздухе ни одного самолета нет, ни нашего, ни немецкого. А я плавно вращаю маховик привода и совмещаю стрелки. Сначала грубой наводки, потом точной. Тяжело в учении.

Хрясь, ш-ш-ших, хрясь, ш-ш-ших. Опять копаем. Лопата с трудом втыкается в суглинок. Не могли почву помягче выбрать. Хрясь, ш-ш-ших. На этот раз по полной программе – пять с половиной метров в диаметре и метр в глубину, огневая позиция орудия СЗА. Копают все, расчеты орудий, расчеты ПУАЗО и дальномера. Прибористам проще, объем земляных работ на человека у них в разы меньше. В расчете ПУАЗО одиннадцать морд, вместе с сержантом, а окопчик у них всего четыре на три, правда, в глубину полтора метра. Когда прибористы заканчивают, Костромитин восстанавливает справедливость и отправляет их на помощь орудийным расчетам. Копают все. Чмыря пытался отлынивать, осуществляя общее техническое руководство, но комбат загнал его ко всем в яму. Но и в яме толку от него немного, быстро выдыхается и норовит устроить перекур.

На новом месте мы обустроиваемся всерьез и надолго. Батарею вывели на южную окраину города, огневая позиция находится в двух километрах от железнодорожного узла, который мы должны прикрывать. Заодно прикрываем и железнодорожный мост через речку Свень. Немцы днем пока не летают, только ночью, да и то не каждую. Рядом с нами разворачивается прожекторная установка из Витебского батальона. А вчера в полк прибыли остатки отдельного артиллерийского дивизиона из армии, оборонявшей Могилев, этот город наши оставили три дня назад. Хрясь, ш-ш-ших, хрясь, ш-ш-ших.

Вся тяга батареи это СТЗ Петровича. Он по одной таскает на позиции пушки, привозит приборы управления огнем и снаряды. Едва успели отгоризонтировать орудие на позиции, как к нам подъезжает трактор со снарядами.

– Принимай боезапас.

– Петрович, лучше бы ты пожрать привез, – приветствую я приятеля.

Между тем тракторист подходит к пушке и решительно начинает восстанавливать свои художества. Чмыря попытался что-то вякнуть, но Петрович пообещал ему вылить краску на бестолковую голову, если еще раз что-нибудь вякнет под руку. Поясняю расчету значение звездочек на стволе. Расчет одобрительно гудит, и мы начинаем разгружать снаряды.

– Заградительным!

– Заградительным! – дублирует команду Чмыря.

– Азимут пятнадцать десять!

– Азимут пятнадцать десять! – вопит наш командир.

Я кручу маховик горизонтальной наводки.

– Взрыватель девяносто четыре!

Чмыря старательно повторяет команду, но я бросаю установщику:

– На два меньше.

Номер нашего орудия – четыре, наш снаряд должен взорваться в самой нижней точке зоны заградительного огня, поэтому и взрыватель устанавливается на два меньше скомандованного комбатом.

– Угол возвышения семь десять!

– Угол возвышения семь десять! – опять включается наш ретранслятор.

На этот раз свой маховик вращает Паша.

– Шесть семьдесят, – напоминаю я ему.

– Помню, – откликается четвертый номер.

– Шкала три!

– Шкала три!

Уж лучше бы промолчал, я поворачиваю маховик на два оборота вправо. Лязгает затвор.

– Готово! – четырехкратным эхом проносится по батарее.

– Огонь! – командует Костромитин.

– Огонь! – дублируют команду сержанты.

Г-г-г-гах! Глушит расчеты батарейный залп.

– Откат нормальный, – докладывает третий номер.

Лязг затвора.

– Готово!

Я без Чмыриного напоминания поворачиваю маховик на один оборот влево.

– Огонь!

Так и есть, опять забыл указать поправку, придурок. Вот так и стреляем. Батарея дает пять залпов и переносит огонь в следующую зону. Палим даже не в белый свет, а в черную ночь. Где-то над нами гудят немецкие бомбардировщики, но мы, оглохшие от выстрелов, их не слышим. И не видим. Шарящие по небу лучи прожекторов иногда захватывают крестик немецкого самолета, но пока специально выделенная батарея переносит огонь на подсвеченную цель, она успевает выскользнуть из луча в спасительную тьму. На моей памяти всего пару раз удавалось обстрелять попавшийся прожектористам самолет, но оба раза безрезультатно. Начальство утверждает, что мы кого-то все-таки сбили, но я в это не верю. Это они нам говорят для поддержания боевого духа.

Каждую ночь батарея дает тридцать-пятьдесят залпов, но немецкие бомбардировщики все равно прорываются к станции и подвешивают над ней «люстры». По этим «люстрам» яростно лупит МЗА. В отличие от нас, они попадают чаще и успевают погасить, по крайней мере, часть подсветки. Потом из темноты на станцию сыплются бомбы. К счастью, самой станции достается немного, гораздо больше приходится на жилые кварталы вокруг. Станция забита войсками, эшелоны прибывают и днем и ночью, поэтому даже несколько бомб, упавших на ее территорию, приводят к серьезным жертвам. А мы палим, палим, почти каждую ночь палим, но все без толку.

В верхах произошли перемены. Теперь мы запасной зенитный артиллерийский полк Брянского фронта. Нашу батарею, которую изначально планировали включить в один из отдельных дивизионов армейского подчинения, оставляют в системе ПВО железнодорожного узла Брянска. Мы понемногу обживаемся на новом месте. Вырыли в твердом суглинке землянки, соорудили в них нары. Воду берем из колонки городского водопровода, три раза в день из полка приезжает полевая кухня, да трактор Петровича привозит снаряды, пополняя израсходованный за ночь боекомплект. Раз в неделю – баня. Словом, служить можно, если бы не ночной образ жизни. Казалось бы, жизнь пошла по накатанной колее, но тут я вляпался в дермо, в прямом и переносном смысле.

Для нужд красноармейцев в полусотне метров от огневой позиции был построен освежитель типа «сортир». Пользовались им все, а раз это сооружение было общим, то за него никто конкретно не отвечал, ну и загадили, естественно. Когда старшина Пилипец, продолжавший обитать в расположении полка, где у него была батарейная каптерка, прибыл в расположение батареи и решил «освежиться», то возмущению его от состояния места общего пользования не было предела. Первым, кто подвернулся под его горячую руку, оказался наш Чмыря. Уяснив причину начальственного гнева, он тут же мобилизовал на ее устранение самого образованного номера расчета, то есть меня.

Задача оказалась не самой простой. Продукты жизнедеятельности командирских и красноармейских организмов успели засохнуть до каменной твердости. Я попробовал пустить в ход лопату, но в тесной будке орудовать ей практически невозможно. Тогда на помощь пришло инженерное мышление. Я сбил с топорича наш орудейный топор, привязал его к короткой палке и начал орудовать им, приговаривая:

– Зенитчики хреновы, по самолетам палят, а в очко с двадцати сантиметров попасть не могут.

Дело пошло, и конец был невероятно близок, но тут топор сорвался с палки и, булькнув, исчез в глубине наполненной фекалиями ямы. Приплыли. Все варианты достать его я отмел

как неосуществимые и понадеялся, что Чмыря о топоре вспомнит нескоро. Зря надеялся. Как только я появился в землянке, на меня набросился Чмыря:

- Где топор?
- Утонул.
- Как утонул?
- Обыкновенно, как все топоры тонут, бульк, и все.
- Так ты его в говне утопил?
- Ну да.
- Доставай!
- Как? Нырять мне за ним, что ли?
- Ныряй! Ныряй, я тебе приказываю, ныряй!
- Да пошел ты!.. – я тоже перехожу на повышенный тон.
- Так ты отказываешься выполнить приказ младшего командира?
- Я отказываюсь выполнить твой дурацкий приказ.

Тут на мое счастье пожаловало батареиное начальство, привлеченное Чмыриными воплями. Выслушав его жалобы на мое неподчинение, Костромитин вынес вердикт:

- Сам дурак, и приказ твой дурацкий. Я его отменяю. Все, закрыли эту тему.

Я тоже на это понадеялся, как оказалось, зря. Через день за мной пришли. Уже через час я оказался перед полковым особистом со знаками различия старшего политрука. Тот начал с того, что отобрал у меня ремень. Потом придвинул бланк протокола допроса и начал задавать стандартные вопросы. Фамилия, имя, отчество? Год и место рождения? Гражданство? Партийность? Происхождение? Закончив с преамбулой, переходит к сути дела:

– Сержантом Гмырей написан рапорт о том, что двадцать третьего августа сего года вы отказались выполнить приказ своего непосредственного командира...

- Нырнуть в дерьмо, – продолжаю я, – а сам приказ был отменен командиром батареи.

– Молча-ать! – политрук грохает кулаком по столу. – С Костромитиным мы еще разберемся, а ты за свои дела ответишь!

Да-а, тяжелый случай. Вспышка гнева была явно наигранной, но вот упоминание фамилии комбата мне резко не понравилось. Судя по всему, он не просто меня посадить решил, ему нужно дело, точнее дело за номером таким-то. И одного красноармейца для этого мало, ему еще надо и покрывающего преступника комбата прицепом пустить. Сейчас из меня признание выбьет и начнет выдавливать показания на комбата, сволочь. Между тем особист продолжает спокойным голосом, типа уже смирил свой гнев праведный:

– В деле имеются свидетельские показания номеров расчета, подтверждающие рапорт сержанта Гмыри.

А вот это уже интересно, ни вчера, ни сегодня никто из расчета с позиции батареи не уходил. Значит, нажать на кого-либо особист не мог. Выходит, или кто-то по велению сердца меня сдал, или он меня на понт берет.

- Итак, вы признаетесь в неисполнении приказа своего непосредственного командира?

Внезапно я успокаиваюсь, и мне становится даже смешно. Этот старший политрук мне представляется навозным жуком, копошащимся в том дерьме, куда я отказался нырять. А он от этого даже удовольствие испытывает, просто упивается своей властью и могуществом. Вот и сейчас может просто меня отпустить, а может дело расстрельное состряпать. Тоже мне, повелитель людских судеб, козел.

- Да, признаюсь, не выполнил приказ.

Особист удивлен, он приготовился меня ломать, грозить, уговаривать, а вдруг раз, и признался. Спыхватившись, хватается за ручку и начинает интенсивно писать в протоколе.

- Есть только одно обстоятельство, – продолжаю я тихим голосом.

- Какое? – политрук даже не отрывается от своей писанины.

– Я еще присягу не принял.

– Ну и что? – и тут же подпрыгивает. – То есть как это не принял?

Начинает лихорадочно рыться в своих бумажках, но нужной не находит. Я его понимаю, все усилия напрасно потрачены, дело на глазах разваливается. Впивается в меня горящим взглядом, я держу морду ящиком.

– Ты почему до сих пор присягу не принял?

– Не ко мне вопрос, этим начальство должно заниматься.

Политрук сгребает все бумаги в папку.

– Петров!

В дверь кабинета вваливается красноармеец с винтовкой, почти не уступающий мне габаритами. И почему такие мордатые вечно при штабе ошиваются, а тяжеленные ящики со снарядами приходится носить почти доходягам.

– Охраняй арестованного!

И пулей вылетает в коридор. Ждать пришлось долго, почти два часа. Как только особист нарисовался на пороге, я сразу понял – не срослось. Политрук плюхается за свой стол и швыряет мне ремень.

– Свободен.

Очень хочется хлопнуть дверью, но я аккуратно закрываю ее за собой. В коридоре меня уже ждут Костромитин с Лившицем. Они и рассказывают мне, что произошло, когда я сидел в кабинете. Оказывается, они примчались в штаб полка буквально через несколько минут после того, как сюда доставили меня. К особисту их не пустили, тогда они пошли к командиру полка, а через десять минут в кабинет влетел особист. Он долго вопил, брызгал слюной, но сделать ничего не смог. В конце концов, все увязли в юридических вопросах. Но комбат и политрук, подкрепленные авторитетом командира полка, твердо стояли на своем: гражданин, не принявший присягу, военнослужащим не является. И, следовательно, воинского преступления совершить не может. Особист потребовал наказания комбата за неприведение к присяге, и с этим пришлось согласиться. Костромитину вlepили выговор.

– Ну, что? Пора возвращаться в батарею, – предложил лейтенант.

– Нам – пора, а товарищу политруку надо бы задержаться.

– Зачем? – удивился Лившиц.

– А затем, что особист нам это дело просто так не спустит.

– Не спустит, – согласился Костромитин, – и что ты предлагаешь?

– Самая лучшая защита это нападение. Красный командир приказывает красноармейцу нырнуть в дерьмо, да еще и в такое тяжелое время, когда наша страна истекает кровью под натиском фашистов. Чуете, чем пахнет?

– Чем? – не понимает Лившиц.

– Политикой! Ведь какие аналогии просматриваются. И так сидим по самые уши, а тут еще сержант Гмыря красноармейцев в дерьмо макает. Особист же, вместо того чтобы одернуть мерзавца, красноармейцу дело шьет. Карьерист, понимаешь, не улавливает политического момента. Поэтому, товарищ политрук, идите к комиссару полка, тем более что он еще не в курсе, и пишите, пишите рапорт на обоих, и на Гмырю, и на особиста.

– Думаешь, рапорту дадут ход? – сомневается комбат.

– Конечно, нет. Ссориться с органами полковое начальство не будет, но особист в полку шустрый, поручиться готов, он на них уже материалчик собирает. И они это знают, только ответить им пока нечем, а твой рапорт особиста бьет ниже пояса. Непонимание текущего политического момента в данном случае хуже преступления.

– Правильно, – соглашается Костромитин, – иди к комиссару и пиши.

– Да неудобно как-то, – сомневается политрук.

– Неудобно во время боевой тревоги штаны через голову надевать, – влезаю я.

– Надо, Сема, надо, – Костромитин подталкивает политрука в направлении комиссарского кабинета. – Да, и требуй Чмырину голову по комсомольской линии. Остальная агентура увидит, как он их сдает, и впредь осторожнее будет.

Молодец лейтенант, быстро все понял, и про комсомольскую линию здорово придумал, мне этот момент даже в голову не пришел.

Эффект растянутого времени я наблюдал, когда появился в землянке. Чмыри не было, но все остальные замерли с открытыми ртами, похоже, не ждали. Я прошел мимо этих манекенов, взял из пирамиды свою СВТ, тут же примкнул полный магазин и вышел обратно. Весь расчет высыпал вслед за мной, решили, что я пошел убивать стукача. Ошиблись, я пошел к комбату.

– Товарищ лейтенант, разрешите пристрелять личное оружие!

– Разрешаю. Десять штук тебе хватит? Возьмешь у старшины.

– Так точно!

– Только без глупостей, – понижает голос Костромитин.

– Есть без глупостей, – также негромко отвечаю я.

До завтра я ждать не намерен. В качестве мишени использую широкую доску, а в качестве пулеуловителя – железнодорожную насыпь. Отмеряю сто метров и делаю пять выстрелов. Отдача почти не чувствуется, я ожидал большего. Автоматика работает очень мягко, даже успеваешь ощутить крайние положения отката-наката. Теперь понятно, почему у нее были проблемы со стрельбой в зимнее время – нет запаса энергии затвора. Результат стрельбы обрадовал, все дырки можно закрыть чайным блюдцем, разброс равномерный. То есть всю работу по пристрелке прежний хозяин сделал за меня, а я даже не мог похоронить его. Повторяю серию, результат даже чуть лучше. Возвращаюсь в землянку и чищу оружие. Чмыря рискнул появиться только на вечернем построении, где много народа и в строй встают без оружия. На следующий день я принимаю присягу и становлюсь полноправным красноармейцем, и полнообязанным тоже. Теперь я везде хожу с винтовкой, даже в злополучный туалет. Вся батарея уверена, что я проверил работу капризной самозарядки и теперь только жду подходящего момента. Время от времени я бросаю на Чмырю плотоядные взгляды, как бы прикидывая, куда лучше вогнать пулю. Сержант из последних сил храбрится, даже пробует носить с собой свою винтовку. Но его трехлинейка всего на тридцать сантиметров короче его самого. Когда она висит у Чмыри на плече, то почти задевает прикладом землю.

Возмездие настигло Чмырю с другой стороны. Через два дня комсомольское собрание батареи рассмотрело личное дело сержанта Гмыри и единогласно исключило его из рядов ВЛКСМ. А на следующий день в батарее был зачитан приказ о разжаловании Гмыри. Костромитин лично выдрал сержантские треугольники из его петлиц. В тот же день страдалец исчез из батареи. Даже не представляю, куда смогли спихнуть это чудо. В тот же вечер ко мне подошел Костромитин, не вызвал к себе, а сам пришел!

– Принимай орудие.

– А наводчик?

– Пока обойдетесь, потом, может, пришлют.

– А как...

– Как до сих пор стреляли, так и стреляйте, а то я не знаю, чьи команды расчет выполняет.

В конце августа у нас изымают стрелковое оружие. В батарее оставляют по одной винтовке на расчет. Моя СВТ без штыка и запасных магазинов никого не заинтересовала, а у Петровича отобрали выданный в полку карабин.

В сентябре похолодало и нам выдали шинели. Начались дневные налеты, теперь мы стреляем и днем и ночью. Стреляем с ПУАЗО, стреляем заградительным. Недавно соседняя батарея сбила немецкий бомбардировщик. Я продолжал совмещать стрелки, и даже не мог взглянуть в небо, только слушал комментарии тех, кто мог поднять голову. Даже не верится, что

наш огонь может давать хоть какой-то эффект. До сих пор мне казалось, что мы бесцельно засеиваем небо вспышками разрывов.

В начале октября погода испортилась, начались дожди. Налеты стали редкостью, низкая облачность прижала вражескую авиацию к земле. Скоро немцы начнут наступление на Москву, но точной даты я не помню. И нет никакой возможности избежать этого удара судьбы. Остается только ждать и надеяться. Ждать, надеяться и стрелять, стрелять днем и ночью, стрелять с ПУАЗО и заградительным. Дырявить низкие серые тучи осколочными гранатами, в глубине души надеясь все-таки попасть. Ну хоть один раз попасть.

Глава 4

Ту-дух – ту-дух, ту-дух – ту-дух, мерно постукивали на стыках колеса поезда. Перед глазами маячила верхняя полка, а за окном солнце разгоняло предрассветную мглу. Неужто мне все это приснилось? Я потянулся к столику, чтобы нащарить часы и посмотреть время.

– Танки! Танки слева!

Целую секунду не мог понять, это я все еще сплю или уже нет. В следующую секунду я уже вбивал ноги в сапоги, затем, подхватив ремень, бросился к орудию. Все уже знали, что южнее началось немецкое наступление, и только мне было известно, чем оно закончится. Но даже я не ждал Гудериана в Брянске так быстро. Сегодня дежурил первый взвод, а мы отсыпались после ночных стрельб. Два орудия первого взвода уже опустили стволы и сейчас нащупывали цель на юге. А наши, мало того что торчали вверх, так еще и были затянуты маскировочной сеткой. Наконец мы сдернули сетку со ствола, и я плюхнулся на сиденье, больно ушибив колено.

Гах! Гах! Ударил первый взвод, когда я уже разворачивал орудие, секундой позже ствол пошел вниз, Паша уже занял свое место. Немецкие танки вышли из леса на южном берегу Свени и сейчас рвались вперед, стремясь укрыться за железнодорожной насыпью. Гах! Гах! Бьет первый взвод. Гах! Это уже первое орудие нашего взвода. А я стрелять не могу, пушка из первого взвода закрывает мне цель. Позиция батареи не предусматривала ведения огня по наземной цели на противоположном берегу речки. Гах! Гах! И после небольшой паузы еще раз. Гах! Из-за закрывающей обзор пушки появляется небольшой дымок. Но это он с полутора километров небольшой, кого-то наши подожгли.

– Прекратить огонь! – командует Костромитин.

Немцы проскочили простреливаемую зону и укрылись за насыпью. К нашей позиции подходит комбат, бросает взгляд на противоположный берег и обращается ко мне:

– Знаешь, что они сейчас сделают?

– Знаю. Подтянут артиллерию и раскатают нас, как на блюминге.

Наши зенитки стоят на открытой позиции, и гаубичная батарея немцев подавит нас за несколько минут.

– Поэтому бери Петровича, цепляй пушку, грузи приборы и уходи. Стрелять ты все равно не можешь. Взвод управления я отправляю пешим порядком, а ты с собой возьми кого-нибудь из расчета.

Вообще-то, в соответствии с уставом, взвод управления должен занять позицию для отражения атаки пехоты, но у них всего две винтовки на два десятка человек и открыть окопы тоже никто не догадался. Поэтому толку от них в обороне никакого, а лейтенант решил просто спасти обученных людей.

– Но...

– Никаких но, – обрывает меня лейтенант. – Это приказ, и ты получишь его в письменном виде. Все, кончай дискуссию, нас в любой момент накрыть могут.

Я понимаю, что спорить бесполезно. Приказ Костромитина уже разделил батарею на нас, еще условно живых, и остальных, уже практически мертвых. Теперь мне предстоит сделать свой выбор. Из пяти оставшихся номеров расчета я могу взять только одного, остальных лейтенант оставляет в качестве резерва для расчетов других орудий. И времени на раздумья нет.

– Акишев, собирайся. Орудие в походное положение.

Мне тоже надо собраться. Первым делом перематываю портянки, запихиваю в «сидор» свой немудреный скарб, хватаю шинель, СВТ и выскакиваю из землянки. Пушку уже цепляют к СТЗ, около трактора меня уже ждет Костромитин с листком бумаги.

– Вот тебе приказ на эвакуацию особо ценного имущества батареи.

Я пробегаю по бумаге глазами.

– Вся ясно?

– Так точно!

– Выполняй.

– Есть.

Подгоняем трактор к окопам взвода управления, грузим ПУАЗО и дальномер. Замечаю в кузове четыре зеленых ящика и пару больших бидонов. Опыт путешествия по полесским дорогам Петрович учел в полной мере.

– Паша, давай в кабину.

Кабина у СТЗ крохотная, сильно сомневаюсь, что влезу в нее. Да и путешествие в скрюченном положении почти на двигателе мне не по вкусу. Зато там тепло и сухо, но я выбираю кузов. Тут мне приходит в голову одна мысль, и я возвращаюсь на огневые позиции. Расчеты лихорадочно углубляют щели.

– Товарищ лейтенант!

– Ты еще здесь?

– Возьмите.

Я протягиваю Костромитину винтовку.

– Отставить. Еще не известно, кому она больше нужна будет. Все, в трактор, бегом марш.

СТЗ нетерпеливо стреляет выхлопом. Переваливаюсь через борт кузова и стучу по кабине:

– Поехали!

Скрежещет передача, трактор дергается с места. Поехали. Мы почти успели добраться до первых домов, когда за позицией батареи взрывается первый снаряд. Второй ложится недолетом, а потом позиция исчезает в пыли, дыму и вспышках разрывов. Грохот взрывов перекрывает шум мотора. Даже отсюда это выглядит страшно, представляю, какой ад творится там. За нами бегут два десятка человек – взвод управления. Этим тоже повезло, задержались бы еще на лишние пять минут, попали бы под раздачу. СТЗ выскакивает на окраинную улицу, и батарея исчезает за домами, даже грохот взрывов стихает.

Трактор петляет по улицам Брянска, пробираясь к Орловскому шоссе. За два месяца Петрович успел неплохо изучить город, но сейчас основные улицы заполнены гражданскими и военными из многочисленных тыловых частей Брянского фронта. Едва мы выскакиваем на финишную прямую, и трактор набирает скорость, как из встречной полуторки выскакивает капитан и становится на пути.

– Куда прешь? В Карачеве уже немцы!

СТЗ опять ныряет в лабиринт брянских улиц, и минут через двадцать мы оказываемся на шоссе, ведущем к Фокино. По этому же шоссе движется колонна, состоящая из беженцев и отступающих тыловиков. Расталкивая людей, медленно пробираются «эмки», полуторки, ЗиСы, лязгает гусеницами наш трактор. Кроме нашей пушки, другой боевой техники не видно. Дальше на север это шоссе уже перехвачено немцами в районе Спас-Деменска и Кирова. Мы

поворачиваем направо, в глубину Брянских лесов, надеясь добраться до Киевского шоссе по лесным дорогам.

Ночуем в какой-то убогой деревеньке. Народу в избе набилось сверх всякой меры, люди спят вповалку, некоторым не хватило места, чтобы лечь, и они спят сидя. Воздух в избе застоявшийся, тяжелый, зато сухо. Утром узнаю от пехотинцев, что город смогли удерживать до вечера. Батарея встретила колонну немецких танков и мотопехоты, обошедшую нашу оборону по лесной дороге со стороны Свени. Немцы ворвались в город и увязли в уличных боях. Советское командование планировало удержать город, но к вечеру со стороны Карачева подошла еще одна танковая колонна немцев, и наша оборона рухнула, был отдан приказ оставить город. Сержант пехотинец сказал, что видел зенитную часть, уходившую из города, но это точно не наша батарея, единственный батарейный трактор с нами.

Сверху вода, снизу грязь. Моросит дождь, мелкий, холодный и противный. Я забрался под брезент ПУАЗО и стучу зубами от холода, шинель отсырела и греет плохо. А отсырела она потому, что в самых гиблых местах приходится вылезать под дождь, рубить ветки и подкладывать их под гусеницы, СТЗ ревет мотором, гусеницы месят грязь и ни с места. Сцепление траков с этой жижей никакое, и трактор только месит ее. Если бы бросить пушку, то дело пошло быстрее, пять тонн орудия как якорем держат трактор в грязи, но мысли об этом я старательно прогоняю, и мы опять рубим ветки и толкаем их под гусеницы. Трактор выползает из очередного гиблого места, чтобы через пару сотен метров увязнуть в другом. Иногда нам помогают идущие по той же дороге пехотинцы, но это случается нечасто. Им еще тяжелее, чем нам. Мы еще можем отдохнуть, пока трактор везет нас, а у них грязь пудовыми комьями налипает на сапоги, люди с трудом передвигают ноги, скользят и падают в проклятую грязь. Наш марш по Белоруссии теперь воспринимается как легкий приятный вояж. Война превратилась в дорожную. Дерутся за шоссе, за мосты, за перекрестки, за железные дороги, а буквально в нескольких километрах по лесным дорогам идут тысячи людей. И не только люди, идут машины, трактора, даже танки.

В одном месте сели намертво, пришлось спилить дерево и, обмотав его буксировочным тросом, цеплять к гусеницам.

– Давай!

СТЗ плюется вонючим выхлопом и медленно выползает из огромной лужи, подминая под себя бревно. Когда оно выползает из-под гусениц трактора, я ору:

– Стой!

Трактор замирает, мы отцепляем пожеванное траками бревно, переносим вперед и опять цепляем его. На этот раз продвижения трактора хватило для того, чтобы зацепиться за грунт и выдернуть из грязи пушку. СТЗ в грязи по самую крышу, пушка полностью заляпана грязью, мы тоже. Когда впереди замаячило Киевское шоссе, радости нашей не было предела. Но длилась наша радость буквально десять километров. Выясняется, что наши уже сдали Сухиничи, и мы опять попадаем в грязные объятия российских дорог. Начинаем испытывать трудности с горючим, запасы Петровича позволили продержаться два дня. Пару раз сливали бензин с брошенных машин, один раз удалось заправиться на сельской МТС. Начались проблемы с продовольствием, все идут голодные, грязные и злые.

Двенадцатого октября пошел первый снег. Снег быстро сменился дождем и также быстро растаял, напомнив о неизбежном приходе зимы. Среди отступающих начала проявляться хоть какая-то организованность, теперь мы движемся на восток в составе колонны тыловых частей пятидесятой армии. Хоть мы и оказались прибудными, но нас стали подкармливать, и даже выделили полсотни литров керосина. Тринадцатого почти весь день стоим. Где-то впереди идет бой, канонада глушится лесом и едва слышна, но мы понимаем, что сейчас решается наша судьба. Утром следующего дня начинаем движение на северо-восток. Канонада постепенно удаляется, а потом и совсем стихает. Видимо, прямо на восток пробиться не удалось. Сейчас

нам предстоит форсировать реку. Мост на дороге разрушен – то ли наши постарались, то ли немцы. Скорее всего, наши. Впрочем, мост, грузоподъемностью в две телеги, наш трактор и так не выдержал бы. Речка так себе, но от осенних дождей поднялась, наш берег болотистый, противоположный обрывистый. Всего полметра обрывчик, но все же.

Хватаю первое, что попадает под руку – лопату, и иду мерить глубину. Полы шинели погружаются в воду, вода льется за голенища сапог.

– Около полуметра, – выливая воду из сапога, инструктирую Петровича. – Дно вязкое, возьми метров на семь-восемь левее, там вроде берег пониже, а мы его сейчас подкопаем.

Зря воду выливал, мы с Пашей опять лезем в воду и лопатами срываем землю с берега. СТЗ осторожно, словно боясь замочить гусеницы в ледяной воде, вползает в реку, доходит до берега и бессильно месит гусеницами воду. Приехали. Мы подкапываем берег, Петрович газует, трактор дергается вперед, скользит и бессильно сползает обратно. Рядом с нами еще медленнее пытается форсировать речку короткий и высокий трактор с открытой кабиной. На радиаторе надпись «Сталинец», на прицепе здоровенная пушка, похоже корпусная А-19. Трактор доходит до берега и также не может на него забраться, тяжелое орудие не пускает.

– Петрович, у тебя еще один трос есть?

– Есть.

– Длинный?

– Метров двадцать будет.

– Отцепляй пушку.

– Да ты что...

– Отцепляй, говорю, вытащим мы ее.

Пока Петрович с Пашей отцепляют орудие, я продолжаю работать лопатой.

– Готово, – докладывает механик.

– Давай вперед и вон к той березе, – указываю на дерево в десяти метрах от берега.

На этот раз СТЗ, лишенный тормозящего прицепа, выскакивает на берег с первой попытки. Половина дела сделана. Буксировочный трос цепляю за передний крюк, обвожу вокруг березы и опять цепляю к крюку. Артиллеристы ожесточенно вгрызаются лопатами в берег перед огромным радиатором своего «Сталинца».

– Давай потихоньку назад.

СТЗ пятится к реке, но через пару метров трос натягивается, и гусеницы начинают скользить. Надеюсь, что для задуманной операции прочности у этой березы хватит. Более толстого дерева в округе нет.

– Стой! Снимай правую гусеницу с ведущего колеса.

Пока Петрович и Паша возятся с гусеницей, я протаскиваю трос через прицепное устройство пушки и делаю на концах две петли. Вожусь с ними минут пятнадцать, но сейчас все зависит от их прочности. Одну петлю на задний крюк, вторую цепляю за зуб ведущего колеса, получается примитивный полиспаг.

– Петрович, вперед помалу.

Механик включает правый фрикцион, и трос медленно наматывается на колесо, как на барабан. Пока пушка ползет по дну, все идет нормально, но когда она подтягивается к берегу, трос натягивается как струна, и... передний ход прыжком оказывается на берегу, задний выходит проще.

– Врубай заднюю.

Я начинаю сматывать трос с колеса, но тут к нам подбегает лейтенант артиллерист.

– Братцы, зенитчики, не бросайте! Мы же ее, считай, от самого Бреста тащим! Выручайте!

Я смотрю на механика.

– Ну, если трос выдержит... – бурчит Петрович.

На этот раз просто цепляем трос за колесо, пойти на прежний вариант длина не позволяет. Поехали. Дизель «Сталинца» ревет, береза трещит, трос вибрирует и со звонким щелчком рвется, хлестнув по кузову СТЗ. Но «Сталинец» успел-таки перевалить через мертвую точку, доворачивает вправо и выдергивает сначала передок, а потом и саму пушку. Лейтенант подходит к Петровичу. Вижу, как он устал, даже на эмоции сил у него нет. Он молча жмет руку сначала механику, потом мне и возвращается к своему трактору. Расчет облепляет пушку, причем вижу, что расчет явно неполный.

– Хороший был трос, – ворчит Петрович, собирая куски.

Может еще пригодиться. Интересно, если бы пережил такое купание в своем времени, уже бы лежал в мягкой кровати с градусником и пил теплое молочко с медом. А здесь только вылил воду из сапог, портянки отжал и вперед. И ведь никакая зараза не берет.

Через неделю мы вместе с частями пятидесятой армии вышли к Белеву и переправились на правый берег Оки. Наконец-то смогли хоть немного обогреться, обсушиться и очистить грязь. Наши оставили Мценск, но еще удерживают рубеж на реке Зуше. Похоже, немецкое наступление подвыдохлось. Они тоже не железные роботы, правда, в грязи они купались меньше нас, больше передвигаясь по хорошим дорогам. Двадцать четвертого октября нас грузят в железнодорожный эшелон на станции Арсеньево, и мы едем в Елец, куда уже были отправлены остатки нашего полка. Эшелон ползет не торопясь, подолгу стоит на станциях. Во время стоянок мы бегаем за кипятком, чтобы согреться. Температура чуть выше нуля, над землей висят низкие серые тучи, временами заряжает дождь. Зато облачность не дает разгуляться немецкой авиации, и мы благополучно достигаем цели нашего путешествия через двое суток.

Старый купеческий Елец встретил нас разбомбленным железнодорожным узлом и мелким серым дождичком. Тем не менее станция продолжает работать. Воронки на основных путях засыпаны, рельсы восстановлены. Маневровый паровозик шустро загалкивает несколько платформ с техникой в тупик. СТЗ и орудие выгружали уже в темноте и чуть не перевернули, но обошлось. У военного коменданта станции узнаем, где находится наш полк, и получаем пропуск. Наш трактор, разгоняя темноту тусклым светом фар, а тишину лязгом гусениц, неторопливо ползет по старинным узким улочкам, едва вписываясь в повороты. Патрули несколько раз проверяли у нас пропуск, город находится на военном положении и в нем действует комендантский час. У патрульных же узнавали дорогу и добрались довольно быстро. В расположение полка прибыли уже после отбоя, когда из командиров на месте был только дежурный лейтенант. Да и полка как такового тоже не было. В приспособленном под казарму здании находилось сотни две красноармейцев и командиров, во дворе стояло несколько пушек, в основном тридцатисемимиллиметровых, а также грузовики и еще один СТЗ.

По сравнению с елецкой брянская казарма была верхом комфорта. Ни о каких матрасах речи не шло, все спали на голых досках. Вместо подушки – вещмешок, вместо одеяла шинель. Холод собачий, центральное отопление не работает, печей в здании нет. Утром меня растолкал Паша, сказал, что если я не встану, то точно просплю завтрак. Упоминание о еде произвело волшебное действие, и я выполз из-под шинели. По-моему, нигде так мерзко не кормят, как в запасных полках. Еды мало, но даже то, что дают, на вид выглядит отвратительно, а на вкус лучше не пробовать. Но голод не тетка, ничего, сожрал, и добавки бы попросил, да просить бесполезно.

После завтрака на нас натывается командир с двумя шпалами в петлицах. Некогда гладкая морда посерела и осунулась, из окружения выходил вместе со всеми.

– Кто такие?

Я объясняю. Протягиваю майору бумажку с приказом Костромитина. Тот внимательно читает.

– ПУАЗО и дальномер с вами?

– В кузове, товарищ майор.

Командир заметно веселеет.

– Благодарю за спасение ценного военного имущества и добросовестное выполнение приказа командования.

– Служим трудовому народу! – вразнобой отвечаем мы.

– Приборы сдайте капитану Анисимову и займитесь регламентом орудия и трактора. Завтра решим, куда вас направить.

– Есть, товарищ майор! А как же проверка?

– Шустрый какой! Первый раз вижу, чтобы красноармеец в особый отдел попасть хотел, – и поясняет: – Некому проверять, особист пропал без вести вместе со всей своей канцелярией. Да и незачем проверять. Вы же из нашего полка, приказ комбата у вас есть.

Майор уже начал поворачиваться чтобы уйти, но притормозил.

– А это не ты ПУАЗО чинил и в дерьмо нырять отказался?

– Я, товарищ майор!

– Понятно, – загадочно усмехается майор и уходит.

Я поворачиваюсь к Петровичу.

– Это кто был?

– Комполка. А ты что, не знал?

– Откуда? Я его первый раз вижу. Ладно, пошли Анисимова искать.

Капитан Анисимов оказался начальником полковой школы, готовившей младших командиров. Узнав, что в полку появился еще один ПУАЗО, он немедленно припахал нас и еще нескольких бойцов на его разгрузку. Вот это тяжесть! В Брянске мы закинули его в кузов всем расчетом на раз, два, взяли! А здесь с помощью досок, вдесятером, еле вытащили из кузова и с трудом отнесли в помещение, где были собраны приборы и учебные пособия полковой школы. Что вы хотите? На такой кормежке только ноги протянуть можно. Капитан бегал вокруг, приговаривая:

– Не уроните прибор, товарищи красноармейцы. Осторожнее, там же очень тонкая механика.

Я еще тогда подумал, что капитан из интеллигенции и даже армия не сумела вытравить из него сущность. Нормальный командир давно бы уже крыл нас по матушке и грозил за порчу военного имущества всеми возможными карами, от наряда и до расстрела на месте, а этот – товарищи красноармейцы. Причины капитанского беспокойства оказались понятными, когда мы вытащили, наконец, ПУАЗО в помещение. В просторной комнате стояли еще два, один такой же, как наш, второй – явно предыдущего типа. Как сказал капитан – оба неисправные. Анисимов тут же начал проверять принесенный прибор, забыв о нашем существовании. Пользуясь моментом, остальные тихо рассосались из комнаты, остались только Петрович, Паша и я. Чем дальше шла проверка, тем больше светлело лицо капитана – прибор оказался исправным. Он хотя и требовал выверки, но работал правильно. Наш ехал в кузове трактора и, видимо, растрясло его меньше, чем те, которые везли в грузовиках, да и грязи с водой на него меньше попало.

Капитан, закончив проверку, обратил внимание на нас.

– Мне нужен один человек – помочь в выверке прибора.

Я отправил Петровича с Пашей заниматься трактором, а сам остался, было очень интересно до конца разобраться с этим хитрым ящиком. Бесплезно. Три головы надо иметь, чтобы все запомнить. Даже Анисимов, прекрасно освоивший работу с прибором, имел смутное представление о принципах его работы. Это для меня ПУАЗО всего лишь аналоговый электромеханический компьютер. А капитан и слова такого не знает. Когда я учился, такие аналоговые устройства еще пылились в кладовых и темных углах лабораторий, но на них уже никто не

обращал внимания – наступила эра электроники и цифровой техники. И все же было у таких устройств одно важное преимущество – они в принципе не могли зависнуть.

Когда закончили, капитан заинтересовался моей личностью, красноармейцы моего возраста ему еще не попадались. Это через год-полтора я никого удивлять не буду, если доживу, конечно. Когда дошли до починки этого самого ПУАЗО, капитан спросил:

– Как вы обнаружили неисправность в приборе?

– Случайно. Мы по электрическим цепям лазили, перепутанную полярность искали, а неисправность на самом виду была. Я как глянул, так меня словно током ударило, вот же он – чертов ролик.

Следующий вопрос Анисимова меня насторожил:

– А вы нигде не преподавали?

– Нет, товарищ капитан, – не моргнув глазом вру я, – нет у меня предрасположенности к педагогике.

– Жалко. Не хотите ли пойти ко мне, в полковую школу. Инженер мне бы очень пригодился, да и вам легче будет. Звание сержанта сразу получите.

На секунду задумываюсь. Заманчивое предложение, тыловой полк, непыльная работенка и командир – интеллигент, мечта, а не служба.

– Спасибо за предложение, товарищ капитан, но разрешите мне при орудии остаться.

– Учить других сейчас не менее важно, чем стрелять.

– Это я понимаю, товарищ капитан, только у меня к немцам длинный счет уже накопился, а из запасного полка его трудно предъявить будет.

– Понятно, – кивает капитан. – Хорошо, вы свободны.

– Есть!

Уже в дверях капитан окликает меня:

– Насчет полковой школы вы все-таки подумайте.

На следующий день меня вызвали в штаб полка. Посыльный указал на дверь, а сам смылся. Ох, не нравятся мне эти внезапные вызовы к начальству. Открываю дверь, делаю шаг.

– Товарищ майор, красноармеец...

Мой доклад прерывают не дослушав:

– Не надо так орать, товарищ красноармеец, здесь на слух никто не жалуется.

Кроме командира полка, в комнате сидит капитан Анисимов и еще один незнакомый майор.

– Лучше скажите, – продолжает комполка, – какие команды подаются командиром орудия при ведении огня по пехоте?

Отвечаю.

– А что называется батарейным веером? – задает вопрос незнакомый майор.

Да это же самый настоящий экзамен. Начинаю лихорадочно вспоминать, что я читал об этом веере. Дальше вопросы посыпались один за другим.

– В каких случаях ведут стрельбу заградительным огнем?

– Какие способы стрельбы применяет зенитная артиллерия?

– В чем заключается проверка ПУАЗО три?

– Какие работы проводятся при осмотре и проверке орудия перед стрельбой?

Так меня гоняли около часа, в помещении холодно, а я вспотел. Пару раз все-таки поплыл, но вроде не смертельно. И тут командир полка задает мне задачку:

– Вам надо защитить мост от удара с воздуха одним орудием среднего калибра. Ваши действия.

Чувствую, что одним пересказом правил стрельбы по штурмовой авиации здесь не отделаться, нужно что-то большее. Пытаюсь выиграть время.

– Разрешите лист бумаги и карандаш, товарищ майор.

– Пожалуйста.

Пока рисую мост, соображаю. Приборов определения дальности нет. Все поправки можно в прицел ввести, кроме дальности. Где дальность взять? Стоп. Это ведь мост, длинный и узкий, немцы будут заходить строго по оси моста, а параметры пикирования можно прикинуть. Скорее всего, пошлют «восемьдесят седьмых». Дай бог памяти, какая у них высота сброса бомб? Пятьсот метров? Пусть будет пятьсот. Угол пикирования примем семьдесят пять градусов. Зенитку ставим по оси моста на расстоянии пятьдесят... Нет, пятьдесят мало, промажут фрицы по мосту, и мы этот перелет поймаем. Тогда двести метров на восточном берегу. Наиболее вероятно, что фрицы атакуют, подходя со своей территории, а разворачиваться будут уже над нашей. Вычисляю дальность, решая прямоугольные треугольники. Теперь установки прицела. Скорость пикирования? Пусть тоже будет пятьсот, потом подкорректируем. Определяю установки прицела и взрывателя. Когда отрываюсь от листка, Анисимов просто цветет.

– Ну что, товарищ майор?

Незнакомый майор только разводит руками. Комполка подходит ко мне и протягивает руку.

– Поздравляю с успешной сдачей экзамена на должность командира зенитного орудия среднего калибра и присвоением звания сержанта.

Анисимов и второй майор присоединяются к поздравлениям.

– Ну что? Зачем вызывали? – интересуется Петрович, когда я выхожу из здания штаба.

– Ты как перед сержантом стоишь? Смирна-а!

Видели бы вы рожу красноармейца Семяхина в этот момент. Я еле сдержался, чтобы не заржать. Секунды через три до него, наконец, доходит, что это шутка. Петрович вытягивается, прогибаясь в спине.

– Виноват, тащ-щ сержант! Исправлюсь, тащ-щ сержант! Какие будут приказания?

Тыкаю его пальцем в живот.

– Ремень подтяни, р-разгильдяй! Пузо почти до колен висит.

Глядя на наш спектакль, присутствующие смеются. Живот механика не висит, а скорее липнет к спине, хотя кормят на новом месте лучше, чем в Брянске. Я уже заметил, что чем меньше часть, тем лучше кормят. Есть, конечно, исключения, но они только подтверждают правило. В Брянске была огромная столовая, куча поваров, а в котелки красноармейцам попадало существенно меньше, чем здесь, где все готовят в полевых кухнях и повара из своих. Да и качество пищи здесь лучше, может, просто возможности украсть меньше, все свои и все на виду, от полка меньше трехсот человек осталось.

– А ты это... Насчет сержанта серьезно?

– Абсолютно. Только что экзамен сдал.

– Отметить бы, – размечтался Петрович.

Наркомовскую норму на новом месте мы еще ни разу не получали. Обещали выдать на седьмое ноября.

Первого ноября выпал снег и больше уже не таял, на улице устойчивая отрицательная температура. В казарме поставили несколько печек-буржук, но толку от них немного. Теперь основная обязанность дневальных топить эти печки, а остальные немалое время тратят на заготовку дров. Мы до сих пор ходим в хэбэ и пилотках, зато выдали толстые зимние портянки и шерстяные перчатки. Хозяйство полка на новом месте понемногу налаживается, нам выдают денежное довольствие и обещают скоро выдать красноармейские книжки. За четыре месяца я получил тридцать четыре рубля, то есть по восемь пятьдесят за каждый месяц в Красной армии. Теперь как командиру орудия мне будут платить семнадцать пятьдесят, а если доживу до третьего года службы, то советская власть будет отваливать мне аж сто двадцать пять рублей в месяц. Лучше бы выдали положенную шапку и зимнее обмундирование.

В полку сформировали три учебные батареи: две МЗА и одну СЗА. Полк приступил к своей основной задаче – подготовке артиллеристов-зенитчиков. Наша пушка оказалась пятой в батарее, а это хуже, чем пятое колесо в телеге. Зато пополнили расчет, у нас есть теперь штатный заряжающий, установщик прицела и установщик взрывателя. В учебном процессе мы участвуем мало, больше на первых порах, когда идет индивидуальное обучение номеров расчета. Когда же переходят к отработке действий в составе взвода и батареи, мы остаемся не у дел.

В середине ноября ударили морозы, и немцы возобновили наступление, выбравшись из «грязевой ванны». Фронт постепенно приближается к городу, мы чувствуем это по начавшейся эвакуации гражданского населения и участвовавшим налетам авиации. В городе появляется штаб тринадцатой армии. В начале двадцатых чисел меня вызывает командир полка.

– Слушай сюда, сержант, нашему полку поставлена задача: обеспечить противовоздушную оборону автомобильного моста через реку Сосна на Воронежском шоссе. Послать туда хотя бы одну батарею я не могу, нарушится учебный процесс. Поэтому пошлем твоё оружие.

– Товарищ майор, это же...

– Во-первых, товарищ сержант, не перебивайте старших по званию, а во-вторых, я и сам знаю, что много вы там не навоеуете. Но нет у меня другого варианта, поэтому поедешь ты. Немцы этот мост еще ни разу не бомбили, он им самим нужен. Скорее всего, тебе стрелять вообще не придется. Вопросы?

– Вопросов нет, товарищ майор, есть пожелания.

– Излагай.

– Лопаты потребуются, копать нам придется много. Пила нужна, два топора, зимнее обмундирование, хотя бы один тулуп для караульной службы и валенки.

– Хорошо, получите. Идите и готовьтесь. Да, зайдите в строевой отдел. Я распорядился выписать вам красноармейские книжки. Вы за пределы части убываете, вот с вас выдачу и начнем.

Наконец я становлюсь обладателем своего первого официального документа – красноармейской книжки. Пока без фотографии, с этим в стране тяжело, хотя место под нее предусмотрено. Зато с печатью.

Перед мостом через Сосну нас останавливают. Предъявляю приказ комполка, и через несколько минут около СТЗ появляется старший лейтенант.

– Почему прислали только одну пушку?

Это вместо «здравствуйте».

– Было же указание прислать батарею.

Я только пожимаю плечами, дескать, не ко мне вопрос.

– Что вы молчите как рыба об лед? Я вас спрашиваю!

– Мне приказали прибыть, я прибыл. А почему прислали только меня, не знаю. Этот вопрос командованию полка задавать надо.

Старлей поливает меня презрительным взглядом, но какой с меня спрос. Чем он тут, интересно, командует? Заградотрядом?

– Ладно, – бросает местный царек, – сейчас укажу вам место для позиции. Но это дело я так не оставлю.

– Извините, товарищ старший лейтенант, но место для позиции я выберу сам.

– Что?!

Он искренне изумлен, что какой-то сержант осмеливается ему возражать.

– Выбор позиции зенитного орудия обуславливается рядом специфических факторов. Где попало пушку не поставишь, поэтому прошу разрешения выбрать позицию самостоятельно.

Старлей так и застыл, набрав в грудь воздух. Никак не может решить, то ли обматерить меня, то ли согласиться. Наконец, он выдыхает, потом бросает:

– Разрешаю.

Поворачивается и уходит. Крайне неприятный тип. СТЗ переползает через мост, и я иду искать место нашего будущего обитания. Справа и слева от дороги на расстоянии около полукилометра находятся два пригородных поселка Лавы и Казинка. Шоссе проходит как раз между ними. Мост железобетонный, если его будут бомбить, то, скорее всего, пятисотками. Насколько помню, у этой бомбы разлет осколков полтора километра. Как-то сразу захотелось встать от моста подальше. На двести пятьдесят, нет, на триста метров. Снаряду эти пятьдесят метров ерунда, а нас они спасти могут. Дальше просто. Выбираю место справа от дороги, где слой снега толще. Под снегом земля не успела промерзнуть, и мы начинаем копать.

Хрясь, ш-ш-ших, хрясь, ш-ш-ших. Мы раскидали снег и лопатами прорубили тонкую корочку льда. Дальше началась не промёрзшая земля, и дело пошло быстрее. Хрясь, ш-ш-ших, хрясь, ш-ш-ших. Раньше думал, что воевать это значит стрелять. Ничего подобного, теперь для меня слово воевать тождественно слову копать. Начинаю завидовать пехотинцу, который роет окоп только для себя. Хрясь, ш-ш-ших, хрясь, ш-ш-ших. К вечеру еле успеваем выкопать огневую позицию для пушки. На землянку для самих себя времени не остается. К тому же для землянки нужны бревна, а до леса здесь ой как далеко. Первую ночь проводим в землянке охраны моста, это действительно заградотряд, только кого он здесь ловит непонятно. Реки уже замерзли и для одного человека препятствием не являются.

На следующий день мы копаем землянку для себя, но тут меня отрывают от работы.

– Глянь, командир. Бежит кто-то.

Со стороны моста, путаясь в полах шинели, к нам бежит красноармеец и что-то кричит. Что кричит, понять не могу, далеко.

– А ну тихо! – затыкаю рты своим горлопанам.

И тут даже не слышу, а скорее понимаю, что кричит бегущий. Воздух!

– К бою.

Буквально через пять секунд мы уже облепляем пушку. Немцев пока не видно, видимо, их обнаружил пост ВНОС и сообщение передали старлею. Еще не факт, что фрицы идут по нашу душу... Накаркал, едва на северо-западе в небе появляются черные точки, как я понимаю – по нашу. Сразу вспоминаю экзаменационную задачу и выставляю угол прицеливания восемь девяносто. Командую Паше:

– Меньше ноль семьдесят.

– Взрыватель десять! Курс ноль!

Кланц – лязгает затвор, пожирая снаряд. Самолеты уже перестроились в цепочку и сейчас начнут пикировать. Припадаю к окуляру оптической трубы и как только первый «юнкерс» появляется в поле зрения, командую:

– Огонь!

Г-гах! И пошло. Г-гах! Блям-с, кланц. Г-гах! Блям-с, кланц. Г-гах! Блям-с, кланц. Орудие ведет огонь с максимальным темпом. Не знаю как по дальности, а по направлению разрывы наших снарядов ложатся хорошо. Даже очень хорошо! Бах! Первая бомба взрывается в русле реки. Туда же попадают вторая и третья. Нам не до них. Г-гах! Блям-с, кланц. Г-гах! Блям-с. Ба-бах! Четвертая бомба взорвалась на самом берегу, через позицию проходит ударная волна и спустя пару секунд летят комья земли. Г-гах! Блям-с, кланц. Г-гах! Блям-с, кланц. Стреляет пушка. Бах! Бах! Ба-бах!!! Еще одна бомба взрывается на нашем берегу еще ближе к позиции, ударная волна бьет сильнее, а комья земли крупнее. Г-гах! Блям-с, кланц. Г-гах! Блям-с, кланц. Г-гах! Блям-с, кланц. Бах! Бах! Г-гах! Блям-с.

– Прекратить огонь!

В нос бьет запах сгоревшего пороха, на земле дымятся остывающие гильзы. Восемь самолетов набрали высоту, а девятый еще разворачивается на запад, но делает он это как-то неуверенно. Похоже, одного мы все-таки повредили. Жаль, мало ему досталось! Смотрю на мост, вроде цел. А где посыльный? Серый бугорок хорошо виден на белом снегу, испещренном черными комьями земли. Убит? Ранен?

– За мной!

Мы бежим к лежащему на снегу.

– Жив?

– А?! Что? Не слышу.

Жив, но оглушен. Возможно, контужен, кровь из ушей не идет, это хорошо. Мы берем его под руки и ведем к мосту. Посыльный не единственная потеря, оба находившихся на мосту часовых погибли. Опоры моста и пролетные строения повреждены осколками, но на прочность всего сооружения это вроде бы не повлияло. На меня с пистолетом в руке налетает «заградотрядовский» старлей. Думал, убьет. Оказалось, что он не только послал своего красноармейца предупредить нас, но и организовал зенитный огонь из стрелкового оружия. И сам стрелял по пикировщикам из пистолета. Он сильно возбужден, говорить может только междометиями. Первый раз, что ли, под бомбежку попал. Когда он успокаивается, то начинает, наконец, отдавать внятные приказы, эвакуировать раненого и убрать погибших. Однако пистолетом в кобуру попадает не с первого раза. Отдаем раненого своим и возвращаемся. Надо чистить ствол оружия и продолжить копать землянку.

Едва обустраиваемся на новом месте, как нас с него выгоняют. Для прикрытия моста с воздуха приходит целая батарея из отдельного зенитного артиллерийского дивизиона армейского подчинения. Посмотрев на две здоровенные воронки у моста, комбат выбирает позицию там же, где и мы. Я надеялся, что нас отзовут обратно. После землянки казарма запасного полка кажется пятизвездочным отелем. Однако получил из полка приказ оставаться на месте, и мы перебираемся на сотню метров дальше от моста. Опять копаем начинающую промерзать землю. На глубине метр восемьдесят под ногами начинает хлюпать вода, дальше копать нельзя. В одной из стен делаем подобие камина, трубу прорубаем в земле. Тяга, конечно, никудышная и коптит это сооружение будь здоров, но хоть немного греет. Сейчас все мы похожи на негров, на дрова пускаем пустые ящики из-под снарядов. На мост было еще два налета, оба безрезультатные – мост стоит на прежнем месте. С соседями мы договорились, что они ставят завесу на пути пикирующих самолетов, а мы следим за тылом батареи и стреляем по выходящим из пикирования. Еще один «юнкерс» ушел от нас не совсем целым, но ушел, гад.

В ночь на первое декабря началась метель, а ночью температура опустилась ниже тридцати градусов. Днем мороз был около двадцати. Но это были еще цветочки. Утром третьего мы оказываемся на позициях стрелкового полка. Ночью полк отошел и занял оборону на окраинах пригородных поселков. Разбудила нас немецкая артподготовка. Артиллерия и минометы бьют по Лавам, там гремят взрывы и горят дома. Соседняя батарея открывает огонь на минимальном прицеле, трассеры летят над самыми крышами. Видимо, немцы подошли к самому поселку, и батарея получила целеуказание от пехоты. А нам стрелять пока некуда. К полудню бой начинает приближаться. Видимо, предшествующая контратака двух батальонов успеха не имела, и удержаться на окраине нашим не удалось.

От крайних домов поселка на белом заснеженном поле появляется редкая цепь серых фигурок. Наши не выдержали обстрела немецкой артиллерии и атаки пехоты. Минуты через три между домами замелькали другие серые фигурки. Гах, гах, гах, гах, бьют пушки соседей и между домами появляются яркие вспышки, окутанные черным дымом.

– Осколочным!

Лязгает затвор.

– Готово!

– Прицел шесть! Взрыватель десять!

Подвожу стрелку под промежуток между двумя домами, в котором пульсирует дульное пламя немецкого пулемета.

– Огонь!

Г-гах! Недолет. Пулемет продолжает вести огонь. Поднимаю прицел чуть выше.

– Осколочным!

Кланц.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блям-с. Пулемет затыкается. То ли ему конец, то ли фриц штаны меняет. Отрываюсь от окуляра и начинаю искать новую цель.

– Танки! Танки слева!

Из-за крайних домов поселка показывается ползущая по дороге немецкая колонна. Впереди несколько танков, за ними грузовики с пехотой и артиллерийские тягачи. Совсем охренели фрицы! Сейчас не лето, чтобы наши позиции в походной колонне атаковать.

– Бронебойным!

Правая лихорадочно крутит маховик горизонтальной наводки. В поле зрения появляется угловатый силуэт с коротким, словно обрубленным стволом орудия. Кланц.

– Готово!

– Прицел десять!

Останавливаю стрелку прицела перед передним танком, и как только он доходит до нее передней частью корпуса, командую:

– Огонь!

Г-гах! Блям-с.

На таком расстоянии снаряд до цели летит около секунды. Слово в замедленной съемке вижу, как трассер втыкается в башню немецкого батальоненпанцера, и в следующее мгновение между угловатым корпусом и рубленой башней вспухает желто-оранжевая щель, подбрасывающая башню вверх и превращающаяся в яркодымный взрыв. Эффектно получилось.

– Бронебойным!

Ловлю в прицел следующий силуэт. Кланц.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блям-с. Мимо! Механик-водитель второго танка резко затормозил и даже успел дернуть свою машину назад. Трассер прошел в считанных сантиметрах от его корпуса. Не уйдешь, гад!

– Бронебойным!

– Готово!

В этот момент немецкий танк, мне показалось, даже подпрыгнул. В него одна за другой попадают сразу три бронебойные гранаты. Проснулись соседи, а цели толком не распределили. На моторном отсеке танка медленно, словно нехотя, разгорается пламя. Поворачиваю ствол вправо, ищу другую цель. В поле зрения попадает грузовик.

– Огонь!

Г-гах! Блям-с. Попадание без видимого эффекта, бронебойная граната не взрывается. Тонкого автомобильного железа не хватает для взведения взрывателя.

– Осколочным!

Лязгает затвор.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блям-с, кланц. Пошла потеха. Г-гах! Блям-с, кланц. Г-гах! Блям-с, кланц. Голову вражеской колонны мы выносим в пять длинных зенитных стволов буквально за несколько минут. Вижу, как мечутся между горящей техникой крохотные черные человечки. И с чувством какого-то остервенелого злорадства ловлю этих человечков на острие стрелки прицела и командую:

- Огонь!
- Огонь!
- Огонь!

Вот вам, суки, за брестский поезд! За Серегу Костромитина! За Сему Лившица! Я радуюсь, когда взрывы моих снарядов бросают человечков на черно-белую землю, и они больше не поднимаются. Внезапно цели заканчиваются, и я отрываюсь от прицела, чтобы увидеть общую картину боя. А-а-а-а-а! Поле перед Лавами покрыто сотнями маленьких фигурок, бегущих по тонкому еще снегу к крайним домам поселка. Батальон, не меньше. Гах, гах, гах, гах, соседи уже перенесли огонь на поселок. Надо поддержать их контратаку, и я опять навожу прицел на крайние дома. Мы успеваем выпустить несколько осколочных гранат до того, как наши врываются в поселок.

Все, цели кончились. В нос бьет запах сгоревшего пороха, а мороз, на который в запале боя не обращали внимания, опять начинает вползать под шинель.

- Убрать гильзы, – командую я, чтобы занять расчет делом.

Пока есть время, дохожу до позиции соседей и нахожу их комбата.

- Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант.

– Обращайтесь, сержант.

- Надо бы у пехоты подтверждение получить на подбитую технику.

– Хорошая мысль, – соглашается комбат, – пошлю на капэ полка своего лейтенанта. А как добычу делить будем?

Я сегодня добрый.

– Вон тот, – указываю на обугленную и еще дымящуюся коробку без башни, – наш. На остальные мы не претендуем.

- Годится, – обрадовался старлей.

На дороге остались еще два танка, три артиллерийских тягача и пара грузовиков.

- Только пусть не забудут указать, что уничтожен тяжелый танк.

А я возвращаюсь обратно.

- Что дальше, командир? – спрашивает меня четвертый номер.

– Ждем следующей атаки, Паша.

- Накроют нас здесь, как в Брянске.

– Могут и накрыть, поэтому берем лопаты и подправляем щели.

Вообще-то самое время удрать, но приказа отступать нет, и мы остаемся. Через час посыльный приносит мне справку об уничтожении тяжелого танка, подписанную командиром стрелкового полка майором Николаевым. Появляется надежда дождаться темноты и получить из полка приказ на отход. Дождались. Немцы обходят Елец с юга и начинают атаку одновременно на Лавы и Казинку. Шоссе на Воронеж оказывается в их руках и из города остается единственная дорога на восток. Сначала, как всегда, следует артиллерийская подготовка. Под прикрытием артиллерийского огня танки и пехота подтягиваются к поселкам. По нам не стреляют, пока мы молчим, на нас не обращают внимания. Танков у немцев осталось мало, я вижу только четыре штуки, а пехоты много. Поселки атакуют как минимум пехотный полк, усиленный танками и артиллерией. Позиция у нас далеко не идеальная, но сменить мы ее не можем. Питонную пушку на руках не перекаатишь.

- Бронебойным!

– Готово!

– Прицел девятнадцать!

Навожу стрелку на крайний правифланговый танк. Далековато, но если подождать пока они подойдут ближе, то танки скроются за домами поселка. Гах, гах, гах, гах, торопится комбат. Нам тоже пора.

– Огонь!

Г-гах! Блям-с. Мимо!

Лязгает затвор. Заряжающий без команды досылает бронебойный.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блям-с. Мимо! Что за черт. Кланц.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блям-с. И снова промах. Заколдованный он, что ли? Кланц.

– Готово.

Ба-бах! Воздушной волной меня сбрасывает с сиденья наводчика, сверху летят комья земли.

– Ложи-и-и-ись!!!

Я втискиваюсь в щель, следом в нее сваливается еще кто-то. Бах! Бах! На этот раз чуть дальше, но земля даже подпрыгивает. Гаубицы сто пять мэмэ, не меньше, а может и стопятидесятимиллиметровые тяжелые пехотные пушки. Ба-бах! Уже ближе. Мерзлый ком земли больно бьет по спине. Точно бьют, сволочи. Впрочем, ничего удивительного, наши пушки торчат в чистом поле, как прыщи на щечке топ-модели. Хочется глубже вжаться в землю, буквально раствориться в ней. Но земля отталкивает меня резкими толчками, совпадающими с разрывами вражеских снарядов. Сколько длился налет на нашу позицию, не знаю, минуты три-четыре, не больше, но мне кажется не менее получаса. Наконец разрывы смещаются куда-то дальше, и я отваживаюсь приподнять голову.

– Все живы?

– А черт его знает.

По голосу узнаю пятого номера.

– Вылезай давай, вроде закончилось.

– О господи!

По восклицанию понимаю, что кому-то досталось. За орудием на животе лежит Паша Акишев. Крупный осколок разворотил ему спину. Рана страшная, в ней видны ребра и легкое, но он еще жив. Даже не знаю, как к нему подступиться, и что делать с такой раной. Внутренний голос подсказывает, что лучше ничего не делать, с таким ранением выжить невозможно в принципе. Но просто ждать, пока он умрет, я тоже не могу.

– Пакет давай!

Ору только для того, чтобы прикрыть свою растерянность. Зубами рву упаковку индивидуального пакета и склоняюсь над раненым. Пытаюсь перевернуть на бок, а у него глаза открыты, он в сознании и что-то пытается сказать, на губах пузырится кровавая пена. Вроде прощения просит, не пойму за что. С трудом разбираю.

–...это я тогда особисту...

Закрываю Паше глаза, не могу в них смотреть, еще секунду назад в них теплилась жизнь. Я прощаю, и Бог, надеюсь, простит. На повозке орудия лежит третий номер, и он уже отвоевался. Левый бок и спина изодраны в клочья, под ним лужа уже застывшей на морозе крови. Орудию тоже хорошо досталось. Накатник пробит сразу в двух местах, в одну из дыр виден шток. По стволу как будто несколько раз прошли тупой фрезой, механизм вертикальной наводки покорежен, а люлька испещрена следами мелких осколков. Слева от позиции, метрах

в семи – воронка. Заряжающий уцелел чудом, установщик взрывателя в момент взрыва немецкого снаряда наклонился за очередным снарядом, его спас бруствер, а меня прикрыло орудие.

Осматриваюсь вокруг. Батарея молчит, немцы вплотную подошли к Казинке и вот-вот ворвутся в поселок. Немецкая артиллерия перенесла огонь на крайние дома, в которых засели наши бойцы. Мы ей больше не интересны, нас уже списали в расход. Самое время позаботиться о мертвых.

– Давайте их в щель.

Забираю у убитых документы, и мы оттаскиваем их в щель. Обрушив сверху бруствер из мерзлой земли и снега, засыпаем, как можем. Выламываю из пустого ящика доску и пишу фамилии погибших. Долго эта доска не простоит, но ничего другого у нас нет. Простите и вы нас, ребята. Убитых я видел и раньше, но впервые теряю столь близких людей. С Пашей мы два месяца в одном расчете, а оказывается, я его совсем не знал. Хреновый из меня психолог. От самокопания меня отвлекает заряжающий.

– Что дальше делать будем, командир?

– Ждать. Часа через полтора-два стемнеет, вызовем тягач и попробуем эвакуировать орудие.

– А может...

– Не может! Я сказал ждать! Немцы поселки быстро не возьмут, а там и темнота наступит.

Немцы уже зацепились за крайние дома, их артиллерия переносит огонь куда-то на другой берег Сосны, а ранние зимние сумерки уже начинают подкрадываться. Когда стемнело, я отправляю заряжающего за Петровичем. Темноту разгоняют отсветы горящих домов, наши удержались в поселках, но, как я понимаю, ночью уйдут за реку. Тягач медленно подползает, не включая фар. К этому моменту мы уже поставили пушку на колеса и даже успели зачехлить. Петрович выпрыгивает из кабины.

– Давай цепляй!

– А этот где? – это я о заряжающем.

– В кузове был, – удивляется Петрович.

Я заглядываю в кузов – пусто.

– Сбежал, сука, – констатирует механик.

Этот-то какого черта дезертировал? Хотя понятно, смерть впервые прошла так близко, и когда надо было возвращаться, нервы не выдержали.

– Ладно, рвем отсюда.

Трактор выдергивает поврежденное орудие с позиции и тащит его к мосту. Вслед нам немцы неприцельно выпускают несколько мин. На позиции батареи тоже идет какая-то возня, видимо, тоже эвакуируют поврежденную технику. Мост уже никем не охраняется, заградотряд растворился в морозной ночи. За мостом Петрович рискует включить фары, и мы петляем по лабиринту елецких улочек. Немцы уже ворвались на восточную окраину Ельца, город обречен. Но немцы тут долго хозяйничать не будут, до начала нашего наступления осталось всего два дня, эту дату я помню точно. СТЗ выбирается на единственную свободную от немцев дорогу, ведущую к станции Дон, и вливается в колонну уходящих из города тыловиков.

Глава 5

Дух-дух, дух-дух, дух-дух, дух-дух. Односкатные тележки теплушки стучат на стыках совсем по-другому, чем двухскатные современных вагонов. Наш эшелон, вместе с санитарными поездами, медленно пробирается на северо-восток. За деревянной обшивкой теплушки вовсю лютует зима. Днем температура держится около пятнадцати градусов мороза, ночью она падает ниже двадцати. Впрочем, и внутри обшивки тоже далеко не Сахара. Посреди вагона стоит раскаленная докрасна буржуйка, но толку от нее немного, в радиусе пары метров еще

ничего, дальше хуже, а по углам температура воздуха почти не отличается от наружной. Но это пока мы стоим на станции, на ходу еще хуже, тепло моментально выдувается даже на черепашной скорости, с которой мы ползем в тыл.

Я лежу на верхнем ярусе нар, кажется, что вверху немного теплее. Но, скорее всего, это самообман, поэтому я опустил и завязал уши шапки, свернулся калачиком и сверху укрылся тулупом. Петровичу достались валенки, пятому номеру Ване Епифанову – ватные штаны. Наследство, оставшееся от Елецкого сидения у моста и последнего боя, поделили честно – тянули жребий, кому что достанется. Я вытянул тулуп. Минут через двадцать мне надо будет вставать – наступает моя очередь кочегарить, еще через час я подниму Петровича, он – Епифанова, и так дальше, всего в вагоне шестнадцать человек: лейтенант, четырнадцать красноармейцев и я – сержант. По идее мы должны охранять эшелон, но нести караульную службу в такую погоду смерти подобно, тем более что сменить часового на ходу нет никакой возможности. Поэтому мы ограничиваемся тем, что изредка высовываемся из вагона на остановках и снова прячемся в спасительные два метра от раскаленной печки. Да и кому нужна разбитая и поврежденная техника, которую мы сопровождаем в тыл. От ремонта этих дивизионных орудий отказались армейские мастерские, и мы сопровождаем их на завод. Нашу зенитку впихнули сюда же, так как никто не знал, что с ней делать. Поэтому дали нам предписание по месту следования эшелона – город Горький. Сказали, что там стоит запасной зенап, там и решат, что с нами делать дальше.

Фильтр мы прошли быстро. Документы у нас в порядке, орудие серьезно повреждено, даже бумажка на подбитый танк имеется. А бумажка это большая сила, в отличие от языка, ее и к делу подшить можно. Но никакого дела на нас не заводили. Допросили кое-как, сравнили показания всех троих, убедились, что они сходятся, и все. Полк наш никто не запрашивал, да никто и не знает, где находится сейчас запасной зенитный артиллерийский полк бывшего Брянского фронта. Вот и запихнули нас в этот эшелон вместе с СТЗ и изуродованной вражеским снарядом зениткой. СТЗ хотели поначалу отнять, вместе с Петровичем, исправный трактор с хорошим механиком в любом хозяйстве пригодится. Но тут я встал за него горой, и над нами смилостивились – без тягача нам деваться некуда.

– Подъем.

Наступает время моего дежурства у печки. Я выползаю из-под тулупа, стягиваю его с нар и опять в него заворачиваюсь. Устраиваюсь напротив дверцы буржуйки, пламя монотонно гудит внутри, бросая на пол причудливые сполохи сквозь щели дверцы. Верхняя часть печки чуть светится багровым цветом. Сменщик только подкинул дров перед сменой, и несколько минут мне можно просто сидеть, глядя на эти сполохи и слушая бесконечное неторопливое дух-дух, дух-дух, дух-дух, дух-дух.

Эшелон по широкой дуге, через Рязань и Воскресенск, огибает Москву. Надолго застреваем во Владимире, пропуская то военные эшелоны на запад, то санитарные поезда на восток. Мимо нас грохочут составы, груженные «тридцатьчетверками» и новенькими «зисками». Техника рассыпью и в составе частей, теплушки с пехотой и платформы с какими-то ящиками. Наступление Красной армии пока развивается успешно, но требует все новых и новых сил. Сейчас эти силы едут мимо нас на запад, то, что от них осталось, едет на восток. Мы тоже часть этих остатков, которые война только пожевала и выплюнула, оставив для следующих сражений. Наши изуродованные войной пушки никуда не торопятся, и мы ждем своей очереди на запасных путях. Наконец, и для нас находится паровоз. Эшелон гудит паровозом, лязгает сцепками и продолжает свой путь в город на великой русской реке.

Разгрузка эшелона производится на территории артиллерийского завода. Здесь мы прощаемся с артиллеристами, сопровождавшими эшелон. Отсюда наш путь лежит к месту дислокации запасного полка в так называемые Тобольские казармы. Казармы представляют собой целый военный городок из двух-и трехэтажных зданий, построенных в конце девятнадцатого

века из красного кирпича. В казармах располагаются не только зенитчики, но и запасной стрелковый полк. Нас долго держат на КПП. Пока проверяют документы и связываются с полковым начальством, я присматриваюсь к внешнему виду наряда и его повадкам. Не нравится мне эта часть. Уж слишком лихой и подтянутый вид у красноармейцев и младших командиров, все бегом, все по уставу. За воротами мои первые впечатления только подтверждаются. Дорожки и плац расчищены до земли, сугробы по-военному выровнены. Дежурному по полку капитану я докладывал три раза, первые два мой строевой шаг при подходе был недостаточно четким. В казарме меня поразили белое постельное белье, до блеска надраенные и намастиченные полы. Я посмотрел на Петровича, тот на меня.

– Валить нужно отсюда, и побыстрее, – высказал я свое мнение.

– Да-а-а, – задумчиво протянул Петрович.

Ваня Епифанов только вздохнул.

– Что встали, как бараны перед новыми воротами, – обрушился на нас местный старшина. – Оружие в пирамиду и в строй, бегом марш!

В столовой нас ожидала тыловая норма, зато в помещениях было тепло. Впервые за долгое время мы, наконец, согрелись. В первый раз за прошедший месяц мы получили возможность помыться и спали раздевшись. Форму нашу привели к единообразию: у меня отбрали тулуп, у Петровича – валенки, у Епифанова – ватные штаны. А утром команда «подъем» выдернула нас из блаженных объятий сна. И никаких скидок на мой возраст, вместе со всеми бегом по бодрящему утреннему морозу. После утреннего туалета пришлось вспоминать правила заправки и отбивания койки. Позавтракав, мы сдавали оружие в артмастерские, и здесь меня ждал большой конфуз. Когда при дефектовке открыли затвор, из казенника выскочил снаряд, который мы притащили в стволе из самого Ельца. Хорошо, что ствол был почти в горизонтальном положении. Принимавший оружие капитан прошелся по моим умственным способностям. Я не возражал, даже мысленно, капитан был прав.

Этот запасной полк считался образцовым. Все строго по уставу, все бегом, кровати по линейке, занятия по заранее составленному расписанию, построение за построением. Зато по воскресеньям кино: «Чапаев», революционная трилогия о Максиме с песней о «цыпленке жареном», «Большая жизнь», «Трактористы» со стремительно летящими танками БТ и «самураями», «Истребители» с красавцами-летчиками и песней «Любимый город может спать спокойно». А вот «Если завтра война» нам не показывали, уж больно не соответствовала канва фильма текущим реалиям.

В этом полку крестьянских парней, некоторые из которых паровоз видели, только когда ехали сюда, превращали в артиллеристов-зенитчиков. Личный состав полка четко делился на две категории: постоянных и переменных. Постоянные – это те, кто обеспечивал учебный процесс. Переменные после обучения отправлялись в строевые части. Переменных можно было условно разделить на три категории. Молодежь – восемнадцати-и девятнадцатилетние парни, только попавшие под призыв. Старики – мужики в возрасте от тридцати до сорока, многие из которых ранее также не служили. Мы трое попадали в третью категорию – фронтовики. Те, кто успел понюхать пороху и попал в полк из разбитых частей, а то и из окружения. Таких было немного. Между постоянными и фронтовиками существовала конфронтация. Местные хотели выбить из нас фронтовую вольницу, а мы смотрели на них как на тыловых крыс, дескать, окопались тут в тылу.

В новогоднюю ночь нас поздравили фрицы – одиночный самолет сбросил на город несколько бомб. Тревогу, как всегда, объявили после того, как бомбы уже взорвались. Зенитки ударили вдогонку минуты через три, исключительно для успокоения граждан, да и было их немного. На весь город десятка четыре орудий СЗА. Все заводы, производившие зенитки, отправились в эвакуацию и сейчас находились на колесах. Поступления новых орудий от промышленности не ожидалось, поэтому даже нашу инвалидку решено восстановить, а не пустить

на запчасти. Пока ждем окончания ремонта, занимаемся строевой, чисткой снега и слушаем политинформации, куда же без них. Пока все идет хорошо и политруку есть, что сказать о продвижении наших войск и названиях освобожденных населенных пунктов. Но шагистика меня уже достала, по специальности занимаемся очень мало, хотя учебная база в полку хорошая, он ведь не отступал и из окружения не выходил. Вообще я заметил, что внешней стороне службы в полку уделяется гораздо больше внимания, чем специальным вопросам.

Нас троих определяют в батарею, которая должна потом войти во вновь формируемую часть. Командир батареи – капитан Дронников из постоянного состава полка, за какие-то преступления изгнан из рая и вместе с батареей будет направлен на фронт. Видимо, по этой причине крепко зашибает, и видим мы его не часто. Чувствую, наплачемся мы еще с таким комбатом. Наш взводный – лейтенант Шлыков из ускоренного выпуска Горьковского училища. Совсем еще зеленый, к новому званию не привык и часто называет себя курсантом. Из сержантов только командир расчета ПУАЗО Серега Федонин успел повоевать. Красноармейцев с боевым опытом меньше десятка, остальных еще учить и учить.

Наконец ремонт нашей пушки закончен. Для приемки орудия комбат направляет в мастерские Шлыкова, тот берет с собой меня. Орудие стоит посреди небольшого дворика, уже приведенное в боевое положение. От прежней пушки остались только повозка, нижний станок, затвор, чудом уцелевший тормоз отката и детали прицела, в том числе принимающие приборы. Кое-где можно найти следы попаданий мелких осколков, сейчас тщательно покрашенные.

– Принимайте, – предлагает начальник мастерских.

Лейтенант предоставляет инициативу мне. Открываю затвор и лезу в ствол. Он новый, поля нарезов зеркальные, без царапин, сами нарезы без каких-либо следов износа, заусеницы, трещины, забоины отсутствуют. С помощью гильзы проверяю работу затвора. Откидываю колпаки и проверяю крепление тормоза отката, течи через пробку и сальник отсутствуют. Далее следует накатник, проверка крепления, давление, отсутствие течи. Вращаю маховики механизмов наводки, ствол движется плавно, без рывков и заеданий. Усилия на рукоятках в норме, мертвый ход в пределах допустимого. Проверяю параллельность нулевой линии прицеливания и оси канала ствола. Проверяю работу механизмов прицела и не нахожу к чему придраться. Проверка занимает минут тридцать, капитан с усмешкой следит за моими попытками найти какой-нибудь брак в работе его подчиненных.

– Все в порядке, товарищ лейтенант, только работу принимающих приборов с ПУАЗО надо проверить.

– Да в норме все, – успокоительно машет рукой капитан и добавляет: – Ты бы так ее после боя проверял.

Взводный берет у капитана акт приемки-сдачи и уходит. Возвращается минут через двадцать уже с подписью Дронникова. Капитан ставит свою закорючку, и СТЗ Петровича тащит орудие в полковой парк. В парке мы застаем аттракцион, который организовали красноармейцы из вновь сформированного расчета. Пыж для чистки орудия они изготовили почти совпадающим с калибром ствола. Неопытный командир орудия не обратил на это внимания, и расчет, обмотав чурбак ветошью, со всей дури загнал его в ствол со стороны казенника. Когда пришла пора выбить его обратно, то выяснилось, что он там застрял намертво. Все попытки выбить пыж в казенник результата не дали, пытались загнать его глубже в ствол – не идет. Естественно, возникла идея выбить пыж холостым выстрелом, но тут засомневался командир взвода, такой же зеленый, как и его подчиненные. Мы с Петровичем прибыли в самый разгар дискуссии.

– Один раз стрельнем холостым, и все дела, – настаивает сержант.

– А вдруг ствол не выдержит? – сомневается лейтенант. – Под трибунал тогда пойдем.

– Но не оставлять же пыж в стволе. Что комбату скажем?

Выслушав аргументы обеих сторон, я сказал Петровичу:

– Тащи инструмент.

А сам поддержал командира орудия:

– Не волнуйтесь, товарищ лейтенант, выдержит ствол. Снаряд стальной, масса – девять с лишним килограммов и в нарезы он врезается медным пояском. А сейчас в стволе деревяшка, тряпками обмотанная. Выскочит легко.

– И все же рискованно, – сомневается не до конца убежденный лейтенант.

– Все нормально будет, – настаиваю я, – сейчас все сделаем красиво. А вы, товарищ лейтенант, лучше публику подальше уберите, в какое-нибудь укрытие.

Петрович приносит свой инструментальный ящик, и мы разгильзовываем снаряд, благо взрывателя в нем нет. Разворачиваю ствол в сторону от людей и построек, а затем придаю ему максимальный угол возвышения. Беру у Петровича гильзу и досылаю в казенник. Гильза вошла полностью, затвор с лязгом закрывается.

– Отойди к людям, Петрович.

– Да ладно, командир, ты же сам говорил – все нормально будет.

Говорил, говорил, не отрицаю, а сейчас что-то засомневался.

– Поговори еще у меня, бегом в укрытие!

Остался я с пушкой наедине. До этого момента был в себе уверен, а тут страшновато стало. Не страшно, а именно страшновато. Это когда знаешь, что вроде опасности нет и все должно закончиться хорошо, а червячок сомнения душу точит. А вдруг? Вдруг не так сработает?

– Огонь! – подаю команду самому себе, решительно отбрасывая сомнения.

Г-гах! Стреляет зенитка. Из ствола фейерверком разлетаются горящие тряпки. Хорошо, что в этом направлении никого и ничего нет. Затвор сам не открылся. Чурбак пыжа так никто больше и не увидел. То ли улетел куда-то, то ли сгорел при выстреле. Народ сбежался, затвор открыли, в снег упала дымящаяся гильза.

– Все в порядке, товарищ лейтенант.

Лейтенант лезет в ствол, убеждается, что все в порядке, и только после этого благодарит нас. Мы идем закатывать пушку на свое место в парке. А расчету предстоит делать новый пыж и чистку ствола начинать заново. Когда мы уже уходим из парка, от орудия доносится:

– И-и-и, раз! И-и-и, два! И-и-и, раз! И-и-и, два!

Новый пыж у них получился гораздо лучше, теперь будут помнить.

– По самолету над двенадцатым, – командует командир первого взвода, – темп десять, высота шестьдесят пять.

– Совмещай. Высота шестьдесят пять. Ветер ноль, – доносится из окопа ПУАЗО.

Батарея включена в состав дивизионного района ПВО города и сейчас идет тренировка по основному способу стрельбы. Проводить ее должен комбат, но он с утра не появлялся, поэтому его обязанности выполняет командир первого взвода. Ну вот, кажется, и до нас очередь дошла, с ПУАЗО пошли данные для стрельбы.

– Совмещай!

Первый номер – бывший студент Московского горного института Сергей Дементьев крутит маховик горизонтальной наводки, совмещает азимут. Епифанов поднялся на одну ступень в иерархии орудийного расчета, сейчас он четвертый номер – совмещающий угол возвышения. Установки взрывателя считывает третий номер Сан Саныч Хворостов – тридцатилетний лесной техник из Свердловской области. За казенником с учебным снарядом в руках следует Саша Коновалов, голубоглазый, курносый, русоволосый – типичная косопузая Рязань. Рост у него не больше метра шестидесяти пяти, зато в плечах сантиметров восемьдесят, не меньше. С восемнадцатикилограммовыми снарядами управляется как с игрушками. Силища невероятная, а парню только-только восемнадцать исполнилось. Отец у него плотник, два старших брата

– плотники. И сам он, если не родился, то вырос с топором в руках. Пятый номер Рамиль Ильдусов – хитрый казанский татарин. Для установщика взрывателя мелковат, снаряды ворочает с трудом, но из-за малограмотности я боюсь его подпускать к маховикам наводки, величины углов на прицельной шкале для него темный лес. Шестой номер Иван Лобыкин – самое слабое звено расчета. Чем-то напоминает недоброй памяти Гмырю, только крупнее размерами и без склонности к стукачеству.

– Огонь! – командует взводный.

Лязгают затворы орудий.

– Огонь! – дублирую я его команду.

Раздаются щелчки ударников. И сразу же:

– Разряжай!

Условная цель обстреляна.

– Десять минут на отдых, – командует взводный номер раз.

И тут же исчезает, наверняка греться побежал. У Дронникова, что ли, он таких замашек нахватался. Наш взводный остается с нами. Стягиваю с шапки каску, тяжелая, зараза! Но командиры требуют, чтобы во время занятий все были в касках поверх зимних шапок. День сегодня как по заказу. Мороз, градусов десять, ветра нет, в синем небе с редкими белыми облачками сияет яркое солнце. Красота! Задираю голову и просто люблюсь яркой синевой.

– Командир, можно я в уборную?

– Можно Машку за ляжку.

– Разрешите отлучиться в уборную, – быстро поправляется Рамиль.

– Ладно, иди.

Тот быстро исчезает, вернется минут через двадцать, тоже греться побежал. Какое-то смутное беспокойство начинает давить мне на головной ум. Я снова задираю голову вверх. Что-то неправильно в этом небе, но что, не могу понять. Небо синее, солнце на месте, облака белые. Стоп! Если через эту цепочку мелких облачков провести линию, то она окажется слишком прямой для естественного происхождения. Это же... Это инверсионный след! Высота, на которой идет самолет, семь тысяч, не меньше, а наши на такой высоте не летают. Это же немецкий разведчик идет прямо на Автозаводской район!

– Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант, немецкий разведчик!

– Где?!

Шлык задирает голову в направлении моего указательного пальца. Сам самолет практически не виден, и лейтенант подносит к глазам бинокль.

– Точно, самолет. А может, наш?

– Какой к черту наш?! Наши так высоко не забираются!

В глазах лейтенанта немой вопрос.

– Надо в штаб района пэвэо доложить.

Куда же ты сам рванул? А посыльного отправить? От досады плюю в снег. Ну что с пацана возьмешь? Оглядываюсь вокруг: народ задрал головы в небо, рты раззявили, пальцами тычут, обсуждают. Еще бы, почти все немца в первый раз видят. И тут такая меня злость взяла. Это что, цирк? Шоу? Среди бела дня немец идет важнейший промышленный центр фотографировать, а мы можем только пальцами в него тыкать. Мы зенитчики или где?

– Батарея, к бою!

Я не сразу понял, что это мой голос. В качестве ответной реакции только удивленные взгляды.

– Федонин, заводи свою шарманку!

Сергея все понял правильно.

– Дальномерщики, мать вашу, перемать, начать поиск цели!

Буквально через десять секунд с дальномеров доложили:

– Цель поймана! Высота семьдесят четыре!

– Совмещай, – командует сержант Федонин, – ветер ноль!

ПУАЗО заработал, а орудийные расчеты в себя еще не пришли.

– По самолету! Темп пять! Высота семьдесят четыре!

Зашевелились, наконец, стволы орудий начали нащупывать цель.

От орудий доносятся команды «совмещай». Пока еще все можно остановить, пока мы просто сопровождаем цель, но я уже принял решение.

– Огонь!

– Огонь! – повторяют командиры орудий.

Г-гах! Г-гах! Залп получается с небольшим разрывом во времени. Четыре длинных языка пламени рвутся из стволов в небо, чтобы через мгновение превратиться в клубы порохового дыма. Пять, четыре, три, два, один.

– Огонь!

Г-г-гах! На этот раз залп получается лучше, звенят выброшенные затворами гильзы. Пять, четыре, три, два, один.

– Огонь!

Г-г-гах! Теперь все четыре орудия стреляют одновременно. Позицию окутывает запах сгоревшего пороха. Пять, четыре, три, два, один.

– Огонь!

Г-г-гах! В этот момент в небе появляются черные точки разрывов нашего первого залпа. Как они легли по отношению к цели, я без оптики не вижу. Результаты нашей стрельбы могут наблюдать только те, кто сидит за визирами дальномера и ПУАЗО. И еще первые номера орудийных расчетов. Разрывы второго залпа.

– Отворачивает! Отворачивает! – доносится с дальномера.

Если отворачивает, то мы были близки к цели. Черные точки третьего залпа пятнают синеву неба.

– Чуть в стороне!

Разрывы четвертого залпа.

– Совсем в стороне.

Сообщают результаты последнего залпа из окопа ПУАЗО. За десять секунд после поворота немецкий разведчик успел уйти далеко от своего прежнего курса. Сбить мы его не могли, но фотосъемку сорвали. Хоть какой-то результат. Через три минуты наступила расплата за удовольствие. Вон другой результат бежит, а за ним еще два результатика. Ой, споткнулся, упал. Взводные помогли капитану подняться. Хреново, только злее будет.

– Кто стрелял?! Кто разрешил?!

Я делаю два шага вперед.

– Все стреляли, товарищ капитан, а команду я дал.

– Ты кто такой?! Ты...

Ой, товарищ капитан, и где же вы таких выражений набрались? Ф-фу, как некрасиво! И руками у меня перед лицом махать не надо, еще заденете ненароком. Ну и выхлоп у тебя, капитан. Вчерашний? Нет, похоже, уже сегодня успел причаститься.

– За что под трибунал, товарищ капитан? За обстрел вражеского самолета?

Ах, за самовольную стрельбу по вражескому самолету. Ну да, ну да, существенная разница. Должен же кто-то немецкие самолеты сбивать, пока ты водку хлещешь. Ф-фу, как некрасиво! Все мои родственники нормальные, приличные люди. И у меня с головой все в порядке.

– А я и не знал, товарищ капитан, что на уничтожение врагов нашей Родины ваше персональное разрешение требуется.

Оказывается, все-таки требуется. Но голос уже на полтона ниже и про трибунал уже не заикается. В трибунале и ему самому могут неприятные вопросы задать. Например: Где вы в

этот момент были, товарищ капитан? А где ваши взводные командиры в это время находились? И почему вверенной вам батареей командуют все кому не лень?

– Есть десять суток ареста!

Хотя, по моему скромному мнению, хватило бы и пяти, но меня почему-то никто спросить не догадался. До моих ушей доносится еле слышное жужжание. Осторожно поднимаю глаза и вижу набирающую высоту тройку ЛаГГов. Их подняли на перехват разведчика с аэродрома авиационного завода. Только немецкий самолет уже давно исчез, и погоня за ним, как всегда, выльется в бесполезный расход бензина. Сюда бы хоть какую-нибудь радиолокационную станцию и нормальную связь с перехватчиками. Мечты, мечты.

Со спины комбата к нам приближается группа военных. Белые полушубки, комсоставские шинели – полковое начальство пожаловало. Увлеченный разбором моих достоинств Дронников их приближения не заметил, а когда Шлык пихнул его в бок, было уже поздно – начальство находилось буквально в двух шагах и, судя по вытянувшимся лицам, все слышало. Попал капитан.

– Что? – недовольно встрепенулся оторванный от увлекательного занятия комбат и тут же увидел подошедших.

– Что здесь происходит? – тон стоявшего впереди майора не предвещал ничего хорошего.

– Товарищ майор... – начал Дронников, но его обрывают:

– Постройте батарею.

– Батарея-а, становись! Р-равняйся! Смирно-о!

Комбат пытается четко печатать шаг, но это у него не слишком получается, майор морщится, будто у него лимон во рту.

– Товарищ майор, личный состав учебной батареи построен! Командир батареи капитан Дронников.

От комбатовского выхлопа майора перекашивает еще сильнее, но он справляется со своей мимикой.

– Здравствуйте, товарищи артиллеристы-зенитчики!

– Здрав-гав-гав, тащ-щ май-ор! – отвечает батарея.

– Поздравляю вас с первыми боевыми стрельбами, проведенными по фашистскому самолету разведчику!

– Ура-а! – отвечают немногочисленные кадровые красноармейцы.

– Ура-а! – подхватывают самые сообразительные.

– Ура-а! – дружно ревет строй.

Майор не обращает внимания на первоначальную заминку и продолжает речь:

– Сегодня вы, можно сказать, заново родились как артиллеристы-зенитчики.

Говорит он минуты три, потом эстафету подхватывает комиссар полка. Этот коротко говорить не может, я даже замерзать начал. Им хорошо в полушубках, а мы в шинелях на морозе стоим, хорошо хоть ветра нет. Все когда-нибудь заканчивается, комиссарская речь тоже подошла к концу, и мы дождались команды «разойдись». Я вижу, что майор отзывает Дронникова в сторону и что-то ему втирает, комбат вяло возражает. В конце концов, майору это надоедает, и он быстрым шагом уходит в направлении штаба. За ним устремляется свита и плетется Дронников. В батарею он вернулся часа через два, когда мы уже вернулись в казарму. На меня зыркнул волком, но про «губу» уже не заикался. А через два дня нам представили нового комбата.

Похоже, что с помощью нашей батареи полковое начальство решило избавиться от командирского балласта мирного времени. Новый комбат старший лейтенант Филаткин – непьющая и более деятельная версия Дронникова. Внешность у Филаткина образцовая, тщательно отутюженные гимнастерка и галифе из дорогого габардина, явно сшиты на заказ. Хромовые сапоги начищены до зеркального блеска, подворотничок всегда свежайший. Нашивки,

петлицы и знаки различия находятся на своих выверенных до долей миллиметра местах. Комбат всегда тщательно выбрит, причесан и благоухает одеколоном. Причем это образцовое состояние он ухитряется поддерживать в течение всего дня, что, впрочем, не трудно. Собственно ручно прикасаться к технике он не любит, предпочитает руководить действиями подчиненных с определенного расстояния.

Такие командиры – золотой фонд любой части. Они умеют привести к общему знаменателю своих подчиненных, по крайней мере, внешне. В их подразделениях самая лучшая выправка и строевая подготовка, их ставят в первые ряды, а на их командира сыплется дождь из благодарностей и поощрений. К счастью, они не часто высоко забираются по служебной части, увольняясь капитанами, в лучшем случае майорами. С лета прошлого года все изменилось. Строевая подготовка уже мало кого интересует, пусть и не часто, но батареи полка ведут огонь по реальным самолетам противника, а вот тут у Филаткина, похоже, не все в порядке. Оказалось, что гонять новобранцев по плацу у него получается намного лучше, чем управлять огнем батареи. Вот и выперли его из запасного полка, так сказать, на фронте научится, а не научится... Только нам, его подчиненным, от этого не легче.

На следующий день после вступления в должность новый комбат устроил строевой смотр. И нашел массу недостатков. Мне вклеили выговор. Догадаться за что. Слабо? За не по уставу длинные волосы! Вся батарея ржала. В первом взводе есть еще один мужик с залысынами, но до меня ему далеко. Вторую половину дня устраняем выявленные недочеты. Вечером новая проверка и новые придирки, у меня две пуговицы, оказывается, пришиты «не в сторону советской власти».

– Я из вас сделаю настоящих бойцов Красной армии, – грозит Филаткин.

Вроде и не дурак, но не смог приспособиться к новым требованиям. На следующий день «бьем чечетку» на плацу. А в парк комбат еще и не заглянул. Проверка техники выполняется дистанционно. Расчеты крутят механизмы, открывают затворы. В стволы комбат заглядывает издали, как будто боится запачкаться. После проверки мы закрашиваем звездочки на стволе. Дронников на них внимания не обращал, Филаткин решил, что дополнительные регалии нашей пушке не положены. Петрович схлопотал три наряда вне очереди за ободранные кузов и кабину единственного в батарее транспортного средства.

– У меня коробка на ладан дышит, магнето барахлит, фрикционы подгорают, – бурчит Петрович, – а он мне «не покрашено»! А где я краску возьму? Лучше бы запчасти помог достать...

С наряда красноармейца Семяхина снимают в тот же день, другого тракториста в батарее нет. На следующий день Петрович устраивает забастовку. Демонстративно разбирает двигатель и на все вопросы, когда трактор будет на ходу, отвечает:

– Регулировка клапанов суety не любит, как сделаю, так и будет готово.

Филаткин злится, но одернуть наглеца не может – трактор с трактористом на батарее в единственном экземпляре. Привыкайте, товарищ старший лейтенант. Это еще не фронт, но уже и не совсем запасной полк. Здесь с людьми надо мягше, а на вопросы смотреть ширше.

Батарея почти укомплектована, во всяком случае, огневые расчеты, расчеты ПУАЗО и дальномера доведены до штатной численности. И даже, как показала последняя стрельба, более или менее подготовлены. Осталось только отделение материального обеспечения и тяга. Тягачи нам обещают перед самой отправкой на фронт, а пока Петрович отдувается за всех, благо позиции батарее менять не надо. С отправкой нас из Горького тоже не спешат, артиллерии в дивизионном районе ПВО отчаянно не хватает, особенно современных 52-К, и мы несем дежурство, буквально не выходя с территории полка.

Между тем в городе царит приподнятое настроение, люди собираются у черных тарелок репродукторов и слушают последние сводки Совинформбюро, которые своим неповторимым и сразу узнаваемым голосом читает Левитан. По его интонациям, уже с первых слов

понятно, какие это будут новости, хорошие или плохие. В последнее время звучат хорошие: враг разгромлен и отогнан от Москвы, наше наступление продолжается. Слышатся разговоры, что немец окончательно выдохся и вот-вот стремительно покатится на запад, видимо, Наполеона вспомнили. И хотя от столицы до линии фронта меньше сотни километров, уже началась реэвакуация. Надеюсь, что выпуск наших орудий тоже возобновят. Тогда нас, наконец, отправят на фронт, а то капуста в разных видах и пшенный суп, в котором крупинки гоняются за селедочной головой, уже смертельно надоели.

На дворе начало февраля, а мы все еще в запасном полку. Человек ко всему привыкает, вот и я привык к этой жизни. Даже к закидонам Филаткина привык. В январе немцы город почти не беспокоили, только изредка, на большой высоте проходил «юнкерс»-разведчик, а потом опять затишье на несколько дней. Когда появилось больше свободного времени, захотелось осмыслить свое появление здесь и прикинуть планы на будущее.

Вся батарея уже давно спит, и только ко мне сон никак не придет. Я осторожно ворочаюсь с боку на бок под тонким красноармейским одеялом, стараясь не разбудить соседей. Бесполезно, что-то рановато меня начала одолевать бессонница. В конце концов я отбрасываю попытки заснуть и начинаю думать о своей жизни в этом времени.

Итак, что мы имеем в активе? Самое главное, что я до сих пор жив и, в общем, здоров. Более или менее легализовался, во всяком случае, до конца войны меня серьезно проверять уже вряд ли будут. Даже если я попаду в окружение, то, скорее всего, ограничатся запросом в часть, а там подтвердят мою личность. О плене думать не хотелось, лучше сразу сдохнуть, но в жизни все бывает. Что еще? Ну конечно, род войск, в который я попал. Во-первых, почти по специальности, только пушка другая. Во-вторых, до передней траншеи километр-другой всегда наберется. Но обольщаться этим не стоит, сам убеждался, сколько времени нужно немецким танкам на преодоление этого расстояния.

А что у нас в пассиве? Моя легенда шита белыми нитками, и стоит копнуть поглубже, я моментально оказываюсь в застенках НКВД с клеймом «немецкий шпион». А там из меня начнут выбивать явки, пароли, имена сообщников. А поскольку ничего этого я не знаю, то могут и до смерти забить. Бр-р-р, даже холодом потянуло. Да, лучше сидеть тихо и не высываться. В самом лучшем случае меня ждет местная психушка, в худшем – стенка и безымянная могила, или крематорий. Никто и не вспомнит, как звали.

А между тем год нам всем предстоит веселый. Из всей хронологии точно помню только одну дату – 19 ноября, начало нашего наступления под Сталинградом. Немного. А ведь были еще Воронеж, Харьков, Керчь, Вторая ударная, Сычевка... Да много чего было, все и не упомнишь. Может, анонимку написать? Так ведь далеко она не уйдет, а про эти события знаю только то, что они были. И в интернете не посмотришь. Не поверит никто, а автора могут и найти. Тьфу, тьфу, тьфу. Извини, Петрович, случайно вылетело. Остается влиять на события только на микроуровне. Ну хотя бы батареи, да даже одного орудия. Уж это-то мне по силам. Ну да, ну да, не стоит свои силы переоценивать, прикажет Филаткин, и встанешь поперек пути немецких танков, которым плевать на все твои исторические послезнания. Намотают мои кишки на гусеницы и дальше поедут. Ну вот уж хрен! Трое таких мотальщиков уже отъездили, один точно вместе с экипажем. Только бы под гаубичный или минометный обстрел не попасть, тогда вся надежда на глубокую щель, удачу и магию больших чисел.

Интересно, а это вообще наша история или какой-нибудь параллельный мир? Судя по всему, наша. По крайней мере, никаких расхождений или несоответствий я пока не заметил. Правда и знаю я немного, так, пару-тройку дат, но все пока совпадает. И как мое появление здесь скажется на дальнейшей истории? А мое исчезновение из того времени? Конечно, мои действия здесь с исторической точки зрения исчезающе малы, но все-таки. Вдруг подстрелю кого-то не того? Вопросы, вопросы, а ответов нет. Пока нет, да и вряд ли когда-либо будут.

Бух. От негромкого хлопка задрожали стекла в окнах казармы. И еще раз бух. И снова дребезг. Да это же бомбы! Только далеко. Опять посты ВНОС налет проспали.

– Тревога!

Я с воплем катапультируюсь на пол и начинаю лихорадочно одеваться. Народ еще не проснулся окончательно и только хлопает глазами, пытаюсь понять причину беспокойства. Бах! Уже ближе, и еще раз. Бах! Народ кидается к сложенному обмундированию, в проходах сразу становится тесно.

– Тревога! – кричит дневальный по батарее, когда все уже давно на ногах.

Используя свою фору во времени, первым вылетаю из казармы и по ночному морозу рысью на огневую позицию. В небе яркая полная луна и пронзающие ночь сигнальные ракеты. Кто и кому ими сигналит, абсолютно непонятно. Над заречной частью города поднимается зарево, похоже, горит автозавод. Где-то там затыкали малокалиберные зенитки, и небо расцвело трассерами снарядов. Забухали батареи СЗА. Часть этих батарей, прикрывающая завод «Красное Сормово» и железнодорожный мост, размещены на баржах в заливаемой весной части города. Меня обгоняют более молодые.

– Орудие к бою! – кричу я.

– Батарея к бою! – доносится из-за спины голос Филаткина.

Ствол орудия приходит в движение, но куда стрелять абсолютно непонятно. В Брянске мы получали хоть какое-то целеуказание от прожекторно-звуковых станций, здесь их нет. Прибежавший комбат пытается поставить завесу на подходе к ГАЗу с запада. Ночное небо пятнают разрывы наших снарядов. Получается завеса плохо, организовать стрельбу удастся не сразу, а когда наш огонь становится более или менее упорядоченным, раздается:

– Прекратить огонь!

Мы выпустили в ночное небо почти сотню снарядов без всякого результата. Немецкий самолет уже давно улетел. Еще около часа мы находимся на позиции, но повторного налета не последовало. Наконец, нам командуют «отбой воздушной тревоги», и мы идем в казарму досыпать.

– От бисови души. Поспати спокойно не дали, – по-украински ругается кто-то из первого взвода, выражая общее настроение.

До подъема остается не более четырех часов, когда мы добираемся до наших развороченных внезапной тревогой постелей. На этот раз я засыпаю быстро, стрельба из пушки на ночном морозе оказывается отличным средством от бессонницы. И от всяких лезущих в голову мыслей о прошлом. Или о будущем? Что-то совсем я запутался.

Розовое февральское солнце разогнало ночную темноту над городом. В морозный воздух над заречной частью почти вертикально поднимается большой столб черного дыма. Понизу клубится белый пар от тушения пожаров. По городу ходят слухи о сотнях сигнальщиков, указывающих цели немецким самолетам. В данном случае самолет был один, и эффект от бомбардировки далеко не стратегический, а скорее психологический. Для нас этот налет означался внеплановой чисткой орудийных стволов. С наступлением темноты на город напоздло тревожное ожидание, повторится налет или нет. Повторился. Только на этот раз сигнал воздушной тревоги прозвучал еще до того, как упали первые бомбы. А в остальном... Мы все так же пытаемся вести заградительный огонь, так же полосуют темноту сотни сигнальных ракет, а результат опять нулевой. Ночное небо большое и одиночный самолет прячется в нем без труда.

Понимая, что третья бессонная ночь на боеспособности расчетов скажется далеко не положительно, начальство поднимает батарею на два часа позже обычного. Но налеты прекращаются так же внезапно, как и начались. В общем, понятно, что наше наступление выдыхается, и немецкая авиация получила возможность прощупать наш дальний тыл, в частности систему ПВО. В середине февраля был получен сигнал о появлении еще одного немецкого самолета.

Был он или нет, неизвестно. Погода была отвратительная, над городом висела низкая облачность, и мы интенсивно палили в эти облака, не имея никаких данных о высоте, курсе и скорости цели, даже в самом факте ее пролета никто не был уверен. Однако высокое начальство еще уверено в благополучном исходе нашего наступления, и в том, что Поволжье скоро станет недостижимым для немецкой авиации. Поэтому наша подготовка к отправке на фронт вступает в завершающую фазу.

У нас в батарее произошло ЧП. Да, собственно говоря, какое там ЧП, так, мелкое недоразумение. Самое главное, что никто не пострадал, но визгу было... Началось все с того, что прорвало трубу с горячей водой, которая шла из котельной в нашу полковую баню. Новую трубу сразу не нашли, и мыться нас повели в ближайшую городскую. Главное отличие городской бани от нашей заключалось в том, что в ней было два отделения: мужское и женское. Хлопцы из уже побывавших в бане батарей быстро выяснили, что наглухо заколоченная дверь в предбаннике мужского отделения ведет прямо в моечную женского. Поскольку дверь была деревянной, то проковырять в ней дырку не составляло никакого труда, что и было сделано. Информация об интересной дырочке мгновенно распространилась среди красноармейцев, и наша молодежь не замедлила ею воспользоваться.

Быстренько смыв с себя грязь, молодежь дружно рванула в предбанник к заветной дырочке. Однако дырка была одна, а желающих в нее заглянуть много, поэтому к ней выстроилась длинная очередь. Двигалась эта очередь медленно, так как дорвавшийся до зрелища парень не спешил уступать свое место другим страждущим. Время нашей помывки стало приближаться к концу, и стоящие в хвосте заволновались.

– Давай быстрее зырь! Не один ты желающий.

Передние эти требования проигнорировали, и толпа начала напирать на них, пытаясь оттеснить от двери. Те, кто стоял у дверей, упирались. Постепенно около дверей образовалась пылящая свалка, из которой доносились возмущенные крики. В самый неожиданный момент дверной косяк не выдержал, и дверь вместе с косяком рухнула прямо на моющихся женщин. Чудом никого не придавили, но когда куча голых парней начала расползаться посреди женского отделения, то поднялся такой дикий визг, что у всех заложило уши. Самые стыдливые женщины кинулись назад, самые решительные напали на наглецов, пустив в ход мочалки, шайки и прочие принадлежности, попавшиеся под руку. Наши зенитчики позорно сдали поле боя противнику и попытались спастись бегством в свою часть бани, но увлеченные успехом женщины продолжили наступление и ворвались на мужскую территорию.

Умудренная жизненным опытом часть батареи, естественно, не принимала участия в молодежных забавах. Мы спокойно мылись, наслаждаясь теплом и возможностью расслабленно посидеть, держа ноги в горячей воде, когда наших ушей достиг грохот от падения какого-то тяжелого предмета, а затем истошный женский визг. «Старики» бросились к выходу, а навстречу им в двери вломилась толпа молодежи, подгоняемая хлесткими ударами мокрых мочалок. Другая часть молодых искала убежища в раздевалке. Воспользовавшись преимуществом в массе, я пробился вперед и буквально столкнулся с разъяренной фурией лет тридцати пяти. От неожиданности я не придумал ничего лучше кроме как:

– Куда прешь, старая?! Совсем стыд потеряла?!

На мой вкус женщина была низковата, широковата в кости и грубовата лицом, но для своего времени, видимо, самое то. На слова о стыде женщина никак не отреагировала, а вот на «старую» реакция была мгновенная:

– Это я старая? Ах ты!..

Я едва увернулся от мочалки, которой она попыталась хлестнуть меня по лицу. Второго удара я бы не избежал, но в этот момент кто-то из батарейных «дедов» окатил ее, и меня заодно, ледяной водой из шайки. Немного досталось и женщинам, стоящим сзади. Визг

заложил уши. Осознав, что численное преимущество перешло к мужикам, а качественное и подавно на нашей стороне, бабы, растеряв боевой пыл, бросились обратно. Вторая волна катилась от раздевалки. Оттуда вторгшихся шуганули наш старшина и подоспевший заведующий баней. Побоище не завершилось.

– Что здесь происходит?

Старшина и заведующий были единственными полностью одетыми в этом бедламе.

– Да вот, товарищ старшина, бабы взбесились совсем. Видать, оголодали без мужского внимания, вот и лезут, – я попытался перевести стрелки на противоположный пол.

– А почему дверь лежит в женском отделении? – поинтересовался заведующий, углядев слабое место в моей версии.

– А они ее на себя дергали, дергали, вот и додергались, – поддержал меня кто-то из молодых.

– Я вам подергаю, я вам подергаю, – пригрозил старшина, – все причиндалы поотрываю на хрен. А вы, товарищ сержант, солидный человек, интеллигентный, можно сказать, а туда же... Так, взяли дверь и поставили на место. Бегом, я сказал. Не волнуйтесь, товарищ заведующий, дверь мы восстановим.

К вечеру на месте сломанной двери стояла новая. Дверное полотно было обито с обеих сторон оцинкованным железом. За это другие батареи нам почему-то спасибо не сказали. А нас в городскую баню больше не водили, начальство приняло все меры к скорейшему ремонту полковой.

Батарея получила транспорт – шесть трехтонных ЗиС-5. Узнав, чем нам теперь придется буксировать орудия, я впал в уныние, и не только я. ЗиС машина, конечно, для своего времени хорошая, но для пятитонного зенитного орудия все-таки легкая и недостаточно проходимая. Знаю, знаю, немецкие испытания на проходимость трехтонка выдержала с блеском, обставив все немецкие грузовики. ЗиС был спроектирован с учетом наших условий, и обойти на родном бездорожье асфальтовые «блицы» и «мерседесы» ему было нетрудно. Нам же машина нужна не в соревнованиях участвовать, а пушки буксировать. С пушкой на прицепе и снарядами в кузове проходимость трехтонки не улучшится.

И пошел я посмотреть на пепелац, призванный отныне таскать за собой нашу славную зенитку. За нашим орудием закрепили ЗиС с номером В-3-22-12, нарисованным на дверцах кабины и заднем борту деревянного кузова. Машина новая, буквально только с завода. Изготовлена уже по военным нормам: Г-образные крылья, кабина обшита деревянной вагонкой, тормоза на задних колесах, откидной только задний борт, но правая фара на своем месте. Насколько я знаю, такой упрощенный вариант военного времени только пошел в серию. Походил я вокруг машины, даже под нее заглянул, и пришел к выводу, что своей легендарной проходимостью в условиях российского бездорожья ЗиС-5 больше обязан упорству советских солдат, чем своей конструкции. Все-таки колесная формула 4x2 из него вездеход сделать не позволяет, несмотря на хорошую геометрическую проходимость и «зубастые» покрышки или, как сейчас говорят, баллоны.

Тут я заметил, что за моими исследованиями подозрительно наблюдал невысокий красноармеец лет тридцати. В советском шофере, а тем более шофере военном, было что-то такое, что всегда выделяло его хоть в гражданской толпе, хоть в солдатском строю. В эпоху поголовной автомобилизации все смешалось, да и машины стали другими. В Канаде хрупкие женщины стодвадцатитонными карьерными самосвалами управляют, не особенно напрягаясь. А сейчас шофер это фигура, это нужная и хорошо оплачиваемая специальность, которая не даст пропасть почти при любых обстоятельствах. Даже на войне у шофера шансов выжить на порядок больше, чем у пехотинца. Хотя и водителям во время отступления лета-осени сорок первого хорошо досталось. Решив, что это и есть наш водитель, я направился к нему.

– Красноармеец Ерофеев, – представился тот и добавил: – Александр Николаевич.

Я тоже представился и продолжил:

– Будем знакомы, Александр Николаевич, я командир орудия, к которому вас прикрепили. Ну, как агрегат?

– Хороший агрегат, только с конвейера. Полсотни только пробежал своим ходом...

Разговорились. Выяснилось, что шофер Ерофеев был мобилизован вместе со своим грузовиком со стройки металлургического завода в Челябинской области. Попал он в автомобильный батальон Западного фронта и вместе с этим автобатом угодил в окружение под Вязьмой, где и бросил свой ЗиС, когда закончилось горючее. Не осталось даже на то, чтобы поджечь машину, а чтобы взорвать, не было ни грамма взрывчатки. Машину просто столкнули с дороги, и водитель Ерофеев по приказу командира взвода собственноручно изуродовал машину, на которой работал до этого почти три года. Проколот баллоны, пробил радиатор, вырвал и выбросил провода в моторе, разбил приборы управления. И дальше пошел пешком, потому что это была последняя машина автомобильного взвода, остававшаяся на ходу.

После долгих мытарств выхода из Вяземского котла красноармеец Ерофеев угодил в фильтрационный лагерь. К счастью, ненадолго, всего на неделю, так как вышел из окружения в составе своего подразделения, пусть и без техники. Из лагеря группу шоферов направили в запасной автотракторный батальон, находившийся в Казани, где он и промаялся почти всю зиму вместе с такими же «безлошадными». В конце февраля группу шоферов отправили в Ульяновск на недавно построенный автомобильный завод, где они приняли новенькие трехтонки и немного обкатали их. После чего их погрузили на платформы и отправили в город Горький. Так и попал Александр Николаевич в запасной зенитный артиллерийский полк. А уже здесь его определили в нашу батарею.

– Как думаешь, Александр Николаевич, потянет?

Тот оценивающе уставился на одно из орудий.

– Сколько?

– Считаю пять тонн. Плюс снаряды в кузове и расчет, еще пара тонн наберется.

Водитель только покачал головой.

– По шоссе на второй передаче еще пойдет, а чуть с шоссе на грунтовку свернем... Особенно если распутица. Или летом дожди сильные будут.

– Или зимой снег, – продолжил я, – короче, все понятно – без трактора никуда. Ну что, Александр Николаевич, воевать вместе будем.

Поначалу весь расчет, вслед за мной, Ерофеева уважительно звал Александром Николаевичем. Но очень быстро выяснилось, что на свое имя и отчество наш водитель реагирует не сразу, а вот на Колянныча отзывается мгновенно. Так и остался наш водитель без имени, только с отчеством.

А Петровича мы чуть было не потеряли. Он вроде при нашем расчете так и числился, вместе с нами в новую батарею и перекочевал. Являясь единственным транспортным средством и тягачом, естественно, всем был нужен и незаменим. Но как только батарея получила положенный по штату транспорт, Филаткин припомнил Петровичу забастовку и решил убрать его из батареи. Узнав об этом от нашего взводного Шлыкова, я, нарушая субординацию, рванул к комбату, пытаясь опередить роковой приказ.

– Товарищ старший лейтенант, оставьте трактор в батарее...

– Отставить! Вы как обращаетесь к среднему командиру?! – обрывает меня комбат.

Впопыхах я о страсти Филаткина к внешнему проявлению дисциплины просто забыл. Повторяю подход строевым шагом, щелкаю каблуками сапог и вскидываю правую руку к виску.

– Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант.

– Обращайтесь, товарищ сержант, – разрешает комбат.

– Оставьте трактор и красноармейца Семяхина в батарее...

– Зачем нам нештатная техника? Трактору керосин нужен и запчасти. К тому же он на первом марше от нас отстанет, ему за ЗиСами не угнаться.

– Через месяц распутица начнется, трактор за грузовиками не гоняться будет, а на себе их таскать. Он сюда практически своим ходом из Барановичей пришел и орудие наше притащил. Нам ни одной шестеренки никто не дал, а керосин найдем.

– Нашу батарею в тыловой район пэвэо отправляют, ничего ему таскать не придется.

– Тем более, товарищ старший лейтенант, ему и гоняться ни за кем не придется. А снаряды от шоссе привезти? Пушку с огневой позиции вытащить? Здесь лучше трактора ничего нет...

До сих пор не пойму, почему меня Филаткин просто не послал обратно в батарею. Минут пятнадцать я его уговаривал. И уговорил-таки, оставили нам Петровича вместе с СТЗ. Под мою личную ответственность в батарею появилась сверхштатная техника.

Между тем в батарею заполняются последние дырки в штатном расписании. На место санинструктора батареи назначена Октябрина Ивушкина. Просто удивительно, насколько фамилия не соответствует внешности. Ей бы больше подошла Жабина или Бульдозерова. Низенькая, полная, большеротая с плоским, абсолютно невыразительным лицом, Октябрина с первых же дней начала строить глазки нашим средним командирам. Филаткин уже женат, а наши взводные от ее улыбок воротят носы. Но это только пока, в тыловом городе они легко могут найти женщину, согласную приглубить молоденького лейтенантика, а на фронте, где кроме санинструктора на три версты ни одной юбки, Ивушкина возьмет свое. Сдается мне, что и в армию она, дура, пошла, чтобы замуж выскочить. Сильно сомневаюсь, что это у нее получится, но на гражданке у нее шансов точно нет. Вот только санинструктор из нее, похоже, хреновый. Как бы не пришлось нашим артиллеристам своими жизнями платить за решение личных проблем Октябрины Ивушкиной. Впрочем, мы не стрелковая рота и в атаку нам не ходить, авось пронесет.

Последним, на должность командира взвода управления, приходит лейтенант Соколов. Вот только сокол этот малость подмок. Лейтенант успел повоевать осенью сорок первого года, и не очень удачно. Вместе с отдельным зенитным артиллерийским дивизионом он, как и Коляныч, попал в Вяземский котел. Затем Соколова долго держали в фильтрационном лагере, откуда он загремел в один из госпиталей Горького с двусторонним воспалением легких. Немного оклемавшись, он попал в наш запасной зенит, а полковое начальство спихнуло его в батарею, убывающую на фронт. От лейтенанта Соколова остались, как говорится, только кожа да кости, а тыловая норма питания нарастанию мяса не способствует. Но главное, сломался в лейтенанте внутренний стержень, он ушел в себя, и мало обращает внимания на то, что происходит вокруг. Даже команды подает как-то отстраненно, по расположению передвигается, как сомнамбула с потухшим взглядом. Может, еще и отойдет, а если нет, то хлебом мы с таким командиром взвода управления.

День, которого все так долго ждали и которого многие боялись, наконец, наступает – завтра наша батарея отправляется на погрузку в эшелон, и далее на фронт. Куда именно, не сказали – военная тайна, которую мы все равно узнаем через пару дней. Сразу у всех нашлась масса неотложных дел, которые просто необходимо завершить до завтра. За два с лишним месяца мы все вросли в эти казармы из красного кирпича, и отрываться от них кажется уже невозможным. Последнюю ночь на старом месте я долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок. Отвык за время спокойной тыловой жизни от присутствия смертельной опасности, и сейчас страх холодной и липкой змеей норовил залезть в сердце.

– Батарея, подъем!

Последний раз прокричал дневальный, и мы по привычке повторяем утренний ритуал, осознавая, что все уже по-другому. Остающиеся смотрят на нас по-разному: кто-то с завистью, кто-то с сочувствием, многие равнодушно, а некоторые прячут глаза. Стыдятся своей радости,

что не им, а нам выпал жребий первыми отправиться в мясорубку фронта. Батарея последний раз проходит по плацу и погружается в лихорадку окончательных сборов. Особенно свирепствует старшина, следя за погрузкой своего барахла, которое он называет военным имуществом. Наконец все распихано по кузовам машин, орудия прицеплены, и перед нашей колонной распахиваются ворота. Как и предсказывал Филаткин, на городских улицах, хорошо укатанных транспортом, СТЗ отстает от ЗиСов, даже с прицепленными пушками. Но не сильно, на станцию он добирается, когда первый ЗиС всего минут пять шлифует задними колесами обледневший пандус.

– Раз, два, взяли-и!

Первый взвод, облепив орудие, пытается помочь грузовику, но не преуспевает в этом. Вчера была оттепель, и ночной мороз превратил довольно крутой подъем в непреодолимое препятствие, по которому подошвы красноармейских сапог скользят так же, как и покрышки грузовиков. СТЗ с этой задачей справляется почти без нашей помощи, да и маневренность у него лучше, чем у ЗиСа. Петрович демонстрирует виртуозное управление и меньше, чем через час он уже втаскивает на платформу последний ЗиС. В отведенное на погрузку время батарея почти уложилась. Мы размещаемся на сколоченных в теплушке нарах, Елифанов закрывает деревянную дверь и начинает растапливать буржуйку. Скоро внутри вагона станет чуть теплее, чем на улице. День заметно увеличился, и сильных морозов днем уже нет, но ночью довольно холодно. Гудит паровоз, лязгают буфера. Поехали.

Глава 6

Решение никак не находилось. Ну как обеспечить необходимую чувствительность защиты, если при таком диапазоне мощности источника и длине линии, минимальный ток короткого замыкания лишь незначительно превышает рабочий ток? А никак, хоть головой об стену. А тут еще над ухом орут, думать мешают. И чего они, в самом деле, так разорались?

Дух-дух, дух-дух, дух-дух, дух-дух, неторопливо постукивают на стыках колеса эшелона. Дверь теплушки сдвинута в сторону и в нее задувает холодный воздух. Почти все обитатели нашего вагона собрались около нее, высовываются наружу и что-то кричат. Секунд двадцать я пытался проснуться и понять, что произошло, и о чем кричат собравшиеся в проеме дверей. Когда я понял, то сон с меня как рукой сняло. Работая локтями, пробился в первый ряд и, высунувшись в ледяной поток воздуха, заорал стоявшему на тормозной площадке часовым Коновалову:

– Прыгай!

Сашка меня услышал, но к его растерянности только добавилось удивление.

– Прыгай! Прыгай, я приказываю!

Вбитая за месяцы, проведенные в запасном полку, привычка к выполнению приказов сработала, и, оттолкнувшись от ступеней площадки, он кубарем полетел по заметенному снегом откосу железнодорожной насыпи.

– О-й, е-о-у!

Я прыгаю вслед за Коноваловым. Хорошо хоть спал в шинели и в шапке с завязанными под подбородком ушами. Снега намело много, да и скорость эшелона в повороте не превышала тридцати километров в час. Поэтому прыжок обошелся почти без последствий, только лицо и все щели в одежде залепило колючим, холодным снегом. Зрение вернулось, когда я смог протереть руками лицо. Мимо проплывают платформы с орудиями и грузовиками. А этот любитель поспать на посту где? Вот он, голубчик! Ломится по глубокому снегу вдоль насыпи, только снег летит в стороны. Я подождал, пока пройдет эшелон, и поднялся по насыпи наверх. По рельсам идти проще и я быстро догоняю Коновалова, тот на лошадиной дозе собственного адреналина продолжает бежать по глубокому снегу.

– Стой! Раз, два!

Сашка замирает и удивленно пялится на меня.

– Товарищ, сержант, а вы...

– Да я, я. Поднимайся, пошли винтовку искать.

Представляете, этот оболтус ухитрился задремать на посту и проснуться только тогда, когда его винтовка, лязгнув, улетела под откос. Не придумав ничего лучше, начал орать, благо взвод наш ехал в той же теплушке. За потерю боевого оружия красноармейца Коновалова ждал трибунал. Без вариантов. В стрелковом полку потерю винтовки, может, и удалось бы скрыть, списав ее как поврежденную или утерянную в бою, но в зенитной батарее такие фокусы не пройдут. Вот и приказал я Сашке прыгать – если найдет свое оружие, то, может, и выкрутится. А сам я прыгнул, потому что нельзя его одного оставлять. Восемнадцать лет парню, кроме своего партией забытого района ничего не видел, по железной дороге второй раз в жизни едет.

Сашка забирается на насыпь, и мы рысью движемся в обратную сторону. Надо торопиться – найдет винтовку путевой обходчик, и все. Боевая трехлинейка с пятью патронами ему в хозяйстве пригодится. А если честный попадется, и сдаст найденное оружие куда надо, то по номеру Коновалова быстро вычислят, и еще хуже будет. Хотя куда уже хуже. Пока Сашка до наших докричался, пока я проснулся, пока понял, минуты три-четыре прошло, а при такой скорости это полтора-два километра. Проверить эти пятьсот, а с учетом допуска восемьсот-девятьсот метров железнодорожного полотна будет трудно, снегу по краям намело много.

– Ты когда проснулся, что-нибудь увидел?

– Что увидел? – не понимает Сашка.

– Ну, столб, дерево, может, проезжали...

– Рельсы на краю были сложены.

Так, уже легче. Первый штабель с рельсами нам попадается метров через пятьсот. Это явно не тот, слишком близко. Второй лежит через километр от первого. Мы идем, тщательно осматривая сугроб на откосе. Хорошо, что нет ни снега, ни ветра, а то замело бы дырку и хрен бы мы ее нашли. А так, метров через сто я замечаю в сугробе узкую щель.

– Проверь, только осторожно. Топчи поменьше.

Сашка лезет вниз и через минуту поисков в снегу выпрямляется с радостным воплем, вскидывая над головой свою трехлинейку с примкнутым штыком. В винтовку вцепился обеими руками, как будто боится, что она опять выскользнет и исчезнет в сугробе. Когда он поднимается на насыпь, то я от радости отвешиваю незадачливому часовому отеческий подзатыльник. Сашка только втягивает голову в плечи и прячет виноватые глаза.

– Штыкними, а то еще глаз себе выколешь.

Коновалов меняет положение штыка на винтовке, и мы идем догонять ушедший эшелон, а это ой как нелегко будет. Обратно также идем по путям. Мартовское солнце пробивается сквозь облака и уже заметно пригревает. Самое тяжелое зимнее время мне удалось пережить в относительно комфортных условиях советской казармы. Комфортных по отношению к условиям на передовой, конечно. Приблизительно через час и пять километров пути мы добираемся до небольшой станции. За это время нас обгоняет еще один воинский эшелон, похожее движение на этой ветке довольно интенсивное. На станции мы находим начальника и объясняем ему ситуацию. Пожилой, грузный мужчина в железнодорожной шинели ведет нас в свой крохотный кабинетик. Там он начинает крутить индуктор вызова черного телефонного аппарата, висящего на оклеенной выцветшими обоями стене.

– Маша! Это Никифоров. Михалыча мне дай. С Михалычем говорю, соедини.

Неведомый Михалыч отвечает где-то через минуту, и начальник станции излагает ему ситуацию.

– Николай Михайлович, у меня тут два солдатика от эшелона отстали. Нет, не от этого, зенитчики они. Ну да, видимо, он. Еще стоит? Уже отправляется? А как же... Хорошо, жду.

Пока Никофоров ждет решения неведомого Михалыча, телефонистка Маша разъединяет долго молчащую линию. Начальник станции снова крутит ручку индуктора.

– Маша! Никифоров это. Мне снова Михалыча дай. Знаю, что линию долго занимаем, но очень надо. Надо, Машенька, надо.

Телефонистка, смилостивившись, снова соединяет с Михалычем, тот отвечает еще минут через пять.

– Слушаю, Никифоров. Так, так... понял, хорошо, Николай Михайлович, постараемся успеть. До свидания, Николай Михайлович.

Начальник станции вешает большую черную трубку и поднимает на нас свои усталые глаза, окруженные сеткой мелких морщин.

– Значит так, ваш эшелон только что ушел, но приблизительно через час в Грязи прибывает литерный эшелон, меняет там паровоз и идет вслед за вашим. В Усмани он его догонит и перегонит, это ваш единственный шанс.

– Не возьмут нас в литерный, – падаю духом я.

– Может, и не возьмут, – соглашается Никифоров, – Михалыч с военным комендантом обещал поговорить, авось тот поспособствует.

– А далеко до этих Грязей?

– Двенадцать километров, – отвечает начальник, – Грязи большая станция, узловая.

– За час дойти не успеем.

– Успеете, я вам дрезину дам, – успокаивает нас Никифоров, – только Михалычу, то есть начальнику станции Семенову, обязательно ее сдайте.

Раз, два, раз, два, вверх, вниз, вверх, вниз. Я такие конструкции только в кино видел, но никогда не думал, что самому придется поработать приводом такой штуки. Поначалу мы разогнались километров до пятнадцати, но уже через три километра у меня начинает ломить спину, а через пять я окончательно выдыхаюсь. А Сашка продолжает работать своим рычагом как ни в чем не бывало. Вот уж двужильный парень, и это без всякого спортивного железа, культуризма и бодибилдинга. Только хорошие гены, ничем не отравленная экология и физический труд на свежем воздухе. Даже полуголодная кормежка в запасном полку не смогла подорвать здоровье заряжающего. Раз, два, раз, два, вверх, вниз, вверх, вниз. Дорога пошла на подъем, Коновалов один уже не справляется, скорость падает, и я опять впрягаюсь в эту качку.

Входную стрелку узловой станции проскакиваем, когда приближающийся султан паровозного дыма уже хорошо виден. За стрелкой, на основном пути нас уже встречает высокий худошавый старший лейтенант – военный комендант железнодорожной станции Грязи. Наша попытка скинуть дрезину с рельсов успехом не увенчалась, мы совсем выдохлись, пока доехали. На помощь нам приходит комендант, и мы втроем освобождаем путь уже под пронзительный свисток.

Мимо нас проезжает тормозящий паровоз, окутанный клубами белого пара. На несколько секунд мы глохнем и слепнем, а когда зрение и слух возвращаются, мимо нас, лязгая сцепками, проходят платформы с непривычного вида танками. Из башен танков торчат тонкие стволики пушечек. Как я понимаю, это английские «Матильды». Или «Валентайны»? До различия этих типов мои познания не доходят.

– Ну, что встали, разгильдяи? Трибунал по вам плачет, – приветствует нас комендант, – за мной, шагом марш, попытаюсь спасти ваши безмозглые башки.

Сашка подхватывает свою злополучную винтовку.

– А дрезина? – Вспоминаю я требование Никифорова сдать транспорт начальнику станции.

– Времени нет, – отрезает комендант, – эшелон всего минут десять стоять будет.

Начальником эшелона оказывается невысокий майор-танкист, одетый в кожаную тужурку, несмотря на еще холодные дни. Старший лейтенант излагает майору ситуацию, тот проходит по нам пристальным взглядом и коротко бросает:

– Документы!

Мы предъявляем наши красноармейские книжки без фотографий. Майор внимательно их просмотрел, только что на зуб не попробовал.

– Значит, не бросил бойца?

– Так точно, товарищ майор, не бросил.

– А если он и в боевой обстановке так же заснет?

– Один раз кто угодно оступиться может, надо было дать парню шанс. Этот случай для него хорошим уроком будет.

Сашка молчит, не рискуя смотреть майору и коменданту в глаза.

– А не боишься, что тебя вместе с ним за дезертирство шлепнут.

– Боюсь, товарищ майор, но...

– Сам погибай, а товарища выручай. Так?

– Так точно, товарищ майор!

Танкист протягивает мне наши книжки.

– Ладно, подбросим вас до Усмани, лезьте в вагон, скоро отправляемся.

По большому счету майор, конечно, прав – Сашку за сон на посту и потерю оружия следовало примерно наказать, чтобы другим неповадно было. Но, с другой стороны, зачем губить восемнадцатилетнего полуголодного парня, выставленного в одиночестве на тормозную площадку под усыпляющий, монотонный перестук колес?

В вагоне мы попадаем в окружение танкистов, заинтересованных появлением новых персонажей.

– Артиллеристы? – интересуется местный вариант Васи Теркина.

– Зенитчики.

– Зенитчиков я уважаю, – подхватывает вагонный балагур, – вот у нас по осени случай был. Повадились «юнкеры» нашу оборону бомбить, а у нас, как назло, ни одной зенитки в бригаде нет. Они же, сволочи, каждый день прилетают и бомбят, прилетают и бомбят.

Вагон дергается, лязгая буферами, и начинает неторопливо ускоряться. Танкист делает паузу в рассказе, подогревая интерес слушателей, один из которых не выдерживает:

– Ну, а дальше что было?

– А дальше наш полковник в штабе армии целый дивизион автоматических зениток выбил. Командир дивизиона – майор, походил по расположению бригады, с людьми поговорил, все расспрашивал: когда немцы прилетают, откуда заходят. Выяснил все – и поставил свои зенитки точно на пути «юнкеров». На следующий день прилетели стервятники, один за другим выстроились и только пикировать начали, как зенитчики дали из всех стволов! Все семь «юнкеров», один за другим, в землю вогнали! Вот с тех пор я зенитчиков и уважал.

Рассказчик оборачивается ко мне, как бы ища поддержки, но я жестоко его обламываю:

– Брехня все это.

– Как брехня?! Ты сам там был? – Возмущенно подается ко мне уличенный во лжи, всем своим видом показывая, что чуть ли не кулаками готов доказать правдивость своей истории.

– Сядь.

Невысокий крепенький танкист со старшинскими треугольничками в петлицах толчком руки отправляет забияку на место и обращается ко мне:

– Обоснуй.

– Во-первых, «юнкеры» семерками не летают, чаще девятками или полным штаффелем, так по-немецки эскадрилья называется. Во-вторых, один за другим они пикируют, только когда точный объект бомбят, мост или капэ. А оборона бригады по фронту сколько занимает? Да

и зачем им одно и то же место каждый день бомбить? А самое главное, даже целым дивизионом «лаптежника» на пикировании трудно сбить. Один-два еще может быть. Три – это очень большая удача. А чтобы всех – брехня.

– Слышали? – обращается к собравшимся старшина. – А ты, Федосеев – трепло. Всего неделю на фронте был, а разговоров на целый год.

Возразить старшине Федосеев не рискует и, что-то ворча под нос, убирается на нары в угол вагона. Осадивший его танкист приглашает нас ближе к печке и начинает расспрашивать, разговор с ним я беру на себя.

– Где воевал?

– От Днепра до Ельца, зиму в запасном полку кантовались.

– И как воевал?

– Да по-разному. Стреляли, отступали, под Брянском из окружения выходили.

– Понятно. А хоть одного сбил?

– Нет. Под Ельцом зацепили одного, да он все равно ушел. Зато три танка подбили, – не удержался, похвастался.

Брови старшины ползут вверх.

– Три?

– Не сомневайтесь, товарищ старшина, даже справки на все три есть.

– А ты, оказывается, орел, сержант. У меня только два, да и то последний...

Глаза танкиста темнеют от тяжелых воспоминаний. Справившись, он продолжает:

– А к нам какими судьбами?

Я рассказываю. Танкисты сочувственно слушают, когда заканчиваю, старшина высказывает свое мнение:

– Вы всего часа три отсутствовать будете, может, и пронесет, если комбат вашу историю раздувать не станет. Батарея в составе сборного эшелона идет, и пока докладывать ему просто некому, а к месту назначения весь личный состав и оружие будут в наличии. Так что в дезертирстве вас обвинить трудно, разве что в самовольной отлучке.

– А зачем комбату чепэ на батарею вешать? Хотя все может быть.

– А ты, – обращается танкист к Сашке, – по гроб жизни ему обязан. Считаю, от расстрельной стенки он тебя отгащил. Понял?

– Так точно, понял, – виновато тянет заряжающий, всем своим видом демонстрируя полное раскаяние.

Я попытался перевести разговор в другое русло.

– А это у вас «матильды» или «валентайны»?

Старшина удивляется:

– А откуда ты...

– Откуда знаю? Про ленд-лиз слухом земля полнится. Вот вижу впервые, хотя по уму надо бы нам хоть силуэты знать, а то врежем по своим с перепугу да от незнания.

– «Матильды» это, – открывает военную тайну старшина. – «Валентайн» тот поменьше будет, хотя башни у обоих похожи и пушка одинаковая.

В этот момент один из танкистов снимает с буржуйки кипящий чайник.

– Угостите-ка чайком наших гостей, – распоряжается старшина.

И в наших руках оказываются две кружки. Назвать эту жидкость чаем язык не поворачивается. Танкисты заварили какую-то сушеную траву, о сахаре речи не идет. Обжигая рты и руки, осторожно глотаем «чай», от которого по телу разливается приятное тепло. Между тем меня заинтересовало мнение старшины об английской иномарке.

– Ну и как она?

– Тесная, места мало, ты бы там вообще не поместился. Зато броня как у кавэ, хорошая броня, тридцатисемимиллиметровок немецких можно совсем не бояться, только если гусеницу

перебьют. А ходовая паршивая, клиренс маленький, вязнет и в снегу, и в грязи. Дизели слабые...

– Дизели?!

С одной стороны, мое удивление вызвано как самим наличием дизельного двигателя на английском танке, так и их количеством. Когда-то читал, что одна из модификаций американского «шермана» имела два дизеля, но подобное решение английских инженеров стало для меня сюрпризом.

– Да, два дизеля, – подтверждает мою догадку танкист, – причем правый и левый отличаются немного, один вместо другого не воткнешь. Что еще? Скорость маленькая, еле-еле двадцать километров в час выжимают. Ну, пушку ты сам видел, снаряды только бронебойные, пехоту даже шугануть нечем.

– Да-а, подарок от английского пролетариата.

– Ладно, танк. Он ведь не сам по себе воюет. Воюет экипаж, а в этом вагоне тех, кто успел повоевать, по пальцам одной руки пересчитать можно. Федосеев и тот чуть ли не ветераном считается. У механиков по три-четыре часа наезд, из пушки боевыми всего два раза стреляли.

– И как же вы воевать собираетесь?

– А вот так и собираемся, не хуже других. Если сразу в бой не пошлют, то будет возможность подучить молодежь хоть маленько. А то еще новую машину толком не освоили.

Осваивать будут уже в бою. От рассказов танкиста мне стало грустно, не завидовал я ему. Хоть и прикрыт он в бою толстой броней, а от подкалиберного или кумулятивного снаряда его танк беззащитен. «Колотушки» в немецкой ПТО уже заменяются более мощными пятидесяти-миллиметровыми пушками. А сколько сюрпризов более крупного калибра ожидает старшину в следующем году. Если он до него доживет, конечно.

Между тем лязг буферов возвестил о снижении скорости эшелона, приближалась станция Усмань, где ждало нас с Сашкой решение дальнейшей судьбы. Сердце заняло от нерадостных предчувствий. Дверь теплушки с грохотом отъехала в сторону и в проеме поплыли пристанционные здания. Паровоз свистит, шипит контрпаром, и вагон, лязгнув последний раз, замирает. Нашего эшелона на станции не видно, наверное, он с другой стороны вагона.

– Ну, бывай, старшина, – прощаюсь я с танкистом, – может, когда и свидимся. Сашка, чего копаешься?

– И тебе удачи, сержант, – отвечает старшина.

Мы спрыгиваем на землю и ныряем под вагон. А вот и наш эшелон, дымится трубами буржук, темнеет брезентом орудий и поблескивает штыками часовых у вагонов. Мелькнула трусливая мысль – проскочить в свой вагон, прикинуться ветошью и не отвечивать, дескать, мы и не отлучались никуда. Но то, что наша отлучка прошла незамеченной для начальства – относится к ненаучной фантастике. Решив, что неприятности надо встречать лицом к лицу, а не поворачиваться к ним задом, я решительно направляюсь к вагону, в котором расположился взвод управления и отделение материального обеспечения, а также комбат и санинструктор. Сашка со своей злополучной винтовкой едва поспевает за мной.

Часовой у вагона нас узнает и пропускает без звука. Дверь вагона, по причине сбережения тепла, закрыта наглухо, и приходится несколько раз стукнуть по ней кулаком, прежде чем она покатила в сторону. Платформы на запасных путях нет, пол теплушки оказывается на уровне моей груди, а у заряжающего над ним только голова торчит. В вагон нас буквально втаскивают за руки. За левую меня тащит сержант Федонин и, как только я оказываюсь на ногах, подмигивает мне, не рискуя ничего сказать вслух. И как это следует понимать? Все в порядке?

– Явились?

Сергея делает шаг в сторону, и мы оказываемся перед комбатом.

– Так точно, явились, товарищ старший лейтенант.

– А ты что, язык проглотил?..

Филаткин характеризует умственные способности Коновалова очень нехорошими словами. Такими, что даже в этой ситуации режут слух.

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – еле слышно бормочет Сашка.

– Не слышу! – взрывается комбат.

– Так точно, явились!

Коновалов почти кричит, ох, как бы не сорвался парень.

– Значит так, – принимает решение Филаткин, – прибудем на место – решим, что с вами делать. А пока ты идешь постоянным часовым на свой пост, до самого конца пути.

Указательный перст комбата нацеливается на широкую грудь красноармейца Коновалова.

– А ты, – палец смещается левее, – будешь стоять вместе с ним и контролировать, чтобы этот... часовой опять не заснул.

– Есть контролировать!

– Есть заступить на пост!

– Идите!

Комбат отворачивается и идет в глубину вагона, давая понять, что разговор с нами закончен. Мы быстренько сваливаем, чтобы дальше не нервировать начальство своим присутствием. Судя по первым впечатлениям, есть шанс отделаться дисциплинарным взысканием – не станет комбат шум поднимать, невыгодно ему это. К тому же сам он вырван из привычной среды и едет, как и большинство батарейцев, в неизвестность. И неизвестность эта его пугает – там ведь и убить могут, а судя по рассказам уже побывавших на фронте, вероятность такого исхода довольно высока. Но если со стороны Филаткина подянки не последует, то надо будет припугнуть парочку неблагонадежных, потенциально склонных к стукачеству, но в оном пока не замеченных.

Прежде чем сменить часового, мы заскакиваем в свой вагон, нас там встречают почти как воскресших из мертвецов. Выясняется, что Шлыков доложил комбату о нашем побеге только при остановке на станции Грязи, сразу, как только смог. Можно понять лейтенанта – буквально у него на глазах красноармеец и младший командир дезертировали из эшелона на ходу. Есть от чего обалдеть. Сообщив взводному решение комбата, отправляемся менять часового.

Еще до отправления к нам подходит сержант Федонин.

– Не бойсь, все нормально будет.

– Да я уже понял, что комбат сор из избы выносить не будет. Твоя работа?

– Моя, – ухмыляется Серега, – я ему кое-что объяснил. Да он и не сильно брыкался.

– Ну да, – соглашаюсь я, – особысты всех затаaskaют и самого комбата на карандаш возьмут. Что он сказал?

– Если до Воронежа догоните эшелон, то он рапорт писать не будет, а если нет.

Сергей понижает голос так, чтобы Сашка его не услышал:

– Я тут кое-кого пообещал удавить, если эта история всплывет. Похоже, прониклись.

– Спасибо.

– Сочтемся, нам с таким командованием вместе держаться надо. Ладно, пошел я, загрузка тендера заканчивается, скоро поедем.

Мы тоже забираемся на ступени площадки вагона. Эшелон трогается. Едем мы молча. Вижу, что Сашка хочет что-то сказать, но не решается. Наконец, он не выдерживает.

– Простите меня, товарищ сержант, подвел я вас. Я никогда больше... ей богу. Вот вам крест.

И он истово начинает креститься, на глазах у парня наворачиваются слезы.

– Бог простит, – автоматически вырывается у меня.

Некоторое время мы молча трясемся на тормозной площадке, продуваемой холодным мартовским ветром. Молчание опять нарушает Сашка:

– А вы верующий, товарищ сержант?

Даже не знаю, как ответить на этот простой вопрос, и надолго задумываюсь. Золотой крестик на золотой же цепочке, аккуратно зашитые в потайной карманчик с внутренней стороны вещмешка – единственная вещь, которая осталась от прежней жизни. Носить их опасно. Ношение православных крестов здесь вообще не приветствуется, хотя никаких официальных репрессий к носящим не применяется, а у этого уж больно нездешний вид. Поэтому и спрятал я его подальше.

– Крещеный я. А что касается веры, то под артиллерийским обстрелом, Сашок, каждый во что-нибудь верит. Кто в Бога, кто в судьбу, некоторые в свою счастливую звезду, а кто-то в теорию вероятностей.

Разговор надолго прерывается. Парень задумывается, крепко вцепившись в свою винтовку. Я тоже думаю и никак не могу решить, во что же я верю больше: в Бога или в теорию. Дух-дух, дух-дух, дух-дух, дух-дух, неторопливо постукивают на стыках колеса эшелона, неторопливо везущего нас на юг.

Часа через два, когда мы уже окончательно замерзли, появились признаки приближения большого города – Воронежа. Сначала эшелон оказался на запасных путях большой станции. После небольшой стоянки вагоны и платформы с нашей батареей отцепили, и маневровый паровозик, потаскав нас туда-сюда минут десять, наконец, подогнал их к разгрузочному пандусу. Стало ясно – Воронеж и есть конечный пункт нашего назначения, так что мы с Коноваловым легко отделались, но не думаю, что на этом наше наказание будет закончено, комбат придумает что-нибудь еще. А пока в вечернем воздухе звучат команды, расчеты убирают крепления техники и орудий, водители пытаются завести моторы своих ЗиСов. Завестись удалось не всем, неподвижную технику разгружают с помощью трактора. Только за идею оставить СТЗ и Петровича в батарее Филаткин мне должен, но он, видимо, об этом и не догадывается.

Ночь проводим в железнодорожном пакгаузе. Холодно, костры жечь запрещают. Народ пытается спать прижавшись друг к другу, переворачиваемся на другой бок по команде. Зато утром нас прилично кормят из прибывшей полевой кухни, прощай тыловая норма. По фронтовой норме красноармейцу в день полагалось девятьсот граммов хлеба зимой и восемьсот летом, сто восемьдесят граммов крупы, мясо, тридцать пять граммов сахара и сто граммов водки во время боев. Проблема была в том, что пока все положенное добиралось до солдатского котла, то по пути здорово сокращалось в весе и объеме – крали наши тыловики без зазрения совести, как только могли. Поэтому, чем короче была цепочка посредников между продовольственным складом и солдатской кухней, тем более боец был упитанным и довольным жизнью.

От повара мы узнаем, что попали в Воронежско-Борисоглебский дивизионный район ПВО, а именно в его западный сектор. Слово «западный» мне не нравится, насколько я помню, немцы до Воронежа дошли этим летом, но полностью взять его не смогли. То есть летом есть шанс оказаться на переднем крае, даже не двигаясь с места. Поэтому лучше бы мы попали в восточный сектор. Основу ПВО западного сектора составляет зенитный артиллерийский полк СЗА, в который и вливается наша батарея в полном составе. Едва мартовское солнце разгоняет утренние сумерки, в пакгаузе появляется незнакомый капитан, как оказалось, помощник начальника штаба полка. Сразу начинается суэта, водители заводят машины, к машинам цепляют орудия, в кузова грузовиков грузят то, что успели выгрузить вчера вечером. Наконец, когда суматоха немного стихает, раздается команда:

– По машинам!

Кроме всякого батарейного барахла, в кузове нашего ЗиСа лежит еще полтора десятка ящиков со снарядами, поэтому для расчета места остается совсем немного, ехать приходится стоя. Замечаю, что СТЗ Петровича сразу отстает, надеюсь, едем мы не очень далеко. Так и оказалось. Километра через четыре от городской черты перед нашими машинами показалась автомобильная переправа через большую реку, как я понимаю – Дон. Наша куцая колонна

останавливается метров за сто, не доезжая до нее. Справа и слева от дороги широкие поля, укрытые подтаявшим снегом. Около переправы небольшая роща, вид которой греет мое сердце – бревна для землянок не придется возить издалека. Пока мы выгружаемся, подтягивается трактор со старшиной и его имуществом.

В последнее время я стал хорошим землекопом. Я могу копать и днем, и ночью. Могу копать штыковой, могу совковой и большой саперной тоже могу, только малой пехотной еще копать не доводилось. Я копал рыхлый белорусский песок, копал твердый российский суглинок, теперь копаю жирный воронежский чернозем. Сначала мы копаем позицию для батареи, потом каждый расчет копает свою землянку, потом мы копаем землянку для среднего состава, потом копаем землянку для санинструктора, землянку для старшины с его имуществом, потом отдельную землянку захотел себе комбат. Три недели мы копаем с утра до вечера, немецкие самолеты нас не беспокоят. Батарея уже готова вести огонь, но ни один немецкий разведчик пока не заходил в наш сектор.

В землянке мы соорудили печку из старого ведра. Когда ее затопили, промерзшая земля начала оттаивать. Лед превратился в воду, вода в пар. Внутри было почти как в бане, земля просохла только через четыре дня, и в землянке стало совсем уютно. По крайней мере, спали мы в тепле, что в наших условиях много значило. Берег Дона здесь невысокий, грунтовые воды близко и землянки вырыты такие, что невозможно стоять в полный рост. Для освещения используем телефонный кабель, он сильно коптит, распространяя зловоние и копоть, оседающую на лицах.

Коновалов своим топором творит чудеса. Перекрытие в два наката для землянки расчета у него вышло ровным и аккуратным. Посмотрев на его работу, Филаткин бросает наш расчет на устройство перекрытий. Мы извели на бревна практически все более или менее пригодные деревья в радиусе километра и волоком притащили их к мосту. Здесь Сашка подтесал их, выровнял и сладил накаты для батарейных землянок. Едва отстроились, возникла неожиданная проблема – наши батарейцы загадили всю территорию вокруг. На весеннем солнце все это начинает благоухать. Тогда Филаткин приказал:

– Бери своего Коновалова и оборудуйте сортир. Сделаешь – считай, отбыли наказание.

Выкопать яму – плевое дело. За последние три недели мы этих ям нарыли... А дальше что? Яма есть, но надо ее чем-то перекрыть. Да и визуально место для раздумий желательно изолировать. Положение опять спас Сашка. Они с Петровичем притащили несколько ровных стволов, и потомственный плотник с помощью топора и деревянных клиньев распустил их на доски. Доски вышли толстые, корявые и чудовищно тяжелые, но для наших целей вполне годились. Яму перекрыли, навес делать было не из чего, решили, что и так обойдутся. Из нарубленных сучьев сделали плетень и пригласили комбата принимать работу. Филаткин обновил наше сооружение и признал его годным к использованию.

– Так и быть, прощаю, но если еще раз...

– Мы поняли, товарищ старший лейтенант.

– Свободны.

Только справились с одной проблемой, как навалилась другая – вши. Вши это даже не проблема – это беда. Ума не приложу, где мы их подцепили, видимо, в пакгаузе на станции Воронеж-2. Войну со вшами мы постоянно проигрывали. Прибывающая из полка вошебойка давала передышку на три-четыре дня, после чего вши плодились заново. Вонючие порошки, которыми пересыпали белье и обмундирование, на них не действовали. Некоторые замачивали белье в бензине – это помогало, но я не рискнул. Наконец, появилось спасительное средство: «мыло К». Это мыло представляло собой вонючую желтую пасту. В этой разведенной водой пасте и надо было кипятить обмундирование и нижнее белье. Даже боюсь представить, что именно намешали в это мыло отечественные химики, но это было спасение. Окончательно

вшей извели, когда построили баню, тоже в землянке. Осталось их по несколько штук на человека, но на это уже никто не обращал внимания.

Кроме того, в батарее начался дефицит бумаги. Все газеты, боевые листки и прочую макулатуру, попадающую к нам, артиллеристы пускали на самокрутки. Некурящих в расчете было двое: я и самый молодой – Коновалов. Свое табачное довольствие мы отдавали другим, и отсутствие бумаги в этом контексте нас не волновало, но печку тоже надо чем-то разжигать, тем более что свежеспиленные дрова сырые и разгораются плохо. Да и горят тоже не очень хорошо. Можно, конечно, нащипать тонкой лучины и использовать ее, но это долго и муторно. Тогда для этой цели стали использовать артиллерийский порох. Всех любителей этого дела я собрал в землянке и тщательно проинструктировал о том, сколько пороха можно закладывать в печку одновременно. Дело в том, что когда пороха мало, он горит относительно медленно, но если с его массой переборщить, то неминуема мощная вспышка. После этой вспышки голова напоминает обугленную головешку, на которой остаются только нос, пузырящиеся губы и глаза, если успел их закрыть. Лекция закончилась наглядной демонстрацией на открытом воздухе, полыхнуло знатно.

– Учтите, что все это происходит на улице и пламя распространяется во все стороны. При разжигании печки все уйдет в направлении открытой дверцы, напротив которой будет находиться ваша голова, ей весь жар и достанется. Ну, о последствиях я уже говорил. Все понятно?

– Поня-атно.

Без энтузиазма, на разные голоса протянули собравшиеся и разбрелись по своим делам. Пока что обходится без происшествий и пострадавших. Между тем весна начала брать свое: пригрело апрельское солнышко, осел снег на полях, побежали веселые ручьи. Природа начала оживать после лютой зимы. Как сказал наш старшина: «палка на елку лезть». Октябрина дождалась своего часа, кое-кто уже начал заинтересованно поглядывать в ее сторону, но тут произошло непредвиденное – санинструктора у нас забрали. Октябрина собрала свои вещички, забралась в кабину ЗиСа, привезшего нам снаряды, и отправилась в штаб дивизиона. Однако чисто мужской наша батарея оставалась недолго.

– Ух ты-ы...

Вырвалось у одного из артиллеристов, наблюдавшего прибытие этого чуда. Из деревянной кабины выпорхнула девушка в серой шинели. Глазки голубенькие, губки бантиком, изящный носик, из-под шапки выбивается непокорная прядь светлых волос. Росточка она была среднего, обладала тонкой гибкой талией, перехваченной командирским ремнем. Шинель укорочена до зубовного скрежета всех уставов, зато она открывает симпатичные кругленькие коленки, которые не могут изуродовать даже толстые безобразные чулки. Стройные ножки исчезают в блестящих голенищах хромовых сапожек, явно сшитых на заказ. И в самом деле, грех такую красоту под суконной полрой прятать. Короче, эдакая смесь порока и невинности, мужики от такого коктейля на стену лезть готовы, а мне показалось, что слово «стерва» у нее на лбу отпечатано.

С каждой секундой народу прибывало, почти вся батарея сбежалась поглазеть. Челюсти развесили, языки вывалили, только еще слюна из пастей не капает. Новоявленная санинструкторша, казалось, просто купается в лучах мужского восхищения. И видно, что эта ситуация очень ей нравится, она привыкла быть в центре мужского внимания и желания.

– Товарищи, кто мне с вещами поможет?

Сразу с десятков добровольцев кинулись к машине. Тоже мне, помощнички. А голосок у нее такой, будто она не чемодан поднести предлагает, а сразу в землянку к себе зовет. Стоп, стоп, стоп. Или у вас, товарищ инженер, тоже гормоны по весне взыграли? Ну да, такая кого хочешь заведет, даже такого старого циника, как я. Сопровождаемая парой счастливиц, девушка отправилась в землянку санинструктора, а я, плюнув на подтаявший и дочерна затоптанный снег, пошел туда, куда направлялся изначально, – отлить в собственноручно постро-

енный батарейный сортир. Чувствую, уронит эта девка боеготовность нашей батареи ниже плинтуса.

Мои опасения подтверждает Рамиль, успевший за полчаса собрать все дивизионные сплетни о новом санинструкторе. По его словам, Ольга Воронина ухитрилась крутить роман чуть ли не с пятью ухажерами одновременно. Постепенно обстановка накалялась, товарищи красные командиры за кобуру хвататься начали. Терпение полкового начальства лопнуло, когда в число Олечкиных ухажеров попал сам командир дивизиона. Чтобы разрядить обстановку, санинструктора Воронину сослали во вновь прибывшую батарею, а нашу Октябрину отправили на ее место. Причем Ивушкину, похоже, выбрали по критерию внешней привлекательности, точнее непривлекательности, в надежде, что этот трактор охладит кипящие страсти. Кстати, на следующий день практически вся батарея именовала санинструктора не иначе как Олечка или наша Олечка, меня же подмывает назвать ее наша стервочка, но я пока сдерживаюсь.

Между тем первую неделю все шло чинно и благопристойно. Но в начале второй часовой, стоявший на огневой позиции, заметил, как под утро кто-то крадучись выходил из стервочкиной землянки. Кто именно, в темноте было не разглядеть, но вся батарея мгновенно догадалась – командир первого взвода. При этом санинструктор начала ласково поглядывать и на остальных средних командиров. Филаткин пока держится, от ушибленного войной Соколова ее взгляды отскакивают, как пули от лобовой брони КВ, а вот Шлыков явно поплыл. Вернувшись вчера из города, притащил Олечке букетик цветов, и где только он его взял. Вся батарея с увлечением обсуждает последние новости с любовного фронта, даже обстрел немецкого разведчика не смог отодвинуть эту интригу на второе место. По разведчику выпустили пять залпов, а снарядов списали на одиннадцать – надо же как-то покрывать расход снарядов на отопление.

Решив, что хватит расчету бездельничать, я, презрев старый армейский закон, отправился напрямик к комбату проявлять инициативу. Филаткин мои старания не одобрил.

– Какие наземные цели? Какие танки? До фронта почти двести километров.

– У меня, товарищ старший лейтенант, этот мост уже третий. И оба предыдущих раза до фронта было много километров, и оба раза стрелять приходилось с той позиции, на которой немцы застали. И по танкам стреляли, и по пехоте.

– Сейчас не сорок первый год.

– Вот именно, товарищ старший лейтенант, поэтому я и предлагаю запасную позицию для стрельбы по наземным целям заранее оборудовать.

Комбат на несколько секунд задумывается и принимает решение:

– Твоя инициатива – тебе и выполнять. Где будет позиция?

Еще раз убеждаюсь, что физический труд на свежем воздухе здорово прочищает мозги и предохраняет от реализации всяческих дурных желаний. Запасную позицию выбираем метрах в шестистах от моста. Здесь местность повыше, есть где и чем замаскировать орудия. В качестве стометрового противотанкового рва – Дон. Местность эта мне не очень нравится – эвакуировать орудия с этой позиции возможно только в темноте. Но лучшего места все равно нет, приходится останавливаться на этом.

Между тем немецкие разведчики решили, что хватит нам здесь прохладиться. Все чаще и чаще приходится отрывать от хозяйственных дел для обстрела очередного «юнkersа» или «дорнье». Помимо нашей третьей дивизии ПВО в дивизионный район входит 101-я истребительная авиационная дивизия и 4-й полк ВНОС. Посты ВНОС развернуты на расстоянии 125–130 километров к западу от города, что дает нам время подготовиться к встрече очередного гостя, если его удастся обнаружить, конечно. Тогда гремят наши орудия, режут воздух ЛаГГи и «яки»... Вот только сбить кого-нибудь у нас пока не получается, максимум сорвать немцам операцию.

В результате этих стрельб в батарее образовался некоторый излишек снарядов. Все комбаты так делают: дает батарея, скажем, пять залпов, а формуляр заполняют на шесть. Кто там будет разрывы в небе считать. И сразу образуется лишний ящичек, который можно пустить на отопление, а можно припрятать до лучших времен. Надо сказать, что наши заявки на боеприпасы удовлетворялись быстро и в полном объеме, дефицита снарядов не было, хотя и расход пока невелик. Так вот, этими излишками, скопившимися в батареях, и заинтересовалось полковое начальство. Лишние снаряды было решено оприходовать, а командиров батарей за такие действия наказать. Начать экзекуцию решили почему-то именно с нашей батареи. Нагрянула к нам внушительная комиссия во главе с самим начальником штаба полка. Неожиданно нагрянула, как гром среди ясного неба. Проверили документы, пересчитали ящики – все сходится. Еще раз проверили, и еще раз пересчитали – опять сошлось. НШ, как разъяренный тигр, метался по позиции, выискивая спрятанные излишки. А вот хрен вам, товарищ майор! Нашли дураков лишние снаряды вместе с учтенными хранить, они у нас прикопаны в двухстах метрах от огневой и тщательно замаскированы.

Идея спрятать излишки принадлежала сержанту Федонину, он с такими вещами уже сталкивался, еще в сорок первом. И как в воду глядел – только позавчера перетасили и замаскировали ящики со снарядами – нагрянула комиссия. Но как она приехала, так и уехала несолоно хлебавши. Вместе с комиссией обломалась и наша стержочка, ее попытка подняться на полковой уровень потерпела крах. Поначалу она вертелась поблизости, демонстрируя все достоинства своей фигурки, даже шинель по такому случаю сняла, несмотря на еще не летнюю температуру. Попытки обратить на себя внимание полкового начальства увенчались полным успехом. Начальник штаба что-то яростно тихо сказал комбату, тот подскочил к санинструктору, и Олечку как ветром сдуло с позиции. Она так и не показала из своей землянки до отъезда комиссии. И смех, и грех, грандиозная мировая бойня в самом разгаре, кровь льется, а командование артиллерийского полка вместо боевой подготовки занимается любовными похождениями своих средних командиров. Вот так и воюем.

В воскресенье к нам приехала кинопередвижка, показывали комедию «Волга-Волга». Лет тридцать его не смотрел, считая обычной сталинской агиткой. В сущности агитка и есть, и с настоящей жизнью в Советском Союзе она имеет очень мало общего, но тут посмотрел с удовольствием. Во-первых, какое-никакое, а развлечение. Можно на некоторое время уйти от действительности, просто следить за хорошо известным действием на экране и даже в чем-то ему сопереживать. Во-вторых, в фильме показывали жизнь не такой, какая она есть, а такой, какая она должна быть в представлении советской элиты. И представления эти она и пытается навязать всему остальному народу. Фильм-сказка, фильм-мечта, народу нравится. И пусть сам он живет трудно, много и тяжело работает, не досыта ест и не очень хорошо одет, но, глядя такие фильмы, советский человек надеется, что когда-нибудь такая жизнь дойдет и до него.

Точно в полдень с постов ВНОС передали сообщение о пролете очередного немецкого разведчика. По команде «к бою» мы разбежались по орудиям и приготовились открыть огонь. Первыми вражеский самолет увидели дальномерщики.

– Высота шестьдесят, – доносится с дальномера.

– Совмещай, – командует Федонин своему расчету.

Через несколько секунд данные для стрельбы поступают на принимающие приборы орудий. Стволы пушек оживают и начинают свое синхронное движение, отслеживая приближающийся самолет.

– Темп десять, – подает команду Филаткин, – высота шестьдесят. Огонь!

Свистки взводных. Г-гах! Стреляют пушки. Блямс – звенит вылетающая гильза. Кланц – закрывается затвор. Еще свисток. Г-гах! Блямс. Кланц. И еще раз. Свисток. Г-гах! Бонг!

Поскольку при стрельбе основным способом делать мне практически нечего – данные для стрельбы идут с ПУАЗО, а команду на открытие огня подают взводные, то я увлекся наблюде-

нием за результатами нашей стрельбы. Ничего не могу сказать про дальность, а по направлению наши залпы ложатся вполне прилично. Когда после третьего залпа вместо привычного звона гильзы раздалось набатное «бонг», мое сердце ухнуло вниз живота. Еще не опустив взгляд, я уже знал – это наша беда. Так и есть, ствол орудия практически не выступает за пределы накатника, а ниже... Заряжающий Сашка Коновалов лежит на земле, придавленный казенником ствола, сорвавшегося с направляющих люльки. Это все равно что попасть под удар парового молота. К моему ужасу, он еще жив, и даже пытается шевелиться, причем молча. После секундного замешательства мы кидаемся к нему.

– Куда?! Стоять! Продолжать стрельбу! Огонь!

Это не нам, это другим расчетам, батарея должна продолжать вести огонь по противнику, несмотря на потерю одного орудия и номера орудийного расчета.

– Сашка, куда тебя?!

А заряжающий, похоже, находится в шоке, он не может понять, что с ним произошло, и как он оказался на земле. Вперед пробивается Сан Саныч. Свисток. Г-гах! Блямс. Кланц. Батарея продолжает выполнение задачи.

– ...где болит? Не молчи, слышишь, Сашка, не молчи. Где болит?

– Н-н-нигде н-н-не б-б-болит, – заикается, наконец, заряжающий.

– Крови нет, – констатирует третий номер.

Он осторожно откидывает полу коноваловской шинели, и мы видим радостную для нас картину. Казенник едва зацепил Сашкино бедро, прихватил полу шинели и за нее швырнул заряжающего на землю. Ствол задел повозку, это и привело к громкому металлическому удару, и намертво зажал полу шинели. Наши попытки выдернуть ее не увенчались успехом, тогда ее просто отрезали ножом. Сашку оттащили в сторону и разрезали шаровары и кальсоны. На коже бедра только небольшая ссадина с несколькими капельками крови, плюс пара синяков. И все. По крайней мере, видимых повреждений больше нет. Да и сам пострадавший начал приходит в себя.

– Я ее... а он... а я уже на земле лежу.

– Повезло тебе, паря, – констатирует Сан Саныч, – считай, второй раз родился. У нас на лесоповале тоже такое бывало, накроет человека деревом и ни одной царапины...

– Хватит базарить, – прерываю я вечер воспоминаний бывшего лесного техника, – хватаем его и к санинструктору.

– Зачем? – удивляется Дементьев. – Он же цел.

– У нее спирт есть, – догадывается Сан Саныч, – от шока – первое дело.

Мы подхватываем Сашку и тащим в землянку к нашей Олечке. Та, под чутким руководством третьего номера, приступает к лечению, а я возвращаюсь к орудью. Причина срыва ствола понятна с первого раза – не выдержало крепление тормоза отката к стволу. Накатник и дульный тормоз не смогли погасить отдачу, и в результате пушка ремонту не подлежит, только в переплавку. Я рассматриваю место излома. Деталь не имеет дефектов заводского литья. Поверхность разрушения состоит из тусклой гладкой части – на этом месте постепенно, под воздействием циклических нагрузок, росла усталостная трещина, и блестящей мелкозернистой, соответствующей «долому» в момент выстрела. Классическое усталостное разрушение металла. Стреляли из орудия много, оно пережило два обстрела и два ремонта. Вместе с орудием пережил ремонты и тормоз отката, развивающегося дефекта никто не заметил. Впрочем, без ультразвукового дефектоскопа его очень трудно обнаружить.

Тем временем батарея прекращает стрельбу. Самолет уходит из зоны нашей досягаемости, но разрывы зенитных снарядов продолжают пятнать небо – эстафету приняли другие батареи нашего сектора. Около орудия собираются взводные, подходит комбат, с ходу грозным голосом задает вопрос:

– В чем причина отрыва? Жидкость упустили?

– Жидкость в норме была, товарищ старший лейтенант, тормоз отката старый стоял, сталь не выдержала.

Филаткин тщательно осматривает место разрыва.

– Вот усталостная трещина, а вот «доллом», – указываю на характерные разрушения металла.

– Готовьте пушку к транспортировке в артмастерские, – отдает распоряжение комбат.

Вопрос об уровне жидкости больше не поднимается. С большим трудом и при помощи других расчетов нам удастся вернуть на место и опустить ствол. Кое-как крепим его и переводим орудие в походное положение. К концу работы, пошатываясь, приходит Коновалов и начинает нам мешать. Заплетающимся языком он начинает объясняться в любви ко всем, ведь его окружают такие замечательные люди. Потом лезет обниматься, сначала ко мне, потом к Сан Санычу. Похоже, он первый раз в жизни напился до такого состояния, зато от шока не осталось и следа.

– Сан Саныч, уведи его в землянку, пока комбат не увидел.

Однако сделать это оказывается не так просто, пьяный Сашка просто горит желанием излить свою душу нашему, и не только нашему, расчету. Только когда на выполнение задачи отряжаются Рамиль и Дементьев, его удается убрать с позиции от греха подальше. Последний раз мы цепляем орудие к трактору, и он выдергивает пушку с огневой позиции. Натужно ревя мотором и плюясь сизым выхлопом, СТЗ выбирается с раскисшего грунта на дорогу и направляется в город.

Сопроводять орудие комбат направил меня и взводного. В мастерских осмотрели место повреждения и подтвердили диагноз – усталость металла. Подтвердился и окончательный вердикт – орудие неремонтопригодно. На вопрос, когда можно ожидать прибытия новой пушки, начальник мастерских отвечает:

– Приблизительно через неделю.

На неделю мы остаемся не у дел. Остальные расчеты стреляют, чистят и обслуживают орудия, а нас опять отправляют копать. Сашка полностью оправился и копает вместе со всеми. Вода в Дону начинает подниматься, и становится ясно, что наша нынешняя позиция будет затоплена. Поэтому мы дооборудуем запасную, она повыше и в зону затопления попасть не должна. Когда вода спадет, на реке наведут наплавной мост, который мы будем защищать от атак с воздуха. Только к тому времени наша нынешняя позиция будет смыта половодьем и нам придется обустроить ее заново.

А тут еще Филаткин придумал новое развлечение – решил потренировать нас в опознании самолетов, как наших, так и немецких. Этому делу нас обучали еще в Горьком, но тут проверка наших знаний была просто зверской. Ради этой проверки комбат не пожалел свой блокнот. Разорвав его на отдельные листки, раздал нам, после этого на несколько секунд показывал нам карточку с силуэтом, а мы должны написать тип самолета. Всего карточек пятьдесят штук, некоторые повторяются. Я допустил только одну ошибку, но серьезную – спутал «пешку» со сто десятым «мессером», уж больно силуэты у них похожи. Остальные сдали хуже, а некоторые, в том числе красноармеец Лобыкин, экзамен провалили. Хорошо хоть Коляныч от экзамена был избавлен, он знает только два типа самолетов «наши» и «немецкие», зато их различает четко – фронт научил.

Между тем мне делают замечание за плохую подготовку некоторых номеров расчета и приказывают подтянуть отстающих. Объяснять Ваньке Лобыкину различия между «Хейнкелем-111» и «Дорнье-17» – дело неблагодарное, через две минуты он напрочь забывает все внешние нюансы силуэтов этих самолетов. Помучившись пару часов, я на это дело плюнул. Авось что-нибудь случится, и обещанная комбатом повторная проверка не состоится. Накаркал, проверка действительно не состоялась, но лучше бы я действительно Ваньку силуэты различать научил. А началось все со звонка из штаба полка.

– Новая пушка прибыла, завтра едем получать, – сообщил радостную новость Шлыков. Новая пушка – это хорошо, на следующий день собрались и поехали. Принимать орудие я взял наводчика Дементьева, заряжающего Коновалова и Сан Саныча, планировали вернуться к вечеру, а попали обратно только через две недели.

Глава 7

Приемка орудия уже подходила к концу, когда ее неожиданно прервали.

– Кто такие? Из какой батареи?

Возле орудия стоял артиллерийский подполковник. Я сразу понял – командир полка.

– Смирно!

Подав команду, Шлыков побежал докладывать. Выслушав доклад лейтенанта, подполковник бросает короткое «за мной» и быстрым решительным шагом удаляется в направлении штаба. Взводный спешит за ним, проверку пушки мы заканчиваем без него. Возвращается он минут через сорок, физиономия довольная, как будто сметаной объелся, и сразу выдает новость:

– Нам поручено выполнение особого задания.

Терпеть не могу неожиданные задания, а когда к ним добавляется слово «особое», то у меня сразу начинается аллергия. Предчувствия меня не обманули. Оказывается, для артиллерийской разведки немцы начали поднимать в воздух аэростат. Наши соколы пытались до него добраться, но немцы его хорошо охраняли – с земли он был прикрыт большим количеством зенитных стволов, а в воздухе неподалеку частенько крутилось звено «мессеров». Потеряв несколько машин, истребители решили спихнуть задачу по уничтожению аэростата на зенитчиков. Чья-то светлая голова решила втащить нашу пятитонную пушку буквально в первую траншею и из нее попробовать достать супостата.

А теперь еще раз пройдемся по этой цепочке, только вдумчиво и внимательно. Итак, немцы поднимают аэростат, с которого они могут просматривать наш ближний тыл. Информация об этом проходит по сводкам боевых действий до генерала, сидящего в армейском или фронтовом штабе. Во всяком случае, у него хватает власти напячь летунов на выполнение этой задачи. Обломав о прикрытие аэростата зубы, наши соколы умыли руки, а взор высокого начальства обратился на зенитчиков. Что имеется в распоряжении этого генерала? Отдельный зенитный артиллерийский дивизион, возможно, не один. Но все восьмидесятипятимиллиметровые зенитки были из них изъяты еще прошлой осенью и направлены на организацию ПВО промышленных центров. Хотя изымать на фронте оружие для защиты тыла – нонсенс. Короче, поняв, что в его распоряжении нет ни одного орудия, способного выполнить эту задачу, генерал обратился к начальнику района ПВО, где такие пушки есть. Формально начальник нашего района генералу не подчинен, у войск ПВО в Москве есть свой штаб. Но начальник района только полковник, а его просит генерал. Отказать ему полковник не может. И он дает команду командиру дивизии выделить одно орудие. Заметьте – одно, не взвод, не батарею, а только одно. А почему? Да потому, что не ждет возвращения орудия и расчета назад. Формально он просьбу генерала выполнил – выделил силы, а по факту решил просто минимизировать потери, так как в выполнение задачи он ничуть не верит. Командир дивизии спустил приказ в полк, а комполка наткнулся на нас в артмастерской. Не повезло нам.

Вся эта затея мне сразу не понравилась. Во-первых, сама доставка орудия к месту подъема аэростата выглядела сплошной авантюрой. Во-вторых, после первых же выстрелов нашу позицию засечет артиллерийская разведка немцев. Что бывает потом, я уже дважды попробовал на своей шкуре и оно мне не понравилось. Третий раз лезть под минометный или гаубичный обстрел не хотелось. В-третьих, стрелять придется на пределе досягаемости, поэтому шанс повредить аэростат был весьма призрачным. То есть нас бросали на заранее невыполни-

мое задание с невысокой вероятностью вернуться обратно. А те, кто вернутся, вполне могут угодить под трибунал за невыполнение приказа.

Все это я и вывалил взводному, обрадованному доверием высокого начальства. Энтузиазм лейтенанта сразу иссяк, и он задал только один вопрос:

– А что делать?

– Не знаю. Прибудем на место, осмотримся и решим, как из этого выбираться. Главное, товарищ лейтенант, резких движений сейчас не делать. И подготовиться получше.

До фронта около ста восьмидесяти километров. При средней скорости СТЗ десять-двенадцать километров в час путь туда займет двое суток. Еще сутки на оценку обстановки, сутки на подготовку и открытие огня, двое суток на возвращение, если будет кому возвращаться. Хорошо, еще одни сутки положим на непредвиденные обстоятельства, итого – неделя. Я продолжаю выкладывать Шлыкову мои соображения.

– Во-первых, нужен полный расчет и боекомплект. Три десятка снарядов, думаю, хватит, а больше выпустить нам фрицы все равно не дадут. Во-вторых, надо привезти наше личное оружие. В-третьих, нужен запас керосина для трактора и недельный запас продовольствия для расчета. Да, самое главное, дальномер нужен, лучше «Дэя один».

– Керосин и продовольствие получим на полковых складах, снаряды тоже, с дальномером сложнее. А за расчетом и оружием трактор в батарею пошлем. Кто поедет?

– Вы, товарищ лейтенант, у вас это лучше получится. А мы еще раз орудие проверим.

СТЗ увозит лейтенанта, а мы приступаем к проверке прицела. Трактор вернулся уже в вечерних сумерках. Из кузова прыгнули Лобыкин и Рамиль, Епифанов передает им наши винтовки. С правого борта прыгает лейтенант, подходит к кабине и помогает оттуда выйти... Олечке Вороновой. Эта-то тут на кой? Надеюсь, что они ее только до расположения полкового штаба подвезли. Оттаскиваю распустившего хвост Шлыкова от Олечки и спрашиваю напрямую:

– Лейтенант, ты зачем ее с собой приволок?

– Приказ командира полка: взять с собой санинструктора.

Час от часу не легче! Но делать-то что? Эта сучка спокойно жить не может, если вокруг кобели из-за нее не грызутся. Мне же сейчас нужен слаженный и, как никогда, дружный расчет. Задание предстоит сложное и тяжелое, от взаимовыручки многое будет зависеть, а тут еще один сюрприз на мою лысую голову. Надо оградить ребят от томных взглядов санинструктора. Пусть на Шлыкове свои коготки оттачивает, заодно и лейтенант меньше под ногами путаться будет. Если бы у меня было больше времени, я что-нибудь получше придумал, а тут пришлось на ходу импровизировать.

– Товарищ лейтенант, надо бы в штабе насчет ужина договориться.

Вокруг нашей Олечки уже собрался кружок поклонников. Бросив на них взгляд, Шлыков уходит, первая помеха устранена. Я спешу к расчету.

– Так, бойцы, чего встали? А ну к орудию, бегом! Петрович, а ты что ляды точишь? У тебя магнето барахлит, проверь.

– Да в норме магнето.

– А я говорю – проверь.

Петрович недовольно бурчит и лезет в кабину. Разогнав поклонников, я обращаюсь к предмету их интереса:

– Товарищ санинструктор, Олечка, не составите компанию старому интеллигенту в короткой прогулке?

Блеснула глазками и пошла, неужто решила, что и я на ее прелести повелся? Ну-ну, сейчас мы тебя разочаруем. Пока мы удаляемся от трактора, я несую какую-то чушь о погоде, весне и чем-то еще. Как только мы исчезаем с посторонних глаз, я быстро беру Олечку за отворот шинели и подтягиваю к себе. Взять бы ее за горло и слегка придушить для большего впечат-

ления, но я боюсь не рассчитать силу, уж больно тонкая и нежная у нее шейка. Подтянув к себе, я прошипел ей прямо в лицо:

– Слушай, ты... санинструктор хренова! Будешь перед парнями хвостом крутить – убью. Понятно?!

– Д-да, – испуганно пискнула Олечка.

Столь резкий переход от ничего не значащих слов к действию произвел нужное впечатление. Она еще не сообразила, что прямо сейчас ее убивать не будут.

– На лейтенанте тренируйся, на него запрет не распространяется. Увижу, что парням глазки строишь, – повторять не буду. Усвоила?!

Олечка мелко кивает.

– Пшла вон! Бегом!

Я отталкиваю санинструктора, Олечка спотыкается, падает, быстро подхватывается и исчезает в наступившей темноте. Я противен сам себе. Нехорошо вот так поступать с женщиной, даже такой, как Ольга Воронова. Самооправдания, что все это только ради дела, совестью не воспринимаются, уже хочется отмотать все назад. Плюнув на раскисшую землю, я возвращаюсь обратно. На душе мерзко и гадко.

После ужина вездесущий Рамиль открывает мне тайну появления санинструктора в нашей тесной компании. Оказывается, жена командира дивизиона, в котором Олечка служила до перевода в нашу батарею, узнала об интрижке мужа и лично приехала разбираться в ситуации. Да и хрен бы с женой комдива, пусть они свои семейные проблемы сами решают, но у этой жены был папа. И папа этот сидел во вполне приличном кресле, а кресло это стояло то ли в штабе войск ПВО, то ли в самом генштабе, точнее Рамиль сказать не мог. Во всяком случае, связываться с комдивовской женой, а тем более с ее папашей полковое начальство не захотело и на всякий случай решило услатить разрушительницу семейной идиллии куда-нибудь подальше. Тут-то и подвернулся наш расчет, в который сбагрили Олечку в надежде, что жена уедет до нашего возвращения. А может, и не рассчитывали, что мы вообще вернемся. В любом случае полковое начальство больше было озабочено внутренними интригами, чем уничтожением немецкого аэростата. Ситуация легко объяснима: фронт далеко, разъяренная дама близко, папаша ее высоко. Выбор очевиден.

Дорога. Сначала тыловая, потом прифронтовая. Это артерия и одновременно вена войны. Движение по ней в обе стороны не прекращается ни днем, ни ночью. Туда маршевое пополнение, техника, продовольствие, боеприпасы. Обратное возвращается гораздо меньше: раненые, разбитая и покореженная техника, порожний транспорт. На перекрестках, вместо улыбчивых девушек, лихо машущих флажками, которых я видел во фронтовой кинохронике, стоят солидные дядьки моего возраста, а то и постарше. Однако со своей работой эти дядьки справляются так, что позавидует любой гаишник – никаких заторов в первый день мы не встретили. Нам повезло, дороги подсохли, и грязь не сдерживала наше движение на запад. Однако покрытие было не настолько сухим, чтобы в воздухе повисла вездесущая российская пыль.

За день мы намотали на гусеницы, как и рассчитывали, половину расстояния. В первую ночь остановились на опушке леса в старых шалашах, сложенных из больших еловых лап. Видимо, построившие шалаши здесь надолго не задержались, да и мусора нынешний красноармеец оставляет после себя немного. На старом кострище мы развели свой огонь, через двадцать минут в подвешенном над огнем котле закипела вода, и потянуло одуряющим запахом горохового супа из концентрата. Расчет собрался у огня в полном составе, не хватало только Шлыкова и Олечки. Всю дорогу санинструктор проделала в кабине СТЗ. С моей точки зрения – весьма сомнительное удовольствие, в кузове, мне кажется, комфортнее, особенно когда не досаждают пыль. Но ее пребывание в кабине меня вполне устраивало, она не могла общаться ни с расчетом, ни с лейтенантом, а Петровичу во время движения не до нее. Когда мы остано-

вились, Олечка выбралась из кабины, поймала мой предупреждающий взгляд и тут же испарилась. Вместе с лейтенантом.

Между тем Сан Саныч решил, что суп доведен до готовности, и народ загремел котелками.

– Лейтенанту оставьте, и санинструктору тоже. А где они, кстати?

Вопрос остался без ответа. Сан Саныч отбил все посягательства расчета на командирский суп, но караулить его пришлось больше часа. Шлык и Олечка вернулись весьма довольными, что больше относилось к лейтенанту, и слегка растрепанными, последнее больше относилось к женщине. Сомневаюсь, что все у них прошло по полной программе, температура весеннего воздуха и обстановка не располагали, но наобжимались и нацеловались они вволю, вон губы у обоих припухшие.

Распределили время караула, каждому по одному часу. Мне как самому старшему по возрасту выделили первый – самый легкий. Народ расползся по шалашам и угомонился. Костер почти потух, только угли, как чьи-то красные глаза, продолжали светиться в темноте. Ставшая привычной тяжесть СВТ оттягивала плечо, а штык-нож для нее я так и не нашел. Стоять на месте надоело, да и холодно еще по ночам. Я обошел вокруг тягача с орудием и приблизился к шалашам, в одном из них вроде какое-то шебуршание, подошел ближе, прислушался и с трудом разобрал:

– ...ну, давай...

– Не дам, ишь какой прыткий, и холодно к тому же, и часовой ходит, услышит же.

– А мы по-тихому...

– Сказала же, отстань.

В шалаше началась какая-то возня, быстро прерванная звонкой оплеухой. Похоже, сегодня лейтенанту не обломится – эту крепость ему с одного приступа не взять, придется перейти к длительной осаде. Что-то развесил я уши, в конце концов, это их личное дело. И я отправился дальше бродить по нашему импровизированному лагерю. Если бы не машины, время от времени проползающие по дороге, то кажется, что время совсем остановилось, только светит луна, над головой черное бездонное небо и россыпь ярких звезд. Как давно я просто смотрел на небо, а не высматривал в нем черные точки вражеских самолетов. Проклятая война! А время продолжало свой неторопливый, но безостановочный бег. Уже к концу смены в свете луны я заметил между шалашей темный силуэт.

– Стой, кто идет!

– Свои.

– Не спится, товарищ лейтенант?

– Да так, до ветру вышел.

Все понятно – выгнала. Вот и ищет себе новое место для ночлега. А мне, кстати, тоже пора. И я отправился будить Сан Саныча.

Второй день в дороге. Когда до конца пути осталось километров сорок, начали появляться признаки приближения к фронту. Война еще не успела прокатиться по этим местам, но около дороги уже появились воронки от бомб и оплывшие после таяния снега земляные холмики с покосившимися фанерными или жестяными звездами. Время от времени на обочинах попадаются остовы грузовиков и тракторов. По российской традиции, брошенная техника «раздета» до неподъемного железа. Все, что может быть откручено, отверчено, снято и унесено – давно исчезло и приспособлено к дальнейшему использованию в военном или гражданском хозяйстве.

Где-то впереди возникает затор, Петрович сбрасывает скорость и СТЗ еле тащится, поплеывая сизым выхлопом. Такое скопление транспорта на дороге – хорошая цель для немецких штурмовиков.

– Так, мужики, хватит трепаться. Все дружно подняли головы вверх и следим за воздухом.

Все, даже лейтенант, начинают смотреть в одну сторону – на запад. А за другими секторами кто следить будет? Приходится распределить наблюдателей волевым порядком. Скорость понемногу увеличивается, но когда все почти расслабились, раздается истошное:

– Во-озду-ух!!!

Черные точки в небе стремительно растут в размерах. У нас всего секунд двадцать, развернуть орудие не успеем.

– Ложи-и-ись!

Я прыгаю из кузова последним, проследив, чтобы все убрались из трактора. Возле кабины топчется Олечка, не хочется ей лечь в грязный кювет. Черные точки уже обрели крылья и стабилизаторы. Сто десятые «мессершмитты» заходили на дорогу с пологого пикирования. Олечка получила подножку и полетела в грязь придорожного кювета, я тут же плюхнулся рядом.

– Лежи, дура! Жить надоело?!

Чисто по-женски она попыталась приподняться с грязной земли, но замерла, придавленная моей рукой. Та-та-та-та, та-та-та-та, та-та-та-та, стучат пушечные очереди, бах, бах, бах, бах, рвутся бомбы. И опять. Та-та-та-та, та-та-та-та, бах, бах, бах, бах. Малокалиберные бомбы взрываются как-то негромко и совсем не страшно. Цель для своей атаки немецкие летчики выбрали в нескольких сотнях метров от нас. После взрыва последней бомбы лежащие в кювете зашевелились, но я прикрываю их активность.

– Лежать, не шевелиться, могут на второй заход пойти.

Лежим еще пару минут, но постепенно становится ясно, что второго захода не будет – «мессеры» улетели.

– Зря только в грязи испачкалась.

Олечка пытается очистить от грязи свою щегольскую шинель.

– Грязь – не кровь, ее всегда отстирать можно.

Поделившись солдатской мудростью, Сан Саныч также начинает чистить свою шинель, я тоже присоединяюсь к ним. Теперь встали надолго – бомбы разрушили дорожное полотно.

– Петрович, сможем объехать? Или подождем?

Механик-водитель ковыряет сырой, вязкий чернозем придорожного поля и отрицательно качает головой, лучше не рисковать. Минут через десять мимо нас по встречной полосе пронеслись две полуторки с ранеными. Еще минут через двадцать началось движение по дороге. СТЗ проезжает мимо нескольких трупов, коротким рядом лежащих на обочине. Красноармейцы лопатами углубляют и подравнивают воронку от немецкой бомбы – будущую могилу для тех, кому сегодня не повезло. Возможно, что кто-то из них тоже долго раздумывал, что лучше, кровь или грязь? Летчик «мессершмитта» сделал выбор за них. Наши головы постоянно задраны вверх, но новых налетов не последовало, а скоро совсем стемнело.

До штаба стрелкового полка – конечной цели нашего путешествия мы добрались уже в полной темноте. Шлыков пошел докладывать начальству о прибытии. Вернулся он минут через пятнадцать вместе с юным светловолосым лейтенантом – командиром взвода полковой разведки. Наш расчет разместили в одной из землянок, принадлежащих разведчикам. Весть о том, что вместе с зенитчиками прибыла симпатичная девушка, мгновенно разлетелась среди бойцов разведвзвода. В землянку, кроме нас, набилось еще с десятков разведчиков. Олечка буквально купалась в океане мужского внимания, не обращая внимания на ревнивые взгляды Шлыкова. Да и кое-кто из расчета бросал на разведчиков косые взгляды, но на открытый конфликт пойти не решились. Все-таки разведчики были здесь хозяевами, их было больше, да и границ приличия в своих ухаживаниях они не переходили. Олечка была довольна – столько парней вокруг, и каких парней! Не чета этим тыловым зенитчикам. У некоторых из них были медали, а у

одного даже орден Красной Звезды. И трофеи. Немудреные фронтовые трофеи были принесены на алтарь женской красоты. Идиллия была разрушена около одиннадцати часов, пришел лейтенант и разогнал своих разведчиков, а потом отвел нашего санинструктора в землянку, где обитали штабные военнослужащие женского пола.

Утро началось с гула отдаленной канонады, но на участке этого полка было тихо. Расчет суетился с приготовлением завтрака. Я заметил, что с утра все вообще какие-то суетливые. Вчера, посмотревшись на погибших под бомбежкой, они впали в состояние глубокой задумчивости, а сегодня делали слишком много лишних движений. После завтрака, когда мы проверяли оружие после долгой дороги, появился лейтенант разведчик. Увидел я его и ахнул: в темноте он показался мне светловолосым, а при дневном свете оказалось, что он совсем седой. Меня поразило несоответствие молодого лица и шевелюры семидесятилетнего деда.

– Самолеты или танки?

Лейтенант показал на звездочки, нарисованные на стволе зенитки.

– Или, товарищ лейтенант.

– Понятно, – кивнул разведчик, – ну что? Пойдем аэростат смотреть?

– Так точно, пойдем. Только взводного предупрежу.

Опытного солдата всегда можно отличить от впервые попавшего на фронт. Опытный солдат скуп в своих движениях, а главное он умеет использовать для отдыха буквально каждую минуту. Присев, он моментально расслабляется и впадает в какую-то свою нирвану, наслаждаясь каждой секундой отдыха. Он моментально засыпает под грохот любой канонады, но мгновенно просыпается, когда наступает тишина. И расслабленность его обманчива, он способен за сотые доли секунды перейти к действию, стоит только прозвучать команде, появиться звуку летящей мины или чувству опасности. Мне суетиться, как новобранцу, не к лицу – три подбитых танка обязывают. Но, с другой стороны, на передовой я оказался, по сути, в первый раз. Как вести себя, абсолютно не представляю. Поэтому решил повторять поведение опытного бойца. Если он идет в полный рост, несмотря на падающие рядом мины, то и я им не кланяюсь. Но если он вдруг упал, то и мне нужно как можно быстрее оказаться на земле. Он себе ямку для ночлега выбрал, чтобы от осколков защищала, и я рядом устроюсь. Стопроцентной гарантии такое поведение не дает, но шансы на выживание существенно повышаются.

От землянки разведчиков до наблюдательного пункта около километра. Лейтенант ведет нас по ходу сообщения. За лейтенантом идет Шлыков, за ним я. Замыкает шествие Сашка с дальномером на плече. Когда мы почти добрались до цели, разведчик показывает рукой куда-то на запад.

– Вон он.

Я ничего не вижу, хотя на зрение не жалуюсь.

– Куда?

Лейтенант за хлястик шинели стаскивает Шлыкова из стрелковой ячейки обратно в окоп, тот хотел рассмотреть аэростат в бинокль.

– Снайперы, сволочи, – поясняет разведчик, – вчера одного насмерть, двое раненых. Ладно, хватит лясы точить, почти пришли.

Мы с трудом размещаем дальномер у амбразуры НП и наводим его на немецкую «колбасу». Лейтенант прикидывает к биноклю, наконец, выдает результат:

– Шестнадцать четыреста.

Я повторяю манипуляции Шлыкова.

– Шестнадцать пятьсот.

Хреново, досягаемость нашей пушки пятнадцать пятьсот, и это по горизонтали. Аэростат же висит на приличной высоте, куда снаряд нам с наших позиций не закинуть. Ни при каких условиях. Только если пробраться в тыл к немцам на глубину не менее километра. Но соваться с нашей пушкой в немецкий тыл как-то не хочется. Фрицы не дураки, не стали под-

нимать аэростат в зоне досягаемости нашей артиллерии. А здесь дальность измерить никто не догадался, нас вызвали почти за две сотни километров. Да-а, подставили нас: стрелять – бесполезно, не стрелять – нельзя. Вот и решайте задачу, господин инженер. Это не двойной интеграл, тут думать надо.

– Ну, что делать будем? – интересуется Шлыков.

– Думать, товарищ лейтенант, думать. Авось придумаем что-нибудь.

И тут мне в голову пришла мысль о том, на кого можно спихнуть это дело.

– Товарищ лейтенант, – обратился я к разведчику, – а корпусная артиллерия эту «колбасу» достать пробовала?

– А как же, несколько раз пробовали.

– Ну и что?

– Да ничего. Пока наши пристреливаются, немцы их позиции засекают и начинают своей артиллерией давить. А еще немцы могут просто спустить аэростат, тогда наши постреляют, постреляют, а назавтра он опять висит.

И тут облом. Соколы наши, выходит, обос... обделались, корпусная ничего сделать не смогла. А крайним кто будет? Мы? Получается, что мы.

– Значит так, товарищ лейтенант, – это я уже Шлыкову, – у нас есть два выхода и оба хреновые. Первый. Сегодня ночью вытаскиваем орудие поближе, маскируем и, как только аэростат поднимется, открываем огонь. Следующей ночью те, кто останутся в живых, попробуют вытащить то, что останется от орудия.

– А второй? – интересуется взводный.

– Второй. Берем у комполка справку о недосягаемости аэростата и мотаем отсюда. Приказ все равно невыполним, но хоть все живы останутся.

Лейтенант впадает в задумчивое состояние. Я его понимаю, крайним в этой истории будет он.

– А ты, сержант, какой бы вариант выбрал?

– Второй.

– Под трибунал могут отдать, – сомневается взводный.

– А могут и не отдать. Наш район сухопутчикам не подчинен, и не хрен свои задачи на нас перекладывать. Тем более – задачи невыполнимые. Пусть сначала фронт к аэростату на нужное расстояние подтянут, а уж потом и мы по нему пальнем.

– Хрен с ним, – решает лейтенант, – напишет майор справку – уезжаем отсюда.

Оба лейтенанта уходят в штаб полка, мы с Коноваловым сворачиваем дальномер и возвращаемся к орудью. Лейтенанты появляются минут через сорок после нашего возвращения. Шлыков находится в состоянии глубокой задумчивости.

– Ну что, товарищ лейтенант?

– Майор сказал, что справку напишет, если мы балку обстреляем.

– Какую еще балку?

В разговор вступает разведчик:

– Да есть тут один овражек. Прошлой ночью немцы в нем что-то делали. Мы выпустили несколько осветительных ракет, но ничего толком не разглядели, а для пулемета – далековато.

– А зачем нам туда лезть? Проще в этот овраг полдюжины минометных мин закинуть.

Лейтенант только плечами пожал, это не его идея. Можно предположить, что своих минометчиков майор подставлять не хочет, а мы чужие, как приехали, так и уедем. Ну и обычное презрение фронтовика к «тыловым крысам», хотя от штаба полка до передовой траншеи три километра наберется, а то и больше. Штаб стрелкового полка это еще не передовая.

– Давайте на местности посмотрим, – предложил разведчик.

Линия фронта здесь проходит по берегам извилистой речки.

Между передовыми траншеями около пятисот метров, пойма болотистая, правый берег обрывистый. В этом берегу и образовался нужный нам овраг. Короткий и неглубокий, он проходит под углом к общему направлению течения речки, поэтому, чтобы просмотреть его на всю глубину, приходится здорово сместиться по фронту.

– Вон она.

Мы лежим на опушке небольшой рощи, Шлыков рассматривает балку в бинокль, потом передает мне. Я ничего особенного не замечаю – овраг как овраг, если там и есть что-нибудь, то фрицы это хорошо замаскировали. До балки около километра.

– И как мы сюда орудие вытащим? Фрицы в момент засекут, ни одного выстрела сделать не успеем.

– А сколько времени вам надо? – интересуется разведчик.

Я делаю расчет по времени.

– Минута развернуться, восемь снарядов на этот овраг хватит, это еще сорок секунд, минута свернуться.

– Долго, – размышляет лейтенант, – днем не получится, ночью надо стрелять. Орудие протащим через просеку, по которой сюда пришли, по ней и уйдете. Балку мы вам ракетами подсветим, на фоне обрыва она будет видна как темное пятно. Попасть сумеете? Тут около километра.

– Не промажем, товарищ лейтенант, у нас прямой выстрел – восемьсот метров.

– Тогда договорились. Во сколько начнем? В час?

– В час так в час, – соглашается Шлыков, – давайте сверим часы.

Командиры сверяют часы, и мы возвращаемся к расчету. Пока идем, просчитываю данные для стрельбы. Когда мы подходим к орудью, вокруг нас собираются зенитчики. Шлыков ставит задачу, но уж больно нечетко, когда он заканчивает, беру слово:

– Значит, так. Петрович, как только выскакиваем с просеки, разворачиваешься на сто восемьдесят градусов, двигатель не глушишь, орудие не отцепляешь. Сан Саныч, угол прицеливания ноль ноль восемь.

– Будет сделано, – кивает Сан Саныч.

– Рамиль, взрыватели надо вкрутить заранее. Знаю, что не положено, товарищ лейтенант, но там с ними возиться будет некогда. На первом ставишь дальность пятнадцать, на втором – шестнадцать, и так далее. Понятно?

– Понятно, командир.

– Ящики из кузова не вытаскивать, будете сразу подавать их заряжающему. Сашка, от тебя зависит почти все, темп надо держать максимальный, но должно обойтись без задержек.

– Не будет задержек, сержант.

– Дементьев, начало оврага ты увидишь как темное пятно на светлом фоне. С первым выстрелом не задерживайся, прицел потом по трассеру скорректируешь.

– А мне как стрелки в темноте совмещать? – спрашивает Елифанов.

Вопрос абсолютно справедливый.

– Фонарик нужен, товарищ лейтенант.

Пока лейтенант размышляет, где взять такой дефицитный предмет, решение находит красноармеец Ильдусов.

– Олечке вчера разведчики подарили. Трофейный, с тремя сменными стеклами.

– Ну, вот и решили. Выдвижение начинаем в ноль тридцать, до двенадцати всем отдыхать. И тут я вспомнил про взводного.

– Я все правильно сказал, товарищ лейтенант?

– Да, да, конечно, – поспешно соглашается Шлыков.

СТЗ медленно ползет по узкой просеке. Роща еще не успела одеться листвой, но дает хорошее визуальное прикрытие от немецких наблюдателей. Визуальное, но не акустическое. Конечно, СТЗ гремит намного меньше, чем тридцатьчетверка, но мне кажется, что все фрицы в радиусе пары километров уже должны быть на ногах. Между тем звук приближающейся техники немцев ничуть не побеспокоил, даже когда Петрович заложил вираж по опушке рощи. Ни одной ракеты не взлетело, ни один пулемет не гавкнул, немцы как будто вымерли. Вряд ли они все дружно оглохли или завалились спать, не нравится мне эта тишина. Орудие уже опущено на грунт и направлено в сторону оврага, двигатель трактора похрюкивает на холостых оборотах.

– Тридцать секунд, – шепчет лейтенант.

Кланц, Сашка досылает в казенник первый снаряд. Пш-ш-ш-ш, пш-ш-ш-ш, в воздухе повисают две желтоватые осветительные ракеты. Вот оно – темное пятно на светлом обрыве берега. Дементьев уточняет наводку орудия.

– Есть цель!

– Огонь!

Гах! Блямс, кланц. И пошло. Гах! Блямс, кланц. Гах! Блямс, кланц. Расчет работает как заведенный, между выстрелами проходит секунды три – три с половиной. Нет, не зря я гонял их до седьмого пота. Гах! Блямс, кланц. Гах! Блямс, кланц. Создается впечатление, что Сашка бросает снаряд в казенник, и он тут же вылетает из дульного тормоза языком тонкого длинного пламени. Пш-ш-ш-ш, пш-ш-ш-ш, еще две ракеты повисают в ночном небе. Гах! Блямс... Б-бах! Такое впечатление, что в овраге взорвалось полсотни наших снарядов одновременно. Вспышка взрыва на мгновение освещает местность, но полной мгле затопить округу не удастся – не позволяют осветительные ракеты. Гах! Блямс, кланц. Гах! Блямс. После такого взрыва в овраге не мог уцелеть никто, но расчет вошел в раж и выпустил два последних снаряда. Пш-ш-ш-ш, пш-ш-ш-ш, пш-ш-ш-ш, вверх летят фосфорно-белые осветительные ракеты – немецкие. Пока мы стреляли, на передовой разгорелся нешуточный бой: захлеб работают несколько пулеметов, часто стучат винтовки, темноту полосуют строчки трассеров. Осветительные ракеты вспыхивают одна за другой. А вот и до зубной боли знакомый звук – минометы. К счастью, не по нам.

– Сворачиваемся!

Расчет лихорадочно ставит орудие на ход, время течет иссушающе медленно. Хрясь! Толстое дерево рушится как подкошенное. Спустя несколько секунд немецкий снаряд выбивает целый фонтан земли буквально в десяти метрах от орудия. Комья сырой земли разлетаются в стороны, а снаряд... не взрывается. Бух! Еще один снаряд, еще ближе и тоже не взрывается. Орудие уже стоит на колесах.

– Гони! – кричит Петровичу лейтенант.

СТЗ не гоночный болид, но с места берет довольно резво. Для трактора. Расчет облепляет пушку, поехали. Немецкие снаряды продолжают рыть землю вокруг и валить деревья. И ни один не взрывается. Мистика какая-то, когда-то давно я читал, что немецкие снаряды и авиабомбы не взрывались гораздо чаще наших. А не хрен использовать на своих заводах вест-и остарбайтеров. Но чтобы из двух десятков не взорвался ни один... Точно мистика. Мы уже выбираемся из рощи с другого края, и бой остается позади. Петрович направляется к месту расположения полкового разведзвода. Землянки мы застаем пустыми, все разведчики куда-то исчезли, а бой начинает понемногу стихать и минут через сорок затихает совсем. Еще двадцать минут спустя появляется седой лейтенант со своими разведчиками. Он еще возбужден боем и рад, что обошлось без потерь среди его взвода.

– Ну и натворили вы дел!

– А мы-то что? Нам сказали, мы обстреляли.

– Похоже, – начинает свой рассказ разведчик, – у немцев в балке был склад противопехотных мин. Вчера они их туда из тыла притащили, а сегодня полезли выставлять.

Теперь понятно, почему немцы никак не отреагировали на наше появление – боялись, что наши обнаружат их саперов, ползавших в это время по нейтральной полосе.

– Мы ракеты выпустили, а на нейтралке – фрицы. Мы из пулеметов по ним, а они по нам. И пошло, и поехало. А тут как даст! Придется немцам опять мины на наш участок завозить.

Рассказчик даже засмеялся.

– А у вас как? Потери есть?

– Обошлось, – отвечает Шлыков, – они по нам десятка два снарядов выпустили, и ни один не взорвался. Если бы не это.

Седой на секунду задумался и выдал свою версию:

– Фрицы ваш тягач за танк приняли. Решили, что по оврагу вела огонь тридцатьчетверка или «кавэ», вот и стреляли болванками.

Логично. Однако война на сегодня закончилась, до утра еще есть время поспать.

Подъем был поздним, после ночного боя нам дали отдохнуть. После завтрака начали собираться в обратный путь, но около одиннадцати часов к Шлыкову прибежал посыльный из штаба полка.

– Товарищ лейтенант, вас товарищ майор к себе вызывает.

Вернулся взводный минут через двадцать. Судя по его внешнему виду – у нас неприятности.

– Какие новости, товарищ лейтенант?

– Хреновые, сержант. Меня и санинструктора отзывают обратно в Воронеж.

– А нас?

– А вас откомандируют в распоряжение начарта армии.

Все ясно. Лейтенанта начальство отзывает на правее, над Олечкой, видимо, гроза миновала, и ее ждут новые трудности любовного фронта, а нас, как штрафников – оставляют на передовой. Ну не совсем на передовой, но достаточно близко для того, чтобы попасть под шальной снаряд или прицельный налет авиации. Одно только непонятно, зачем начальнику артиллерии общевойсковой армии потребовалась наша зенитка? У него в распоряжении своих стволов не одна сотня наберется, до шестидюймовых включительно.

– И где нам этого начарта искать?

– В штабе полка проездные документы уже готовят, а нас попутный ЗиС сейчас забрать должен.

Грузовик приезжает минут через десять, наступает пора прощаться. Я жму руку Шлыкову.

– Ни пуха, ни пера тебе, лейтенант.

– К черту, сержант.

Если не сломают парню судьбу, то из него не самый плохой командир получится. Ему бы опыта побольше и уверенности в себе. А здесь я его подавляю своим авторитетом, основанным на возрасте, образовании и наличии фронтового опыта. Удачи тебе, лейтенант. Олечка рада окончанию своей фронтовой ссылки. Вон как глазки блестят, и щебечет, щебечет... Дура. Осторожно зыркнув на меня, Олечка всех целует: и наших, и разведчиков. В щечку. Но соскучившиеся по женскому полу парни и мужики в возрасте за тридцать рады и этому. Единственный, кому поцелуя не достается – это я. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. Олечка запархивает в кабину ЗиСа, Шлыков устраивается в кузове на каких-то тюках. Мы машем руками вслед уезжающей машине.

Пока проездные документы не готовы, расчет нежится на солнышке, которое пригревает почти по-летнему. Сквозь старую пожухлую траву уже пробивается молодая, зеленая. Развалились мои зенитчики на южной стороне почти незаметного холмика, щурятся на солнце и байки травят на извечные солдатские темы: бабы, жратва и распрекрасная мирная жизнь. Я бы тоже с ними повалялся, но это уже форменное разложение получается. Надо приводить их в чувство.

– Вас, чудаков, сюда зачем прислали? На травке валяться или Родину защищать? А ну подъем! К бою! По самолету над двенадцатым.

Ну что за собачья должность. Расчет перевел оружие в боевое положение, сделал вид, что начал сопровождать виртуальную цель, а потом так же виртуально обстрелял ее.

– Отбой!

– Развлекаешься?

Седой лейтенант подошел со спины абсолютно бесшумно.

– Тренирую, товарищ лейтенант.

Разведчик понимающе усмехнулся.

– На вот, держи, тренер.

В ладони лейтенанта лежали наручные часы – большая ценность по нынешним временам.

– Товарищ лейтенант...

– Да бери, бери. Трофейные. Дрянь, конечно, штамповка, но других нет.

Какая мне разница: штамповка или нет? Лишь бы секундная стрелка была, интервалы между выстрелами отслеживать. Я, правда, и так уже приноровился, но по часам все же удобнее, да и в повседневной военной жизни часы вещь очень нужная. Видя мою заминку, лейтенант решил развеять мои последние сомнения.

– Да их не с трупа, с «языка» сняли, в лагере они ему все равно ни к чему.

На самом деле основным тормозом было не солдатское суеверие, а невозможность что-нибудь подарить взамен. Я лихорадочно перебрал в уме все свое нехитрое имущество, но ничего равноценного не нашел, либо самому позарез нужно, либо полное барахло, которое лейтенанту совсем ни к чему. Однако хватательный рефлекс сработал, и часы я взял.

– Спасибо, товарищ лейтенант.

– Носи на здоровье.

Мы пожали друг руки, и лейтенант ушел в направлении землянок своего взвода. Еще одна мимолетная встреча с хорошим человеком. А может еще и встретимся. Земля она, как известно, круглая, да к тому же еще и вертится. Между тем расчет переместился от орудия и расположился вокруг меня – подарок рассмотреть пришли.

– Это что такое? А кто оружие будет в походное положение переводить?

Я демонстративно взглянул на часы.

– Норматив полторы минуты, и только попробуйте не уложиться. Время пошло.

Норматив перекрыли с запасом в одиннадцать секунд. Нет, точно собачья должность, скоро уже гавкать начну.

Наконец документы оформлены, и мы трогаемся в путь. Штаб армии, оказывается, находится на удалении восемьдесят километров, а если считать все крюки и петли российских дорог, то набегает больше сотни. Далековато забралось армейское начальство – нам больше суток ползти и то, если техника не подведет. Пока едем, я рассматриваю оживающую вокруг природу: деревья, травка, птички поют. Красота. Единственное, чего я не увидел, как ни старался, так это второй полосы обороны. Допускаю, что она так хорошо замаскирована, что мой неопытный глаз ее просто не видит, но что-то мне подсказывает – дело здесь не в оптическом обмане зрения. Такое впечатление, что сорок первый год ничему не научил и мы опять наступим на старые грабли.

А села здесь богатые. Каждое село дворов на триста-четыреста. В центре села стоит новая или почти новая школа. Дома высокие, просторные с большими окнами, дворы широкие, с большим количеством хозяйственных построек. По сравнению с российским Нечерноземьем – небо и земля. Даже люди выглядят по-другому – в среднем здесь народ выше, крепче, лучше и чище одет. Это не удивительно – метровой глубины чернозем, обширные поля, богатейшие урожаи. Отсюда и лучшие условия жизни. Где-нибудь в Псковской области, то есть округе, крестьянин едва растягивает урожай до весны, а скотину держит практически в доме.

Ночуем в одном из сел. К моему удивлению, дом, в который нас определили на постой, оказывается кирпичным, причем явно дореволюционной постройки с выложенными кирпичом арками и фальшивыми колоннами. Но на господский дом он не тянет, скорее на кулацкий. Мои подозрения подтверждают нынешние хозяева – дед лет семидесяти и бабка того же возраста. Раньше дом принадлежал «крепкому хозяину», большая семья жила. В тридцатом году всех их выселили куда-то в Сибирь, скотину и хозяйственный инвентарь отдали в колхоз, а дом достался нынешним хозяевам, как сельской бедноте. Если бы дом стоял в центре села, то была бы в нем колхозная контора, а на окраине его сочли неподходящим.

– Дед, а дети твои где?

Я удивлен малолюдностью большого дома.

– Дочки замуж повыходили, в мужниных домах живут, а сынок единственный в город на заработки подался, еще до войны. Сейчас воюет, если жив еще.

Дед тяжело вздохнул.

– Вот мы со старухой вдвоем свой век и доживаем.

Прямо как в сказке, только синего моря не хватает.

Техника не подвела, и на следующий день, после двух проверок документов, я предстал перед начартом армии. Моего возраста полковник, красавец мужчина, высокий, статный, бабы перед таким должны штабелями лежать. Выслушав мой доклад, он дает оценку нашим предыдущим действиям:

– Что, руки коротки? Паршивую «колбасу» достать не смогли, так бумажкой прикрылись.

Подчиненные полковника облажались не меньше нашего, но я эту тему благоразумно поднимать не стал. Между тем начарт перешел к новому заданию.

– У меня в дивизионах ничего крупнее тридцати семи миллиметров нет. Фрицы обнаглели, разведчики их буквально по головам ходят. Заберутся на три тысячи метров, и ничем их не достанешь, даже пугнуть нечем. С помощью твоего орудия попробуем организовать зенитную засаду. Вот здесь.

Остро отточенный карандаш уперся в карту.

– Здесь проходит рокадная дорога, почти каждый день ее проверяет немецкий разведчик. Ты обстреливаешь его, он засекает место, откуда стреляли, и ставит на своей карте значок «зенитная батарея среднего калибра». А чтобы она их разведчикам не мешала, они попробуют ее подавить. Тут-то их встретит целый дивизион эмзэа. Ну что кривишься? Сам знаю, что немцы не дураки и на такую примитивную уловку могут не клюнуть. Можешь предложить что-нибудь получше? Не можешь? Батарею надо? Да кто же мне целую батарею даст? Вас мне дали только на неделю и только потому, что вы уже здесь. Еще вопросы есть? Тогда выполняй.

– Есть, товарищ полковник! Только у нас снарядов мало.

– Будут тебе снаряды. Послезавтра придет машина со снарядами из вашего полка.

И опять дорога на запад. Сколько же мы керосина спалили, катаясь туда-сюда. Жуть. Но это для одного человека, а для государства – капля. Та же тридцатьчетверка спалила бы дизтоплива намного больше, а про КВ я вообще молчу. К вечеру добираемся до указанного полковником места, там нас встречает капитан – командир отдельного зенитного дивизиона армейского подчинения. Его автоматические зенитки уже замаскированы, а нам только предстоит выкопать огневую позицию для своего орудия. С утра приступаем.

– Товарищ капитан, а может, стоит оборудовать ложные позиции еще для трех орудий? Бревнышки под углом поставим, за зенитные стволы вполне сойдут.

– Хорошая идея, – одобряет капитан, – закончите свою огневую – приступайте.

– А вдруг немец сегодня прилетит?

– Значит, ты хочешь, чтобы я своих зенитчиков отправил ложные позиции для вас копать?

– Для всех нас, вроде одно дело делаем.

– Ладно, выкопают, я прикажу.

Выкопали, конечно, кое-как. Ну да ладно, авось с воздуха сойдет. А фриц взял и в первый день не прилетел. Появился он к полудню следующего дня.

– Наклонная дальность семьдесят шесть. Высота тридцать два!

Хорошо, что хоть дальномер с нами. Пока вычислял установки прицела и взрывателя, прошло секунд тридцать.

– Три снаряда, огонь!

Не стрельба, а бесполезное разбазаривание народного имущества, наши разрывы ложатся либо в стороне, либо позади «рамы». Поначалу немецкий летчик нас игнорировал, но вот наши снаряды стали ложиться ближе. «Рама» вильнула в сторону, начала набор высоты и в конце концов отвернула с прежнего курса и прошла прямо над нашей «батареей». Мы ждали налета к вечеру, ждали на следующий день, но так и не дождались. Зато пришел обещанный ЗиС со снарядами.

– Колянч! Ты?

– А кого ж еще к вам охламонам пошлют? Меня, конечно.

– Привез? Сколько?

– Тридцать пять ящиков, сто сорок штук.

Почти полный БК, теперь постреляем. Через день опять прошел разведчик, мы его опять обстреляли, но налета так и не было. В следующие дни разведчик проходил каждый день, попадал под огонь, маневрировал, но штурмовую авиацию упорно не вызывал.

Пошел последний день нашего ожидания. Фрицы по-прежнему игнорируют нашу ловушку, то ли сквозь свою хваленую оптику разглядели замаскированные позиции батарей МЗА, то ли просто не обращают на нас внимания. Сегодня их тоже можно не ждать – как сообщили метеорологи, над головой у нас несколько плотных слоев облачности, нижний слой висит на высоте около километра. Погода не то чтобы нелетная, но для штурмовки нашей позиции не самая подходящая. Все расслабились, а я своих опять решил погонять по нормативам. В принципе, расчет их и так уже выполняет с большим запасом, но я все равно стараюсь держать мужиков в тонусе.

– Отбой!

На шесть секунд раньше норматива. 3-3-3-3-3. Уже позже я узнал, что так звучит мотор истребителя на высоких оборотах, а тогда просто поднял голову в поисках источника звука – прямо на батарею пикировали два самолета. В их враждебных намерениях сомнений не было, свои за восемнадцать километров от фронта так пикировать не станут. Автоматически я заорал:

– Курс ноль, взрыватель пятнадцать! Огонь!

Ну страшно же, когда вот так стоишь в полный рост, смотришь на приближающуюся смерть, которая каждую секунду растет в размерах, и ждешь, когда запульсирует дульное пламя на крыльях и капоте. Расчет сработал безукоризненно, наводчику ствол нужно было повернуть совсем немного, Елифанов стрелки совместил моментально, но лучше всех сработал Рамиль. Он сорвал колпачок и установил взрыватель на снаряде, который держал в руках заряжающий. Сашка швырнул снаряд в ствол и тут же. Кланц. Гах! Блямс. Бах!

– Ложись!

Прежде чем упасть, я успел заметить, что вроде наш снаряд разорвался перед самолетами. С ревом моторов над нами пронеслись две тени, никто по нам не стрелял, и бомбы не взрывались. Подняв голову, я заметил, что у второго самолета скругленные консоли крыла. От нашего выстрела истребитель шарахнулся в сторону, и когда он отлетел подальше, я опознал силуэт – ЛаГГ. Неужели все-таки свои? Между тем первый самолет поднялся почти к облакам,

от него что-то отлетело, а сам он сорвался в штопор. Своего сбили? Над падающим предметом раскрылся парашют.

– За мной!

Я кидаюсь к машине, за мной топочут сапоги еще нескольких человек.

– Колянч, заводи!

Издали взглянув на наши перекошенные рожи, водитель резко крутанул рукоятку кривого стартера и бросился к кабине. Мы с ходу запрыгиваем в кузов.

– Колянч, гони!

– Куда гнать-то?

Несколько пальцев одновременно нацеливаются на парашют в небе.

– Туда!

ЗиС срывается с места и резво скачет по накатанной телегами полевой дороге. К счастью, она идет почти в нужном направлении. Пока мы едем, самолет успевает упасть, отметив место падения столбом густого черного дыма. Летчик приземлился на поле буквально в двух сотнях метров от дороги. Когда мы подъехали, он уже успел встать на ноги и погасить купол парашюта. Обернувшись, летчик увидел нас, бегущих к нему по распаханному полю. Он отстегнул ляжки парашюта и... поднял руки. Как оказалось, из оружия у нас на пятерых только один карабин, который Колянч постоянно возил в кабине. Остальные даже и не подумали прихватить с собой винтовки – своего спасать ехали.

Летчик явно испуган, руки старательно тянет вверх, глаза бегают, губы трясутся. Первым делом, выдергиваю у него из кобуры пистолет, и только тогда рассматриваю его внимательнее. На голове вместо кожаного шлема сетка с наушниками, комбинезон новенький – явно еще не оперившийся выкормыш Геринга. Непонятно только, как его сюда занесло? А второй? Явно наш ЛаГГ. Он что, за ним гнался? Ладно, найдется переводчик – сам все расскажет, только «колоть» его надо быстро, пока в себя не пришел.

– Комм.

Стволком трофейного пистолета подталкиваю немца к машине. А мужики только рты пораскрывали – впервые живого немца видят так близко, я, впрочем, тоже. Только Колянч воинственно наставил на фрица свой карабин. Интересно, он у него хоть заряжен?

– Епифанов, Дементьев! Парашют соберите, и в кузов.

Сначала в ЗиС погрузили пленного летчика, затем его парашют. Поехали. Командир дивизиона аж на месте подпрыгивал от нетерпения.

– Немец, товарищ капитан.

Напряжение на лице капитана плавно перетекло в радостную ухмылку.

– Ну слава богу!

И тут же прикусил язык. В эйфории от столь благополучно разрешившейся ситуации никто этой оговорки не заметил. Никто, кроме меня. Первым делом у меня отбирают трофейный пистолет под предлогом того, что сержантскому составу «не положено». Вот жлоб! Попросил бы по-человечески, я бы и сам отдал. Зачем мне лишний килограмм на ремне таскать, а капитану он нужен перед штабными связистками форсить. Во-вторых, капитан вознамерился записать сбитый самолет на счет своего дивизиона, но тут уже я встал за свой полк горой.

– А расход снарядов какой укажете? Один, восемьдесят пять мэмэ? Так таких орудий в вашем дивизионе отродясь не бывало! Или под сбитого «мессера» сотню тридцатисемимиллиметровых спишете?

– Надо будет – спишу! – злится капитан.

А вот это он зря, пленного летчика ждет основательный допрос и про обстоятельства уничтожения самолета его спросят обязательно. Прикладывать к пленному такой рапорт – это все равно, что на самого себя донос написать.

– Что-то все у вас, товарищ капитан, не слава богу.

Командир дивизиона бросает на меня неприязненный взгляд, но обороты сбавляет. В конце концов, приходим к компромиссу: в рапорте капитан указывает, что самолет был сбит орудием нашего полка, временно прикомандированным к его дивизиону, что является сущей правдой. Он надеется, что местное начальство припишет сбитого своему дивизиону, а не чужому полку. Впрочем, подозреваю, что этот самолет будет записан и нам, и дивизиону. Помнится, когда-то я читал, что если просуммировать все немецкие самолеты, сбитые и нами, и союзниками за все время войны, то сумма получится ровно в два раза больше, чем их выпустила немецкая авиационная промышленность. Вот одно из удвоений сбитого я сейчас и наблюдаю, хорошо, если еще пилот ЛаГГа на него претендовать не будет. Написав рапорт, капитан подобрел.

– Поедешь в штаб армии. Отвезешь пленного, заодно расскажешь об обстоятельствах, наверняка захотят узнать.

До штаба два часа езды. За это время немчик вполне может прийти в себя и начать запирается на допросе. Ничего страшного – в штабе армии наверняка есть специалисты, которые за двадцать минут самого упертого пленного «расколют» вместе с табуреткой, на которой он будет сидеть. Это в кино допрос ведут корректные разведчики и вежливые переводчики. В жизни все происходит жестче, быстрее и эффективнее. Но на всякий случай приказываю:

– Сашка, завяжи ему глаза.

– Зачем?

– А так ему страшнее будет.

Если не видишь, куда тебя везут, то нервы успокоить труднее. Когда добираемся до штаба армии, то нас уже ждут. Капитан дозвонился до начарта и сообщил о нашем приезде. Сообщение вызвало в штабе ажиотаж, особенно среди разведчиков. Летом сорок второго пленные немецкие летчики были нечастым явлением. Пленного сразу куда-то увели, а я попал в кабинетик красавца-полковника. Тот расспросил меня о результатах зенитной артиллерийской засады. В общем, понятно, что затея провалилась. Случайно сбитый истребитель – это не тот результат, ради которого все затевалось. Уже в конце разговора дверь приоткрылась.

– Разрешите?

– Проходи. Что интересного пленный рассказал?

В кабинетик вошел незнакомый подполковник. Незнакомый мне, хозяина он знал отлично.

– Не очень много, только-только на фронт попал, но по твоей части тоже кое-что имеется. А это и есть тот сержант, который его в плен брал?

– Тот, – подтвердил начарт, – и сбил, и в плен сам взял.

Подполковник рассмеялся.

– Да-а, не история, а сплошной анекдот. Ладно, слушайте.

Оказывается, взятый нами в плен летчик только что окончил авиационную школу, или училище, не знаю, как точно называется то, что заканчивают будущие немецкие асы. Здесь он должен был постепенно, под руководством опытных пилотов, встать в строй и начать летать на боевые задания. А этот вылет был учебным, он должен был учиться ориентированию в сложных метеорологических условиях. Но судьба сыграла с ним злую шутку. То ли его ведущий сам сбился с курса, и они вышли к линии фронта, то ли наши ЛаГГи залетели в немецкий тыл, но так или иначе – они встретились. Причем тройка ЛаГГов заметила противника первой и успела набрать скорость на пикировании. ЛаГГ самолет тяжелый, со слабым двигателем, разгоняется он долго, но если успел набрать скорость, то стряхнуть его с хвоста очень сложно.

Увидев атакующего противника, опытный немец нырнул в слой облачности, наш будущий пленный, естественно пошел за ним. Но в облаках, видимо, проморгал маневр ведущего и, когда выскочил из облачности у земли, то к своему ужасу, вместо своего ведущего впереди обнаружил русский истребитель у себя на хвосте. Видимо, пара ЛаГГов погналась за веду-

щим, а один пошел за ведомым. Юнец решил пойти вверх, надеясь на лучший вертикальный маневр своего «мессершмитта», но за штурвалом нашего самолета сидел летчик, который сумел использовать тактические преимущества своего положения. Расстояние между самолетами продолжало сокращаться, и из верхнего слоя облаков они выскочили почти одновременно. Тусклая крупнокалиберная трасса прошла рядом с фонарем «мессера», и его пилот бросил самолет вниз, надеясь увеличить дистанцию на пикировании. Частично ему это удалось, но воздух начал заканчиваться, приближалась земля, и ему пришлось опять лезть вверх. Более опытный советский пилот сумел сократить дистанцию, и разница во времени, с которой они опять появились над облаками, была совсем незначительной. Пришлось опять идти вниз.

Так они несколько раз пробивали облачность. Эти качели длились несколько минут, немец полностью потерял ориентацию и не мог определить, где он находится. В очередной раз оказавшись между облаками и землей, он, к своему ужасу, увидел, что пикирует прямо на зенитную батарею. К этому времени нервы его были на пределе – каждую секунду он ждал смертельную очередь в спину. А тут вспышка выстрела, взрыв прямо перед самолетом, мотор чихнул, видимо, пороховые газы попали в воздухозаборник. Нервная система пилота сдалась, и он поспешил покинуть кабину, в которой все так стремились его убить.

– А знаете, что он ответил на вопрос «почему вы не пытались оказать сопротивления на земле»?

Я сдержал свое любопытство, вопрос принадлежал начарту.

– Что?

– «Как только я приземлился, на меня сразу набросились страшные русские солдаты. Особенно зверское лицо было у их унтер-офицера, и я решил, что если попытаюсь сопротивляться, то меня просто разорвут на части».

Подполковник и начарт засмеялись, я в присутствии высокого начальства почтительно улыбнулся.

– Дальше он высказал удивление, что его даже не избили, – продолжил рассказ подполковник, – вот я и зашел посмотреть, что за звери в зенитчиках служат?

Когда подполковник попрощался и ушел, начарт вручил мне справку о сбитом. Шикарная это была справка, все указано: заводской и бортовой номера, имя пилота, номер группы, место падения. И подпись, не какого-нибудь капитана, а целого полковника из штаба армии. Блеск.

– Командировка ваша закончилась, завтра возвращаетесь к себе в часть.

– Есть, товарищ полковник.

Вот так и закончилась эта наша командировка, и смех, и грех, но все живы остались. И слава богу.

Глава 8

Наше возвращение прошло почти незамеченным. На фоне грандиозности разворачивающихся событий возвращение в батарею четвертого орудия вместе с расчетом было действительно фактом малопримечательным. Я же первым делом нашел лейтенанта Шлыкова.

– Ну как, товарищ лейтенант?

– Да так...

Понятно, до горла эта свора не достала, но нервы потрепала и крови взводному выпила немало. После всех разборок его спихнули обратно в батарею.

А события были действительно грандиозными. Во-первых, батарея перебралась на запасную позицию. Во-вторых. Да-а, второе событие вызвало действительно большие изменения в жизни не только батареи, но и полка. Да что там полка – всей дивизии. Вообще очень интересно, как солдат, младший или даже средний командир оценивает происходящие вокруг

события. Основные интересы замыкаются в пределах своей роты или батареи. Ну максимум батальона или полка. Все, что не касается непосредственно тебя, отходит на второй, а то и третий план. Гораздо интереснее, чем отход соседней армии на полсотни километров, какая будет на ужин каша, гречневая или пшенная. Нет, ну есть, конечно, политинформации, агитаторы приезжают, но слова их пропускаются мимо ушей и забываются сразу после команды «выходи строиться». К тому же то, что говорят приезжающие, пропущено через многоступенчатые фильтры агитпропа, цензуры, ГлавПУра и зачастую мало соответствует действительности, как и сводки Совинформбюро. Фактическое положение можно, конечно, выискать между строк, но редко кто действительно интересуется внешними событиями.

К тому же солдату свойственно переносить события, происходящие на его участке фронта на весь фронт или, по крайней мере, значительную его часть. Полк продвинулся вперед на три-четыре километра, взял высоту и пару деревенок, а солдату кажется, что все двинулись вперед, погнались супостата. Из очередной сводки он узнает о «боях местного значения» или про успех их полка упоминают разве что в дивизионной многотиражке. Или другой вариант. Немцы внезапной атакой выбили батальон с тактически важной высоты. Полк бросили в контратаку, немцы отбились. Вторая контратака, третья, народу полегло. Кажется, что такая мясорубка по всему фронту, а из черной тарелки передают, что на фронте все спокойно. Из окопа или с огневой позиции трудно оценить действительный масштаб и значимость того, что происходит вокруг, за пределами прямой видимости.

Да, извините, отвлекся. О событии, произошедшем в нашей дивизии. В стройные ряды нашей дивизии ПВО влилось сразу две тысячи воронежских девушек-комсомолок. Соответственно из них вылилось сразу две тысячи мужчин, направленных в артиллерийские части и части войсковой ПВО. Красная армия уже начала испытывать дефицит качественного личного состава. Некоторые подразделения – пулеметные роты, связисты, посты ВНОС, прожектористы – почти полностью состояли из девушек. В батареях СЗА их, конечно, было меньше. Нашей досталось полтора десятка новоявленных зенитчиц. Они заняли все должности связисток, пятерых определили в расчет ПУАЗО. В расчетах орудий девушкам достались четвертые номера. Ворочать восемнадцатикилограммовые снаряды им было тяжело, к оптической трубе и установкам прицела их пока подпускать опасались. А работа по совмещению прицельной и орудийной стрелок не требует больших физических усилий или умственных способностей.

Девчонкам выдали мужское обмундирование самых маленьких размеров, но все равно на четыре-шесть размеров больше, чем надо. То же самое относилось к обуви. Новоявленным зенитчицам достались английские ботинки с обмотками. Самый маленький размер – сорок второй, а им нужен максимум тридцать седьмой, а некоторые могли обходиться и тридцать четвертым. Смотришь на такую бредущую по огневой позиции мешковатую фигуру в висящей на ушах пилотке, шаркающую английскими ботинками, и не знаешь: то ли смеяться, то ли плакать. Постепенно удалось разглядеть, что большая часть пополнения это полненькие, широкобедрые, грудастенькие девушки лет девятнадцати. Полненькие, конечно, на мой вкус, сформированный модными журналами с их палкообразными моделями девяносто – шестьдесят – девяносто, рост от ста семидесяти пяти. Другие больше походили на еще не совсем сформировавшихся худеньких подростков. Из вторичных половых признаков в лучшем случае – юбка. На них, видимо, сильно сказались голодные годы в начале тридцатых. И те, и другие, мне, продукту акселерации семидесятых, доставали максимум до плеча.

Поскольку наш расчет прибыл после всех этих событий, то остался единственным в батарее мужским монастырем. Хотели и нам девицу подкинуть, но тут я уперся всеми четырьмя конечностями. Только-только отработали взаимодействие и взаимозаменяемость номеров, ребята в любых условиях работали как хорошо отлаженный механизм швейцарских часов, а теперь что? Опять все заново начинать?

– Товарищ старший лейтенант, нельзя такой расчет разбивать!

– Какой такой?

– Слаженный. Мы же все нормативы с запасом выполняем, у нас темп стрельбы двадцать в минуту... мы «мессера» одним снарядом...

– Ну пошли, посмотрим.

Проверка длилась минут двадцать. Когда прозвучала команда «отбой», Филаткин только головой покачал.

– Черт с вами, не хотите девицу себе в расчет брать – не берите. А зря.

Я придерживался абсолютно противоположного мнения, но предпочитал держать его при себе. Появление на огневой позиции противоположного пола несло массу дополнительных бытовых трудностей. Для девушек пришлось выкопать две отдельные землянки, а соблюдение женской гигиены... К тому же женская монополия нашей Олечки была безнадежно утеряна. Первое время вновь прибывшие и уже послужившие зенитчики присматривались друг к другу, а потом в батарее началась не жизнь, а разлюли малина. Некоторые из этих доброволок, несмотря на тщательный комсомольский отбор, оказались в обращении просты и безотказны, как трехлинейные винтовки образца девяносто первого дробь тридцатого. Природу не обманешь. Кое-кто на первых порах капризничал, но после соблюдения определенных ритуалов «чистки, смазки и ласки» так же позволял «отстреляться». Причем показывали, как правило, более высокую «скорострельность», чем обычные магазинки. Хорошо хоть пулеметчиц, если следовать такой терминологии, в батарее не оказалось.

А весна кипела зеленью, дурманила запахом трав и ароматом цветов, щебетала и пела разнообразными птахами, согревала ласковым весенним солнышком. Днем бывало жарко и, пользуясь возможностью, многие даже пытались загорать. Некоторые ухитрились потерять ощущение времени. В начале мая, когда вечерами еще было довольно прохладно, старшина провел вечернюю поверку и отправился докладывать комбату. Что-то задержало его возвращение, и мы минут пять лишних простояли на свежем ветерке в одних гимнастерках.

– Сколько можно? Хорош стоять. Не май месяц на дворе, – возмутился кто-то из первого взвода.

– Уже май, – подсказали ему.

– Как? Уже? – удивился возмущавшийся, но тут же продолжил: – Все равно хорош.

Единственное, что отравляло такое безоблачное существование – немецкие самолеты. Приходилось отвлекаться от любовных романов и вспоминать свои обязанности. Но пока немцы появлялись нечасто и больших проблем не создавали. Между тем при отражении этих налетов лучшая часть нашей батареи показала себя совсем неплохо. Там, где требовалась тщательность и аккуратность в работе, например в расчете дальномера, они справлялись не хуже ушедших мужчин, несмотря на отсутствие опыта. Да и образование у них было выше: почти все окончили семилетку, половина могла похвастаться законченным средним образованием, а парочка даже успела поучиться в институте.

– Головастые девки, – высказал свое мнение их непосредственный начальник.

– Ты смотри, как бы какая-нибудь из этих головастых тебя не подсидела, – предупредил я сержанта Федонина, – и пойдешь ты в первую цепь с винтовкой наперевес.

– Думаешь?

– Предупреждаю.

Сергея ушел весьма озадаченным.

В этих условиях практически незамеченными пролетели Керченская катастрофа и Изюм-Барвенковский котел, в которых опять сгинули сотни тысяч. «На Керченском полуострове продолжались бои в районе города Керчь», «На Керченском полуострове продолжались бои в восточной части полуострова», «В восточной части Керченского полуострова продолжались бои». Когда из сводок исчезло упоминание Керчи, то все стало ясно, осталась только трескотня по поводу успешного наступления на Харьков. «...на Харьковском направлении наши войска

вели наступательные бои и, отбивая контратаки противника, продвигались вперед. В направлении Изюм – Барвенково завязались бои с перешедшими в наступление немецко-фашистскими войсками» – немцы уже начали свой контрудар, но наши упорно лезли вперед, не обращая внимания на фланги. Несколько дней наши войска «успешно» отбивали все атаки немцев и наносили им большие потери. Закончилось все опровержением сообщений немецкого командования о крупной победе под Харьковом.

– Товарищ сержант, не поможете коробки с перевязочным материалом выгрузить?

С утра наш ЗиС с Коляннычем ездил на полковые склады за разной хозяйственной мелочью и только что вернулся. Среди груза находился и перевязочный материал, предназначенный для нашего батарейного санинструктора. И вот этот самый санинструктор, скромно потупив глазки, стоит передо мной и просит помочь. Я разозлился. Сильно разозлился. На Колянныча. Тоже мне рабочая аристократия! Нет, я понимаю, что нет для шофера большего унижения, чем собственноручно свою машину разгружать. Но в данном случае ворочать ящики со снарядами его никто не заставляет, а уж пару легких коробок с бинтами мог бы и снять с кузова.

– Конечно, товарищ санинструктор, сейчас все сделаем правильно.

Я широким, решительным шагом направился к грузовику, Олечка почти сразу отстала. Похоже, наш водила уже успел задремать.

– Колянныч, подъем!

– Га?

– Через хрен нога! Ты что, спящий красавец, девчонке помочь не мог?

– Чего помочь?

Колянныч еще не отошел ото сна и никак не может понять, чего от него хочет злое начальство.

– Санинструктору помочь. Коробки с бинтами выгрузить.

– Так она и не просила. Сказала: постой, я сейчас...

Интересные дела.

– Ладно, потом поговорим. А пока выгрузи из кузова бинты и сложи там, где санинструктор укажет.

– Ну хорошо.

Колянныч начал вылезать из кабины. Я оглянулся, Олечка была уже рядом, надеюсь, наш разговор с шофером она услышать не успела. Кроме того, вокруг болталось и занималось разными делами еще несколько красноармейцев. Любого могла о помощи попросить, никто не откажет, наоборот, только рады будут. А она поперлась за мной на огневую! Нет, что-то здесь не так. Ей зачем-то нужен был именно я. А зачем? Непонятно, особенно если учесть наши с ней отношения. Ладно, поживем – увидим. Если интерес ко мне действительно есть, то он еще проявится. Только осторожнее надо быть – это та еще змейка.

– Все в порядке, товарищ санинструктор, Колянныч, то есть красноармеец Ерофеев, все выгрузит и сложит там, где укажете.

– Спасибо.

– Да не за что. Счастливо оставаться.

И я так же решительно сматываюсь обратно на огневую. Несколько секунд кажется, что взгляд санинструктора буравит гимнастерку на спине. А, может, и не кажется.

Пару дней Олечка ходила вокруг, то ли с духом собиралась, то ли выжидала наиболее выгодный момент для начала разговора. Я же ей задачу облегчать не собирался, поэтому старался держаться все время на виду и одному не оставаться. У меня сложилось впечатление, что действия ее не собственная инициатива, а кто-то настойчиво подталкивает ее к завязке взаимоотношений. Знать бы еще кто и что этому кому-то от меня надо. На третий день Олечка,

наконец, рискнула. Подошла при всех, когда чистка орудия после стрельбы была закончена, и расчет уже предвкушал законный вечерний отдых.

– А мне минуточку не уделите?

– Минуточку? Да ради бога, – я демонстративно поднял к глазам подаренный разведчиком трофей, – время пошло.

У санинструктора глазки заблестели, вот-вот разревется.

– Да мне только поговорить с вами надо.

– Пожалуйста, говорите.

– Наедине.

– А у меня от товарищей секретов нет.

Но тут Сан Саныч ткнул меня в бок.

– Да ладно, иди. Не видишь? Сейчас реветь начнет.

Да вижу, вижу, пришлось пойти. Олечка идет чуть впереди меня. Тонкая талия перехвачена кожаным командирским ремнем, обтянутый узкой юбкой задик так и колыхнется. Туда-сюда, туда-сюда. Тьфу ты, черт! Невольно на все это колыхание засмотрелся. Хороша, зараза! Но расслабляться сейчас нельзя. А Олечка словно чувствовала мой взгляд, а может, и правда чувствовала, у них, у женщин, на такие вещи чутье отменное, нам мужикам не понять. Но как только я взгляд от ее достоинств отвел, сразу остановилась и ко мне обернулась. Глазки опять блещут, но, видимо, уже по другой причине.

– А вы до войны в Ленинграде жили?

– В Ленинграде.

– А расскажите мне что-нибудь о городе. Мне очень интересно, я до войны хотела в Ленинград съездить, белые ночи посмотреть. А то вы о себе никогда ничего не рассказываете.

И нечего мне ладошки свои на плечо класть. Я тебе кто? Зеленый лейтенантик, у которого гормоны вовсю бурлят, и детство в известном месте еще до конца не отыграло? Со мной тоньше надо, тоньше. Про Ленинград сама придумала или подсказал кто? Похоже, подсказал. Но вряд ли на меня у них что-то серьезное есть. Если бы было, то мне уже руки крутили, а не сопливых девчонок для разговора посылали. Пауза, однако, затягивается до неприличия. Что делать-то? Делать-то что? А вот что! Со стороны огневой нас отлично видно, но о чем мы говорим, не слышно, и жест Олечкин тоже видеть должны. Ах, ты агентесса моя доморощенная, сейчас мы тебе схему разговора напрочь поломаем! Шлеп!

– Ты чего это сразу руки при всех распускаешь!

Нет, не то чтобы очень больно, собственно такой реакции ты психолог-любитель и ожидал, но очень неприятно. Да и ручка у внешне хрупкого санинструктора оказалась неожиданно увесистой. Теперь самое время обидеться, тем более что расчет все видел – вон стоят, ржут, жеребцы застоявшиеся.

– Подумаешь – цаца! Уже и прикоснуться нельзя!

Я повернулся и быстро пошел обратно, а Олечка так и осталась стоять с широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом. Не ожидала такого поворота событий? Не ожидала. Теперь думай, что в рапорте писать будешь, а с меня взятки гладки – полез фигурант агента лапать, а у той нервишки сдали. В результате – задание провалено, причем по вине агента. А фигурант что? Да ничего, у него только бабы на уме, никакой политики, никакого шпионажа. Кстати, а кто за ней может стоять? Основных вариантов два: либо полковой комиссар, либо полковой особист. Скорее всего, второй. Комиссару я не интересен, в партию вступать не собираюсь, политику партии и правительства поддерживаю. В меру. Особиста я тоже вряд ли мог заинтересовать сам по себе: анекдотов про Сталина не рассказываю, к секретам военным и государственным не допущен. Унитары, бывает, распатрониваю. Ну так кто этого не делает? Все этим грешат. Нет, стуканул кто-то. И этот кто-то мне по морде только что съездил. Она донос написала, она. Вот только ничего серьезного в этом доносе нет, да и быть не может.

Но все-таки они меня на карандаш взяли и саму же Олечку ко мне послали. Им сейчас надо дополнительную информацию подсобрать, доказуху закрепить, а вот тогда... Тогда начнется, когда они ответ на свой запрос из Ленинграда получат. Вот тогда мне точно каюк. И ведь недаром Олечка моей довоенной жизнью интересовалась. Теперь вся надежда на летнее немецкое наступление, тогда им точно не до меня будет.

А может, зря это я? Девчонке просто поговорить захотелось, а я. Очнись, ты, Аполлон полведерский! Вспомни, когда в последний раз двадцатилетние девчонки тебя на свидание просто так приглашали. Не вспомнил? Вот то-то. Интересно, а за что я получил по морде? За то, что распустил руки? За то, что сразу распустил руки? Или за то, что сразу распустил руки при всех? Какое тут условие необходимое, а какое достаточное? Или они все необходимые? Непонятно, сплошные вопросы.

Вез-з-зу, вез-з-зу – гудят моторы немецких бомбардировщиков. В воздухе началось раньше, чем на земле. Предупреждение о налете от постов ВНОС как всегда опоздало, хотя звук моторов самолетов слышен на много километров без всяких звукоуловителей. Вез-з-зу, вез-з-зу. А что везут? Известно что – бомбы, то есть смерть. А город к такому массивированному налету не готов. Несколько дней никого, кроме одиночных разведчиков к нам не залетало, только все расслабились, и вот он – немецкий сюрприз. Немцы бомбят заводы «Коминтерн» и «Электросигнал», переправы через Дон и Воронеж, а также расположенные на левобережье заводы синтетического каучука, авиамоторный номер шестнадцать и авиастроительный номер восемнадцать. Часть этих заводов была эвакуирована на восток еще в сорок первом, и сейчас немцы вываливают бомбы на пустые корпуса.

– Совмещай, вправо десять.

– Ветер три, азимут ветра сорок, – включается в работу сержант Федонин, – высота сорок два.

Из окопа ПУАЗО мужской бас перемежается со звонкими женскими голосами: «Есть ветер три, азимут сорок», «Включен», «Есть высота сорок два». Затем доносится: «Цель поймана», и тут же «Параметр», «Совмещай». Цель уже сопровождается расчетом ПУАЗО, вот-вот пойдут данные на орудия. Наконец я слышу: «Есть совмещение», «Готово». Все, теперь начинается работа орудийных расчетов.

– Темп десять, – командует Шлыков, – совмещай.

Его команды расчеты и так прекрасно слышат, но по уставу я попугайствую.

– Совмещай!

Стволы орудий дрогнули и начали движение. Со стороны кажется, что они вслепую обнюхивают воздух, на самом деле их ведут зоркие глаза расчетов дальномеров и ПУАЗО, дополненные хитрой электротехникой и механикой.

– Огонь!

Г-гах! Хороший залп, дружный, без задержек. Звенят выброшенные гильзы, лязгают затворы.

– Откат нормальный!

Когда грохот залпа стихает, в уши опять лезет назойливое вез-з-зу, вез-з-зу. По сути, дальше мне делать нечего, даже команды дублировать не надо, и я наблюдаю за результатами нашей стрельбы. Вспышки разрывов и черные дымки пятнают небо вокруг крохотных черных крестиков. Самолеты продолжают медленно плыть в бездонной синеве, никакого внимания не обращая на нашу стрельбу. Интенсивность появления пятен и их количество резко возрастают – к стрельбе по цели присоединяются другие батареи нашего дивизиона. Теперь вступает в действие закон больших чисел – рано или поздно, но мы должны в кого-нибудь попасть. А может, сегодня немцам повезет. Судя по вибрирующему звуку, это «Хейнкели-111», у «юнкерсов» звук другой, более ровный.

А вот и первый результат: один из самолетов вываливается из строя, поворачивает, ложится на обратный курс и тянет на запад. Еще один бомбардировщик выполняет тот же маневр, но обратно идет вроде со снижением. Можно не сомневаться, перед поворотом они избавились от своего груза. Надеюсь, не над городскими кварталами. Самолеты идут в сплошном ковре разрывов, сейчас по ним бьют оба наших полка, больше полусотни стволов. Строй их начинает рассыпаться, это несколько дезорганизует зенитный огонь. Наконец самолеты поворачивают обратно и скоро выходят из зоны обстрела.

– Стой! Прекратить огонь!

На сегодня, похоже, все – отстрелялись. Никого не сбили, максимум парочку повредили, чтоб им до фронта одного километра не дотянуть. Над городом поднимаются черные клубы – что-то горит. А нам еще предстоит «И-и-и, раз! И-и-и, два!» – чистка орудий. Вот сволочи – никому покоя не дают. Девчонки постоянно посматривают в сторону Воронежа. Это их родной город, там у них остались родные и близкие. Надеюсь, город и горожане пострадали не сильно.

На следующий день мы узнали, что во время налета в Пионерском саду проходил какой-то праздник. Одна из бомб попала на площадку, где в тот момент находилось много детей. Вторая взорвалась во дворе ФЗУ, увеличив количество погибших и раненых. Какой-то фриц, то ли получивший повреждение, то ли просто струсивший входить в зону действия основных сил ПВО, разгрузился над городом. Общее количество жертв той бомбежки – почти триста человек, около трети из них – дети.

Незаметно подкралась годовщина моего пребывания в этом времени. Все больше убеждаюсь, что это – действительно наша история, а не какая-то параллельная реальность. Все известные мне события происходят в соответствующие даты, и каких-либо расхождений я не замечаю. Отсюда вопрос: как мои действия скажутся на будущем? Или мое воздействие на общую историю настолько ничтожно, что никакого влияния на ход истории не оказывает? А как же тогда судьбы отдельных людей – на них-то я влияю, и порой очень сильно? Вопросы, вопросы, а будут ли когда-либо ответы – неизвестно. Как неизвестно, зачем и каким образом я попал сюда. Есть ли у этого переноса какая-то цель, или это была чистой воды случайность? Как в комедии: шел по улице, поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс. На всю голову.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

Пыж, наконец, выскочил из ствола. Я подобрал его и критически осмотрел намотанную на него ветошь – грязновата. Надо бы еще раз пыжевание повторить, но за день расчет и так вымотался, а орудие мы не на консервацию ставим. Если не сегодня ночью, то завтра днем опять будет стрельба, поэтому я махнул рукой.

– Шабаш, мужики, на сегодня всё. Отдыхайте.

Народ обрадованно зашевелился, загомонил, тем более что ужин скоро подоспеет. Им хорошо – своей судьбы дальше ужина они не знают, а меня угнетает предчувствие скорой беды. Точной даты я не знал, но чувствовал – скоро начнется. Налеты бомбардировщиков и полеты разведчиков участились, огонь приходится открывать практически каждый день. Из хороших новостей – Олечка и, вероятно, стоящий за ней неведомый особист вроде бы от меня отстали – не до меня им сейчас. После трагедии середины июня в городе ловят ракетчиков, якобы укававших цель немецкому самолету. Откуда-то появился слух, что самолет, сбросивший бомбы на Пионерский сад, был сбит, а пилотом его оказалась женщина. Ерунда. Никого в тот день не сбили, да и о женщинах-пилотах в бомбардировочных эскадрах люфтваффе я ничего не слышал. А может, и были.

Сегодня городу опять досталось – над центром поднимается султан черного дыма, горит какое-то большое здание.

Сан Саныч закончил возню с прицелом и подошел ко мне. Присел рядом.

– Чего такой смурной, командир?

– Да так, Саныч, мысли всякие в голову лезут.

Как выяснилось, тяжелые думы одолевали не меня одного.

– У меня вот тоже мысли. Как думаешь, чем все это закончится?

О чем говорит Сан Саныч, я понял сразу. Понял и подозрительно на него посмотрел. Да нет, не может быть, уж если он стукач, то кому тогда можно верить. Видимо, бывшего лесного техника одолевали те же думы, что и меня. Однако ответил я максимально осторожно:

– Думаю, что скоро у нас будет возможность еще одну звездочку на стволе нарисовать.

– Справа или слева?

На правой стороне ствола у нас нарисована одна звездочка – за сбитый «мессер». На левой – три, по числу подбитых танков.

– Слева, Саныч, слева.

– Значит, хлебнем, – не то спросил, не то констатировал Сан Саныч.

– Как и все, – подтвердил я.

– Оно конечно.

Некоторое время мы сидим молча, каждый думает свои мысли. Мы с ним почти ровесники, только у него семья, дети, а я, можно сказать, в этом мире один. Мои ныне живущие родственники о моем существовании и не подозревают, даже если им о себе рассказать, то все равно не поверят.

– О, кухня приехала, – прерываю молчание я.

Сан Саныч поднимается, отряхивает приставшие к шароварам травинки.

– Твой котелок принести, командир?

– Будь добр, Саныч, принеси.

Он уходит, а у меня есть возможность еще несколько минут посидеть одному. Полевая кухня только остановилась, а самые нетерпеливые, гремя котелками, уже выстраиваются в очередь. Только сейчас я осознаю, как сильно хочется есть, днем об этом как-то некогда думать было. Проснувшийся желудок переключает на себя все мысли. Я подхватываюсь и резво направляюсь к месту общего сбора. Перловку здесь выдают в порядке общей очереди, невзирая на чины, звания и прежние заслуги, поэтому надо поторапливаться, если не хочешь получить пригоревшую кашу с самого дна.

От повара становится известно, что бомба попала в здание драматического театра, и именно в нем бушует сейчас пожар.

Накаркал. Команда «К бою!» вырывает нас из объятий морфея и бросает в суровую действительность отражения ночного налета. Вез-з-зу, вез-з-зу, в ночном воздухе гудение вражеских бомбардировщиков слышно очень отчетливо, а это значит – их много, несколько десятков.

– Заградительным! – командует Филаткин.

А каким же еще? Ночью-то, конечно, заградительным. А это значит, что мне сейчас ключом шелкать нельзя – при таком способе стрельбы от командира орудия многое зависит.

– Азимут восемь тридцать!

Ствол орудия пришел в движение.

– Взрыватель восемьдесят шесть!

А мне нужно уменьшить установку взрывателя на единицу, чтобы снаряд взорвался в нижней части завесы, поэтому я командую:

– Взрыватель восемьдесят пять!

– Угол возвышения семь сорок!

Возвышение ствола тоже должно быть меньше.

– Угол возвышения семь десять!

На этот раз свой маховик крутит Епифанов.

– Шкала четыре!

– Влево один!

Дементьев поворачивает маховик горизонтальной наводки на один оборот влево, увеличивая ширину зоны заградительного огня. Кланц – лязгает затвор.

– Готово!

– Огонь!

Г-г-г-гах!

– Откат нормальный, – докладывает Сан Саныч.

Лязг затвора.

– Готово!

Такой способ стрельбы пожирает снаряды со страшной силой, а эффективность его практически нулевая. Взрывы наших снарядов бесполезно вспыхивают в ночном небе. Я не сразу заметил, что среди этих вспышек появился негаснущий крохотный огонек.

– Горит! Горит, сволочь!

Отвлекаться некогда, но я не могу не смотреть на горящую вражескую машину. Команды подаю, не отрывая глаз от маленького факела в небе. Вот он вроде попытался повернуть, не вышло, резко пошел вниз. А это что? Парашюты раскрылись, или это мои глюки? Если все-таки парашюты, то не дай бог летчики в городской черте приземлятся – их там на лоскутки порвут. На очень мелкие.

– Азимут десять двадцать!

Филаткин переносит огонь в следующую зону. Мне тоже пора возвращаться на землю.

– Взрыватель восемьдесят! Угол возвышения шесть семьдесят! Влево один!

– Готово!

– Огонь!

Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах!

– Горит! Горит!

Во поперло! Второй! Из полусотни стволов по полусотне самолетов. Теория вероятностей плюс удача. Небо оно, конечно, большое, но сейчас для немцев оно стало тесным. Я отыскиваю в черноте неба еще один маленький пожар, тот заметно, даже с такого расстояния, постепенно увеличивается и неумолимо идет к земле. Самолеты выходят из зоны нашей досягаемости и сбрасывают свой груз над заводами левобережной части. Там гремят взрывы, поднимается зарево пожаров.

– Отбой!

На сегодня все, и мы возвращаемся в землянки. Главная тема бурных обсуждений – кто сбил? Поди разбери, два полка стреляли, но все уверены, что по крайней мере второй – точно наш. Громкая дискуссия мешает мне заснуть, и я обрываю ее:

– Какая разница? Наш? Ваш? Главное, что оба отлетались и никого бомбить больше не будут. И второй раз их сбивать не придется. А сейчас всем спать, подъем будет по распорядку!

Утро началось как обычно. Привычно пролетел немецкий разведчик, мы его привычно обстреляли. В положенное время прибыла полевая кухня. Батарея, гремя алюминием котелков, выстроилась в очередь. И тут словно порыв ветра прошелестел: сегодня утром немцы прорвали наш фронт на стыке двух армий. Началось.

Сегодня на обед гороховый суп из концентратов и пшенная каша на воде с опостылевшим «машинным» маслом. Выскребая остатки каши из углов крышки, я прикинул, когда нам ждать в гости немецкие «ролики». До фронта сто восемьдесят километров, средний темп наступления немецких танковых групп летом сорок первого около тридцати километров в сутки. Удастся им выдержать его сейчас? Вероятно да, парировать танковые удары немцев наши генералы еще не научились. Опять с колес, не одновременно и не в том направлении плюс господ-

ство люфтваффе в воздухе. Хотя танков у нас сейчас много, вероятно, даже больше, чем у немцев. Значит, могут и придержать фрицев на сутки-двое, но окончательно не удержат. Выходит, от шести до восьми дней. А что дает нам это знание? Да ничего! Все равно никто сейчас не поверит в то, что через неделю здесь будут немцы. А через двое-трое суток уже будет поздно пить «боржоми». Остается ждать.

«Воздух!», и буквально тут же «К бою!». Ненавижу фрицев – поесть спокойно не дали. Сами уже, небось, пожрали и даже до нас долететь успели, а то, что до нашей батареи кухня долго добирается, ни с какого бока их не волнует. Дожевывая на ходу, бежим к орудию. Первая волна состоит из двенадцати «хейнкелей», прикрытых истребителями. Наши «ястребки» подняться в воздух опять не успели, и встречать их приходится нам.

– Огонь!

Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Черные пятна разрывов ложатся все ближе и ближе к цели. Сейчас, сейчас, еще немного... В дело вступают другие батареи, ковер разрывов становится все гуще, а интервалы между разрывами все короче.

– Воздух над третьим!!!

Мой взгляд рванулся в направлении третьего ориентира. Пара «мессеров», воспользовавшись отсутствием истребительного противодействия, решила «причесать» нашу батарею. Самолеты заходят в атаку с пологого пикирования. В наиболее выгодной позиции для отражения этой атаки оказывается первое орудие первого взвода, ему ее и отбивать, остальные продолжают стрельбу по основной цели. Командир орудия что-то орет расчету. Из-за грохота выстрелов ничего не слышно, я вижу только, как он открывает рот. Орудие рывком разворачивается в направлении опасности, но выстрела нет – заряжающий замер со снарядом в руках, не в силах отвести взгляд от пикирующей смерти. Командир подскакивает к заряжающему и в ухо ему – бац! Этого оказывается достаточно: снаряд тут же оказывается в стволе.

Ггах! Бах! Та-та-та! В интервале между залпами одиночный выстрел прозвучал весьма отчетливо. И тут же взрыв – прямое попадание! Один шанс из ста тысяч! Самолет с оторванным крылом потянуло в сторону, он успел пару раз перевернуться вокруг продольной оси, прежде чем плашмя врезался в землю. Отлетело в сторону второе крыло, шлейф черно-оранжевого пламени протянулся за фюзеляжем, двигатель сорвался с моторамы и закувыркался по степи. Красота! Фантастика!

– А-а-а! – в восторге орут все, кто хоть на секунду смог отвлечься и увидеть незабываемое зрелище.

Второе, оторванное снарядом, крыло упало на землю гораздо позже, чем сам самолет, и довольно далеко от места его падения, с другой стороны огневой позиции. Второй «мессер» выпустил короткую, неприцельную очередь и, используя набранную на пикировании скорость, свечой ушел в небо. Отбились. Залп батареи снова становится четырехорудийным. А вскоре немцы выходят из нашей зоны поражения. Едва прозвучало «Отбой!», как все бросаются поздравлять расчет, сбивший «мессера». Остатки истребителя горят жарким бензиновым пламенем, в полусотне метров лежит металлическая глыба, перемазанная черноземом, – двигатель.

Не успели остынуть страсти, как снова доносится «К бою!» – на подходе девятка двухмоторных «юнкеров». Идет вторая волна немецких бомбардировщиков и истребителей. На подходе ее перехватывают наши истребители, в воздухе закипает бой. Время от времени из воздушной свалки вываливаются горящие точки. Но вот истребители метнулись в сторону – теперь наступает наше время.

Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Немцы вынуждены выполнять противозенитный маневр, научили мы их уважать нашу стрельбу. Потерь у них нет, но и скоординированной атаки на город не получается. Ну, почти не получается. На отходе на них опять наваливаются наши истребители. В здешней дивизии каких только истребителей нет, даже «харрикейны»

одно время летали, но сейчас куда-то исчезли. Основу ее самолетного парка составляют МиГи, еще из современных – штук десять ЛаГГов. Есть несколько «ишаков» и «чаек». Но исправных самолетов всего три десятка, не больше.

– Отбой!

Только расслабились, как тут же:

– К бою!

На подходе третья волна. Люди устали, но темп огня не снижается. Несколько бомбардировщиков прорываются к городу, на этот раз они идут к переправам через Воронеж. Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах!

– Горит! Горит!

Это уже наша работа. Немцы торопливо освобождаются от груза и поворачивают обратно. Только присели и перевели дух, как опять:

– К бою!

Совсем озверели фрицы. Несколько наших истребителей пытаются клевать немецкий строй, но сами оказываются втянутыми в карусель с истребительным прикрытием. Очередная девятка входит в зону зенитного огня, на этот раз это опять «хейнкели». Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Все впустую – все фрицы уходят назад целыми.

Надеюсь, это были последние. Ага! Счаз-з-з! Команда «К бою!» заставляет меня с трудом оторвать свое увесистое тело от планеты и приступить к своим обязанностям.

– Темп десять, совмещай.

Небольшая пауза.

– Огонь!

Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Г-г-г-гах! Да чтоб вы все сдохли, сволочи! «Сволочи» в очередной раз разгружаются над городом и уходят, подышать они не собираются. Одного мы вроде зацепили, но и он ушел, чуть отстав от основной группы.

– Отбой!

Я падаю там же, где стоял, рядом валится расчет. Только наводчику Дементьеву хорошо, ему падать не надо, он и так сидит. Казалось бы, я в бою снаряды не ворочал, а гимнастерку хоть отжимай. Понятно, что жара в конце июня стоит, но не до такой же степени. Видимо, сказывается нервное напряжение.

На бруствере появляется комбат, я только рот открыл, чтобы «Смирно!» скомандовать, но Филаткин меня опередил:

– Вольно.

Видимо, команда подразумевает разрешение лежать в прежних позах, но я все-таки поднимаюсь – неудобно с командиром разговаривать лежа, да еще на полтора метра ниже его сапог.

– Как оружие?

– В порядке оружие, товарищ старший лейтенант.

Комбат спрыгивает вниз, забирается на повозку и прикасается рукой к цилиндру накатника. Я в шоке, раньше за ним таких привычек не водилось.

– Горячий, – Филаткин отдергивает руку и поясняет: – На старых «три ка» сегодня были случаи отказов из-за перегрева.

– У нас порядок, товарищ старший лейтенант.

– Ладно, отдохайте, – разрешает комбат, – минут через сорок придут грузовики со снарядами.

Курорт закончился, началась война.

Тридцать пять ящиков на семь мужиков, каждый ящик восемьдесят два килограмма. Эти восемьдесят с гаком килограммов нужно снять с кузова трехтонки, пронести несколько метров и аккуратно опустить в специальный ровик. Что вы говорите? Плевое дело? Ах да, денек у грузчиков был не приведи господи, с ног валяются. Все равно плевое? Ну-ну. Поглядев на нас,

Колянчик впрягся в разгрузку без всяких дополнительных приказов. Но все равно последние ящики тащили буквально волоком. Когда ЗиС отъехал от позиции, расчет уже лежал в разных позах, тяжело дыша. Посмотрев на часы, я принял следующее решение:

– Сейчас отдыхаем. Минут через пятнадцать-двадцать кухня приедет. После ужина еще ствол протрем.

– Протрем?! – взвыл Серега Дементьев. – Командир, имей совесть – ночью наверняка опять стрелять будем.

– Так что, если у нас красноармеец Дементьев слегка притомился, то пусть ствол мхом зарастает? Ни хрена! Надраивать не будем, но нагар убрать надо. А что касается совести, то я ее на сержантские петлицы поменял. Так что на будущее, взывать к ней – бесполезно. Кстати, Серега, сколько у меня треугольников в петлице?

– Ну, два, – осторожно отвечает наводчик, опасаясь подвоха.

– А я сейчас к комбату пойду и еще по одному попрошу.

– Зачем?

– А чтобы такой «пилой» тебя пилить удобнее было.

Гы-гы-гы – негромко смеются мужики. Они очень устали и надо как-то поднять им настроение, ну хоть чуть-чуть. Потом приехала долгожданная кухня, и мы медленно ковыряли надоевшую «шрапнель», чтобы оттянуть начало чистки орудия. Когда каша все-таки заканчивается, нас ожидает привычное «И-и-и, раз! И-и-и, два!». Сначала протираем ствол банником, потом сливаем керосин и еще раз проходим по стволу банником, обмотанным чистой ветошью. После этого приступаем к пыжеванию. Дважды прогнав пыж через ствол, решаем, что хватит, и буквально уползаем в свою землянку. Я днем меньше остальных работал, а вымотался так же, возраст, однако, сказывается.

Едва стянув сапоги, я уже намеревался забыться в спасительном сне, но мне и тут покоя не дали.

– Командир, а, командир.

– Чего тебе, Рамиль?

– А первый расчет к награде представить хотят.

И когда он только эти сплетни собирать успевает? Вроде постоянно вместе со всеми был. Остальные притихли, им тоже интересно.

– Ну и хорошо. Очень за них рад.

– Так мы тоже немца сбили! Почему нас не награждают? У нас же еще три танка есть!

– Ты танки не трожь, к ним только Иван отношение имеет, и то к последнему. А что касается сбитого «мессера»...

Ну как ему объяснить, что сбили мы его, как бы находясь в составе другой части, и нашим командирам к награде нас представлять смысла нет, они с этого дивидендов не получают. Другое дело – сегодняшний «мессер», теперь номер полка прогремит по всей цепочке прохождения наградных листов. Глядишь, и комполка по головке погладят, и у комбата за ушком почешут. А после второго-третьего достоверно, или не очень достоверно, сбитого можно и начальству что-нибудь получить. Однако такие аргументы озвучивать, естественно, нельзя, поэтому пытаюсь выдумать другую причину.

– Так мы его дуриком сбили. Случайно пальнули, случайно попали. Да и то попали. Если бы летчик не струсил, видали бы мы тот «мессер». Так за что же нас награждать? А если сегодня «мессеры» из пушек по батарее прошли, сколько бы народу положили? А первый расчет нас всех спас, за это его и награждают.

– Оно, конечно, так, – вздыхает Сан Саныч.

Мои аргументы расчет умом принимает, но в глубине души чувство некоторой несправедливости у них осталось. Я их понимаю. Вроде сделали одно и то же, но одних к награде

представляют, а другим даже благодарность не объявили. Однако усталость берет свое, и расчет погружается в сон до подъема. Или до ночной тревоги. Как повезет.

Повезло, ночью нас не беспокоили. Утром любители трофеев обшарили обгоревший фюзеляж сбитого «мессершмитта». Сильно поживиться не удалось – горел он долго и жарко, в кабине остался только пепел. На пистолет летчика никто не позарился – перекаленный кусок железа. Самым ценным трофеем стал железный крест, принадлежавший пилоту. Но даже и он находился в весьма непрезентабельном состоянии.

Днем состоялся очередной налет. Его ждали и к нему готовились. На этот раз и посты ВНОС не проспали, и истребители взлетели вовремя, но и немцы изменили тактику. Первой заявила группа расчистки воздуха в количестве двенадцати «мессеров». Связала боем наших и только потом подошли «хейнкели». Единственными, кто мог им помешать, опять оказались артиллеристы нашей дивизии полуженской воздушной обороны. Несмотря на все наши старания и бешеный расход снарядов, сбить никого не удалось, но и прицельно отбомбиться по Воронежскому железнодорожному узлу, смогли немногие. Немецкое наступление успешно развивается и бомбардировочные эскадры люфтваффе делают основной упор на удары по железнодорожным станциям и узлам. Они пытаются не допустить переброски наших резервов к местам прорыва, что, в общем, им удается – достаточно сильное истребительное и зенитное прикрытие имеют немногие транспортные объекты. Зенитные бронепоезда общей картины изменить не могут – их очень мало.

На следующий день немцы придумали очередную пакость. Началось все по вчерашнему сценарию: сначала появилась группа расчистки воздуха, за ней бомберы. Только мы по ним пристрелялись, как...

– По пикировщикам!!!

Сектора между орудиями распределены заранее, в нашем – чисто, а в секторе второго. Вот они!

– По пикирующему! Взрыватель тринадцать!

Кланц.

– Готово!

– Огонь!

Гах! Блямс. Кланц. Гах! Блямс. Кланц. Гах! Гах! К постановке завесы подключается второе орудие. Еще двое «худых» пикируют в секторах первого взвода. Подкрались за облаками и неожиданно атаковали.

– Взрыватель восемь!

Гах! Гах! Орудия успевают сделать только по одному выстрелу. Та-та-та-та, та-та-та-та. Звук пушечной очереди долетает через секунду после того, как снаряды выбивают из земли пыльную дорожку. Страх против воли пригибает к земле. Оказывается, бомбы, летящие прямо на тебя, хорошо видны, эдакие замершие в небе черные кружки.

– Ложи-и-ись!!!

Бах! Я моментально глохну на правое ухо. Бах! На этот раз достается левому. Бомбы небольшого калибра, килограммов на пятьдесят, но рвутся достаточно близко, сверху летят комья земли. Бах! Бах. На этот раз дальше, а может это мне кажется, так как я почти оглох. Та-та-та-та. Бах! Бах! Вроде еще дальше. Видимо, на этот раз достается первому взводу. Бах! Бах! Внезапно наступает почти полная тишина. Звуки доносятся как сквозь толстый слой ваты, в нос бьет вонь сгоревшего тротила. Расчет зашевелился, вроде все целы, крови ни у кого не видно. Приподнявшись над бруствером, вижу в метрах в двадцати свежую дымящуюся воронку, рядом еще одна. О! Шлыков! Жив! А чего он рот разевает? Я скорее не слышу, а догадываюсь, что кричит взводный «Совмещай!». Значит, данные с ПУАЗО продолжают идти?

– Совмещай! Совмещай!

До Дементьева дошло, а Епифанов никак не может понять, что от него хотят.

– А? Что?

Хватаю его за руку, поворачиваю к принимающему прибору, тыкаю в шкалу пальцем:

– Совмещай! Совмещай!

– А-а-а, – догадывается Иван и начинает крутить маховик вертикальной наводки.

– Осколочным! Заряжай!

Коновалов уже пришел в себя и готов к работе, Рамиль уже вытаскивает из ящика очередной унитар, но вот Лобыкин еще не встал с четверенек и, по-моему, не собирается этого делать. Хватаю его за шиворот и тащу к установщику, прежде чем отпустить, хорошенько встряхиваю. Рамиль сует ему в руки снаряд с уже снятым колпачком. Лобыкин отработанным до автоматизма движением вставляет снаряд в установщик и дважды поворачивает ручку. Едва он вынимает унитар, как его подхватывает заряжающий и отправляет в казенник. На этот раз затвор срабатывает почти бесшумно.

– Огонь!

Г-гах! Залп получается двухорудийным, первый взвод молчит – ему досталось сильнее. Г-гах! Молодцы мужики: оглохли, но работают как надо, все действия забиты практически на уровне рефлексов. Г-г-гах! К нам присоединяется одно из орудий первого взвода, второе продолжает играть в молчанку. Г-г-гах! Похоже, не только нашей батарее сейчас досталось – зенитный огонь кажется каким-то неубедительным, что ли. Наши снаряды взрываются не так близко к цели, интервалы между залпами неравномерные. Г-г-гах! Фрицы поворачивают и ложатся на обратный курс.

– Стой! Прекратить огонь!

Кажется, слух постепенно возвращается.

– Все целы?

Сам себя едва слышу, но до остальных дошло.

– А-а... ..га. А-а-а.

Все понятно. А орудие? На стволе пара мелких царапин и одна покрупнее, накатник и тормоз отката целы, осколки прошли выше. Нас спас высокий бруствер, принявший основную массу осколков на себя. А что творится за пределами нашего окопа? Из восьми сброшенных бомб на позицию батареи попали три, перебили оба кабеля, идущих от ПУАЗО к орудиям первого взвода, оглушили расчеты, но никого не убили, даже не ранили. А вот пушечная очередь одного из «мессеров» прошла точно по позиции первого орудия первого взвода, того самого, что позавчера сбило такой же «мессершмитт». Сегодня повезло немцам. Народ понемногу стягивается туда, идем и мы.

На дне орудийного окопа лежит заряжающий. Его прикрыли какой-то тряпкой, уже успевшей пропитаться кровью, судя по всему, у него просто нет головы. Четвертому номеру двадцатимиллиметровый снаряд оторвал руку вместе с частью плечевого сустава. Перевязать такую рану невозможно, и девушка истекла кровью еще до того, как батарея прекратила вести огонь. Бросается в глаза восковая бледность лица, кажется, что за считанные минуты молоденькая девчонка превратилась в старуху. Здоровенный ботинок слетел с одной ноги, и босая ступня кажется такой беззащитно маленькой на фоне второго бота. Повозка и станок орудия залиты кровью. Невольно вспоминается другая пушка, залитая кровью, промерзший окоп и развороченная осколком спина с торчащими из раны ребрами и пузырьем легкого. От этого меня начинает мутить, и я поспешно ухожу.

Вернувшись к своему орудию, начинаю собирать еще горячие гильзы, разбросанные на дне окопа. Надо же хоть чем-то заняться, чтобы не думать об убитых. Когда я почти закончил, возвращаются остальные. Некоторое время сидим молча, каждый сам переживает первые потери.

– С сегодняшнего дня по тревоге надеваем каски. Понятно?

– ...му?

– По кочану! Увижу кого-нибудь без каски – гвоздями к голове прибью.

До сегодняшнего дня эта деталь нашей амуниции считалась бесполезной придурью начальства, пытавшегося бездумно усложнить нашу и без того нелегкую жизнь. Поэтому наши каски так и лежали ровным рядком на досочке в землянке. А пользовались мы ими только один раз – когда стреляли по той балочке на вражеском берегу мелкой речушки. Расчет переваривает очередную дозу неприятностей. От мессершмиттовского снаряда каска, конечно, не спасет, но от осколка чью-нибудь башку убережет может. Дурацкая гибель никому не нужна. Впрочем, бывает ли она разумной? Неизвестно.

Появляется наш взводный.

– Ка-ак у ва-ас де-ела?

Вроде его я слышу более или менее нормально.

– Нормально, товарищ лейтенант. Потерь нет, оружие цело.

– А?

Понятно, его тоже здорово оглушило, и он не говорит – кричит. Я тоже добавляю децибелов.

– Нормально, товарищ лейтенант.

– А-а.

Еще раз бросив взгляд на наш окоп, лейтенант уходит. К вечеру слух почти восстановился, только в голове слегка шумело.

– Рамиль, не знаешь, когда убитых хоронить будем?

– Сегодня. Его здесь, а девушку в город отвезут, на тамошнем кладбище похоронят.

– Как ее звали?

– А не знаю. Валентина, кажется.

Вечером над свежей могилой треснул жидкий винтовочный залп. Пока была возможность, парня похоронили, как положено. Скоро такой возможности не будет. Хорошо, если вообще закопают хоть как-то.

Ну вот и все, а я продолжал подравнивать и без того ровную кромку небольшого холмика, никак не мог остановиться. Подошел комбат, снял фуражку с забинтованной головы, постоял, потом поинтересовался:

– Готово?

– Готово, – печально подтвердил Сан Саныч.

– Тогда давай, ставь.

Мы отошли, чтобы не мешать ему. Саныч осторожно, словно боясь потревожить покой тех, кто лежит внизу, осторожно забил в холмик зеленую доску от снарядного ящика. К доске была прибита небольшая фанерка с нарисованной химическим карандашом звездой и списком из одиннадцати имен. Первым в нем значился «Сержант Федонин С. И. 1919–1942». На самом деле нет там его, там вообще никого нет. Все, что осталось от одиннадцати человек, а это в основном обгоревшие тряпки, собирали в радиусе пятидесяти метров – бомба попала прямо в окоп ПУАЗО. От здорового железного ящика, массой в не одну сотню килограммов нашли только покореженную станину.

Сначала, уже привычно, появились «мессершмитты», мы открыли огонь. Тройка восьмидесяти седьмых «юнкерсов», не включая сирен, спикировала со стороны солнца. Гах! Гах! Навстречу им батарея успела сделать только два выстрела, никакого результата не давшие. А потом...

– Ложи-и-ись!!!

Бах! Бах! Ба-бах! Именно третья бомба и натворила дел. Когда я, одурев от грохота взрывов, вылез на бруствер, то мне открылась страшная картина: на месте окопа ПУАЗО дымилась большая воронка. Пораженный этим зрелищем, я не сразу заметил, что и дальномерщикам тоже хорошо досталось: двое убитых, остальные тяжелые. Среди тяжелораненых оказался

командир взвода управления, комбат выжил чудом. Сан Саныч тоже поднялся на бруствер, замер, потом, не таясь, перекрестился.

– Спаси и сохрани.

Кое-кто из молодежи потихоньку последовал его примеру. А потом начались не самые приятные хлопоты. Первый взвод похоронил погибших дальномерщиков прямо в их окопе, только чуть углубив его. А нам досталась воронка на месте, где еще недавно находилось одиннадцать человек. Одиннадцать живых людей. От них не осталось почти ничего, только обгоревшие тряпки, пара подошв от английских ботинок да бляха красноармейского ремня. Все это сложили на дно воронки, потом долго засыпали. Земля исчезла вместе с людьми, приходилось наскребать и носить ее с других мест. Сан Саныч нашел фанерку, написал имена погибших, прибил к доске и поставил этот скромный обелиск на этом скорбном месте. Теперь вот стоим – прощаемся. Речи толкать и в воздух палить никто и не думает. Просто стоим и молчим, все слишком поражены случившимся.

Сегодня «лаптежники» появились впервые, а они далеко от передовых частей не летают, значит, и танки скоро заявятся. На дороге от переправы к городу появились беженцы. Тоже верный признак приближения немцев. Сколько нам осталось? Сутки? Двое? Не знаю. Сзади бесшумно подошел Филаткин. А может, у меня слух не до конца восстановился?

– О чем задумался?

– Думаю, брустверы надо срывать, товарищ старший лейтенант, – по крайней мере, в западном секторе.

Высокие брустверы орудийных окопов, укрывшие нас от осколков немецких бомб и отразившие ударную волну, при стрельбе по танкам могут стать помехой. К тому же маленькое расстояние между дульным тормозом и поверхностью земли создает газовую подушку, которая подбрасывает снаряд и снижает точность стрельбы.

– До завтра, надеюсь, подождет?

– Думаю, да.

– Вот с утра и начнем.

С утра – это хорошо, а то вечером нам еще пушку чистить. Жизнь наша еще не закончилась, она продолжается. Как и война. Вечером сообщили по радио – наши оставили Севастополь.

Глава 9

– Сашка, ну ка, найди мне полдюжины гвоздей!

– Не надо гвоздей, командир. Понял я все, понял.

Рамиль пулей метнулся обратно в землянку и через три секунды выскочил обратно уже в каске.

– Взрыватель катэем без колпачка, азимут шесть пятнадцать, прицел один двадцать!

Стволы орудий не задраны, как обычно, в небо, а лишь немного приподняты над горизонтом. Сегодня батарея впервые ведет огонь по наземной, пока еще невидимой цели. Судя по установкам прицела, до немцев около семи километров. Оправдался мой худший прогноз: для того, чтобы выйти на подступы к городу, немецким подвижным частям потребовалось всего шесть дней. Тут же выяснилось, что оборонять город, по сути, некому. Единственным боеспособным соединением была стрелковая дивизия. Полнокровная, сформированная в Сибири, но абсолютно не имеющая боевого опыта, она должна противостоять половине ударных частей немецкой танковой армии. А что бывает при встрече храбрых и упорных, но неопытных сибиряков с немецкими танками? По-разному бывает: когда мы, а когда нас, от соотношения сил зависит. Но одно остается неизменным – крови при этом проливается много, в основном нашей.

– Первое!

– Огонь!

Гах! Стреляет орудие первого взвода. Трассер бесследно исчезает на правом берегу, цель нам не видна. Данные для стрельбы нам передают по телефону, видимо, с НП стрелкового полка. Два полка дивизии прикрывают переправы через Дон: один – нашу и железнодорожный мост, второй – автомобильную, находящуюся южнее, почти у слияния Дона и Воронежа. А какие силы у немцев? Скорее всего, танковый корпус. Против двух стрелковых полков.

– Левее ноль ноль пять, меньше десять, взрыватель прежний! Огонь!

– Второе!

– Огонь!

Гах! Идет пристрелка одним орудием. Неведомый корректировщик пытается взять цель в вилку. Кроме сибиряков в городе есть два батальона НКВД, кавалерийская школа, наша дивизия ПВО и масса мелких тыловых частей, которые можно не брать в расчет. Через переправу течет постоянный поток беженцев и отступающих красноармейцев, проскакивают ЗиСы, полуторки. На западном берегу большое скопление людей и техники, эскадрилья «юнкерсов» могла бы здесь наворочать такого... Но пока переправы немцы не бомбят, видимо, планируют их захватить и использовать в своих целях.

– Больше ноль ноль пять, взрыватель прежний!

Корректировщик половинит поправку по дальности.

– Первое! – командует Шлыков.

– Огонь! – я дублирую команду взводного.

Гах! Блямс.

– Меньше ноль ноль два, взрыватель прежний!

Корректировщик еще раз половинит поправку для получения узкой вилки.

– Второе! – командует Шлыков.

– Огонь!

Гах! Еще один трассер уходит на правый берег.

– Прицел прежний! Огонь!

Гах! Цель взята в узкую вилку, и корректировщик проверяет установки прицела.

– Прицел прежний! Батарей, темп пять! Огонь!

Корректировщик получил обеспеченную вилку и торопится использовать ситуацию по максимуму. Гах! Гах! Гах! Блямс. Гах! Стреляем не привычным залпом, а поорудийно.

– Прицел прежний! Батарей, три снаряда, беглым! Огонь!

Гах! Гах! Гах! Блямс. Гах! Корректировщик добился накрытия цели. Гах! Гах! Гах! Блямс. Гах! Интересно, а кого или что мы обстреливаем? Взрыватели поставлены без колпачка – значит, пехота или легкая бронетехника. Гах! Гах! Гах! Блямс. Гах!

– Стой! Прекратить огонь!

В стрельбе наступает пауза.

– Матчасть в исходное, – командую я и добавляю: – Отдыхайте пока.

– Можно закурить, командир?

– Можно Машку за... а, ладно, курите.

Курящие в расчете все, кроме меня и заряжающего. До восемнадцати отец держал Сашку в ежовых рукавицах, ни о каком курении и речи не шло. Попав в армию, он к табаку так и не пристрастился. Остальные выбрались на бруствер, сидят, сигарки крутят. Ждем долго, наши курильщики успели пойти на второй круг. От колонны беженцев отделяется фигура в выгоревшей гимнастерке и запыленных сапогах. Пилотки на голове нет, за спиной «сидор». Правая рука висит на перевязи, сквозь бинт проступает пятно крови. Когда он подходит к нам ближе, то я вижу у него в петлицах два треугольника и перекрещенные «мослы».

– Табачком не угостите?

Сан Саныч отделяет от своих запасов бумажку нужного размера, отсыпает из кисета табак. Незнакомый сержант-артиллерист присаживается, как и все скручивает «козью ножку», прикуривает от самокрутки Рамиля. С наслаждением делает первую затяжку. Саныч начинает разговор.

– Оттуда?

– Оттуда.

– Ну и как там?

– А-а...

Очень содержательный разговор. Между тем все понятно – долго наши не продержатся, скоро настанет и наш черед. Сержант гасит самокрутку о подошву сапога, окурочок прячет. Встает, отряхивается, и тут его взгляд падает на наши орудия.

– А чего вы стволы позадирали?

– По инструкции положено, чтобы пружины уравнивающих механизмов не уставали.

– Какие пружины? Фриц одним снарядом всю батарею выбьет!

Сержант уходит обратно к дороге. А ведь он прав! Один удачно выпущенный снаряд или мина могут осколками пробить накатники орудий, и все – батарея не боеспособна. Мог бы, между прочим, и сам догадаться, тем более что печальный опыт уже есть. Расслабился в тылу, привык к тому, что стволы должны быть постоянно подняты.

– Епифанов! Ваня, давай вниз, опусти ствол. Я к комбату.

Через три минуты стволы всех орудий были опущены в ноль.

Солнце опускалось все ниже, заканчивался длинный летний день. Когда канонада на западе внезапно стихла, в душу начал заползать черный липкий страх – немцы прорвались. Теперь только от скорости их танков зависело: выйдут они к переправе сегодня вечером или отложат до завтра. Я постарался загнать страх подальше, по крайней мере, не показывать вида, но нервное напряжение спрятать не удалось, и оно невольно передалось расчету. Все замерли в томительном ожидании. Как ни ждали появления немцев, оно, как всегда, произошло неожиданно.

– Танки!!!

На правом берегу появились крохотные серые коробочки с растянутым шлейфом пыли. Коробочки ползли к переправе, расстояние около двух километров. Далековато, подпустим ближе. В нашей литературе зенитчики всегда уж если не останавливали окончательно, то, по крайней мере, надолго задерживали немецкие танки. Со стороны немецких танкистов все выглядело несколько по-другому. Схема приблизительно такая: нарвались на русские зенитки, потеряли пару машин, отошли, вызвали огонь артиллерии, подождали десять минут, поехали дальше. Вроде как надоедливое насекомое прихлопнули. Так кто же ближе к истине: наши зенитчики или немецкий обер-лейтенант, воспоминания которого попались на глаза пару лет назад? Или почти семьдесят вперед? Неважно. Думаю, что в нашем случае танкист все-таки ближе. Черт, как умирать-то не хочется. Но тут прибежал Шлыков, и стало не до мыслей о собственном тельце.

– Давай к комбату!

– Зачем?

– Не знаю. Давай бегом!

На НП батареи из всех приборов остались только буссоль и зенитная командирская труба. Филаткин буквально прикипел к трубе, рассматривая танки на другом берегу.

– Товарищ старший лейтенант, серж...

Комбат прервал мой доклад и сделал шаг в сторону:

– Посмотрите. Не могу понять, чьи это танки.

Влипаю в черный резиновый налобник. Десятикратная оптика приближает правый берег, позволяя рассмотреть мельчайшие детали танков. Хорошо видны только две крайние машины, остальные скрыты поднятой при движении пылью. По угловатому корпусу и цилиндрической нашлапке командирской башни опознаю немецкие «тройки». А вот что смутило комбата – на одной из машин висит красный флаг. Может, это трофейные танки? Да ну, откуда? Или немцы пытаются обмануть наших и проскочить к переправе? В этот момент порывом ветра флаг развернуло и в его центре показался белый круг, с диагонально усевшимся в центре черным пауком свастики.

– Это немцы, товарищ старший лейтенант.

– Точно? Может, все-таки наши, трофейные?

– Немцы это. Точно. Флаг на танке со свастикой.

Я уступил комбату место у трубы. Никого немцы дурить не пытаются. Красный флаг на башне – это опознавательный знак для люфтваффе. Парни у Геринга горячие, за железный крест и отпуск кого угодно разбомбить готовы, в том числе и своих. Недаром кригсмарине своей авиации боялось больше, чем союзнической. Огромные опознавательные знаки, намалеванные на верхних палубах, помогали далеко не всегда. Немецкие пилоты сначала вываливали на судно бомбы и только потом разбирались с его национальной принадлежностью. Поэтому, учитывая господство в воздухе немецкой авиации, передовым танкам безопаснее следовать с таким опознавательным знаком, чем без него. Странно только, что флаг повесили, а не растянули на моторном отделении или башне.

Комбат оторвался от трубы.

– Немцы. Идите к орудию.

– Есть!

Когда я выскакивал с НП, в спину мне ударило:

– Батарей, к бою!

Пока я бежал к своему орудию, комбат успел распределить цели.

– По танкам противника! Первому по крайнему справа, второе по второму и так дальше.

Нам, следовательно, достается третий, если считать справа. Из-за поднятой пыли видно его плохо, темное пятно то исчезает, то появляется в серых клубах. Попробуй попади в него. Пока мне остается только дублировать команды Филаткина.

– Бронебойным!

Кланц – закрывается затвор.

– Готово!

Танки идут под углом к нам, градусов где-то тридцать. Как же такое движение называется? Слово еще такое... А! О! Точно! Облическое! Черт! В такой момент всякая чушь в голову лезет. Скорость у них приличная, для одна тысяча девятьсот сорок второго года, судя по поднятой пыли, в час дают километров двадцать пять, а то и все тридцать. Значит, нужно выносить точку прицеливания.

– Вправо полтанка!

– Прицел четырнадцать!

Все замерли, только Дементьев плавно поворачивает маховик горизонтальной наводки – сопровождает цель. Танки вот-вот выйдут на рубеж, соответствующий установленному прицелу.

– Огонь!

Как ни ждали команду на открытие огня, а она, как всегда, прозвучала неожиданно.

– Огонь!

Гах! Блямс.

– Откат нормальный.

Пороховые газы, вылетевшие из дульного тормоза, поднимают пыль перед орудием, мешая наблюдению за полетом снаряда. Приходится выскочить на бруствер, успеваю увидеть, как трассер исчезает в пыльном облаке на правом берегу. Мимо!

– Прицел тринадцать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.